

Александр Андрюхин

ИСКУШЕНИЕ КАССАНДРЫ

1

Нельзя сказать, что Астерин ей не нравился. Он был мужчина приятный во всех отношениях. От него, как от преподавателя, таяли все девчонки первого курса: кудрявый блондин с синими глазами и короткой романтической бородкой. Он обладал грациозной осанкой и мягким баритоном, был высок, строен, опрятен; одет всегда с иголочки. Лицо открытое, светлое, взгляд пронизательный, на губах вечная улыбка. На вид — не более двадцати восьми.

Но Александр Федорович замечал только ее. Когда Катя входила в кабинет, его лицо начинало светиться. Во время лекций, он не сводил с девушки глаз. Создавалась иллюзия, что препод читает только для одной студентки. Его внимание к ней было настолько явным, что становилось стыдно. В тот вечер третьего октября она с тремя девчонками и двумя юношами осталась на дополнительное занятие.

— История не развивается стихийно! — говорил он своим мягким баритоном. — В истории все последовательно и закономерно, поэтому, то, что мы имеем сегодня, совершенно естественно вытекло из вчерашнего дня.

У него была удивительная дикция. Этого она не могла не замечать, как человек, заикающийся с детства. Всю жизнь она боролась с этим ужасным недостатком и только в прошлом году перестала посещать логопеда.

— В истории все логично, — продолжал Александр Федорович, — поэтому предсказывать общественные события не представляет особых трудностей, если владеешь фактами, логикой и знанием законов развития человеческого общества. Вот из вас, к примеру, кто-нибудь пытался предсказывать события?

— Я предсказывала! — подняла руку Катя.

— И что ты предсказывала? — улыбнулся историк, и в его голосе прозвучало столько нежности, что юноши скорчили рожи, а девчонки закатили глаза.

— Смерть отца моей подруги... У меня есть подруга в Твери. Ее зовут Аленой... Она старше меня на три года.

— Минуточку! — поднял палец историк. — Потом я с удовольствием послушаю, а сейчас вы должны уяснить одну вещь: в истории все настолько закономерно, что необдуманные поступки всегда чреватые. Причем, без каких либо исключений...

После занятий историк поймал ее за руку, когда она пыталась выскользнуть в коридор за своими сокурсниками.

— Ну, — блеснул он веселыми глазами. — Продолжай! И так, ты приехала из Твери. А в Твери у тебя осталась подруга Алена.

Последним из кабинета выходил Женя Городецкий. Прежде чем закрыть дверь, он оглянулся и расплылся в понимающей улыбке.

— Можно, Александр Федорович, я расскажу потом? — попросила Катя, томно опустив глаза.

— История не прощает, когда ее откладывают на потом. Здесь и теперь!

Он усадил ее за стол, а сам присел напротив.

— И так, твою подругу зовут Аленой...

— Ну да, Аленой. Она была самой красивой девочкой в школе. В общем, история короткая, — начала смущенно студентка. — С Аленой мы подруги с детства. Отец у нее был строителем. В то время он работал в Ставрополе. И вот возвращаемся мы с ней вечером с дискотеки, и Аленка мне говорит: «Давай зайдем ко мне. Мама собиралась печь блины». Я согласилась. Стали мы подниматься по лестнице, и вдруг на площадке второго этажа я случайно взглянула в окно и увидела черный гроб, а в нем Аленкиного отца со свечой в руках. Я ей говорю: «Аленка, у тебя умер отец». А она мне: «Чего ты плетешь, он только вчера звонил...» Добегаем мы до четвертого этажа, звоним. Открывает ее мать, вся в слезах, и говорит: «Пришла телеграмма. Папа умер».

Катя закончила и подняла глаза на историка. Историк улыбался, хотя она рассказала чистую правду и за весь рассказ ни разу не запнулась. Это хороший признак. Ее мечта — стать телевизионной журналисткой. В тот вечер не наблюдалось никаких препятствий к осуществлению ее мечты.

— Тяжелый случай, — произнес он. — Однако твое предсказание исходит не от рассудка, а от сердца. Ты, конечно, девушка талантливая, но вдохновение у тебя слепое. Хотя все это детали! Насколько я догадываюсь, это не единственное твое пророчество?

— Не единственное, — ответила она. — Другая история длиннее.

— История не измеряется размерами. Она измеряется временем. А время сейчас располагает... — произнес он и предложил отправиться в кафе. Катя согласилась.

Нельзя сказать, будто она тяготилась тем, что за ней, семнадцатилетней девочкой, ухаживал взрослый мужчина. Катя приблизительно знала, чем это может закончиться. Но в тот вечер еще очень хотелось рассказать про собаку. И она, конечно, про нее рассказала в каком-то милом ресторанчике, не слишком шумном и не слишком людном, за бокалом шампанского и чашкой кофе. В заведении играла ненавязчивая музыка и сновали милые официантки, поднося на столик, то мороженое с орехами, то какие-то соки.

Если коротко о собаке, то случилось это тоже в Твери и тоже в Аленкиной семье за полгода до того, как умер ее отец. У них от «чумки» погибалась Стрелка. Аленка прибежала к ней и сказала, что Стрелка совсем плохая и этой ночью возможно умрет. Мать хотела усыпить ее в ветлечебнице, но Аленка не дала. Катя закрыла ладонями глаза и вдруг увидела Стрелку живой и веселой, кувыркающейся в снегу у Аленкиного подъезда. Она отняла ладони и радостно воскликнула:

— Вижу Стрелку живой и здоровой!

В этот же вечер она ушла к Аленке ночевать. Ей в Аленкиной комнате поставили раскладушку и уложили, как человека. А ночью подползла умирающая Стрелка. Больше Катя спать не могла. Она ежеминутно опускала руку в темноту, гладила дрожащую спину собаки и молила всех святых, чтобы они пожалели ни в чем неповинное животное. И вот среди ночи дверь в комнату отворилась, и в нее бесшумно вошел высокий блондин со светлым лицом и голубыми глазами. Он даже не вошел, а вплыл в их и без того тесную спальню. Его ноги едва касались пола. Точнее сказать, вообще не касались. Аленка спала. А Катя не испытала ни страха, ни удивления, ни беспокойства по поводу того, что в девичьей ни с того ни с того ни с сего появился взрослый мужчина. И вдруг гость произнес, не открывая рта: «Нагрей воду до такого состояния, что запястье руки не сможет терпеть, и окуни собаку с головой. Потом напои ее белым и

теплым». Произнеся это, блондин улыбнулся белозубой улыбкой и вдруг неожиданно добавил, что они еще встретятся. После чего выплыл из комнаты тем же макарон, что и вплыл.

Катя вскочила, разбудила подругу, рассказала, что ей только что привиделось, и они бросились на кухню греть воду. Нагрев ее до температуры семьдесят градусов, девчонки окунули Стрелку с головой, а затем дали теплого молока. Наутро Стрелка ожила. К вечеру она уже самостоятельно спустилась по лестнице. А на следующий день они отправились с собакой в ветлечебницу. Ветеринары долго качали головами и чесали затылки. «А ведь точно, бактерии собачьей чумы погибают при температуре семьдесят градусов. И молоко тоже убивает бактерии».

По окончании рассказа Катя сделалась пунцовой. Она запнулась только единственный раз, и то в том месте, где описывала блондина, потому что он как две капли воды походил на Александра Федоровича. Историк смотрел на нее умными глазами и, казалось, знал о ней все, даже то, чего она сама не знала.

— Да, ты просто Кассандра, — произнес он мягко и взял ее руку.

Когда Астерин коснулся губами ее пальчиков, сердце девушки замерло. Потом Катя сама не помнила, как оказалась у него дома. Это было похоже на сон: танец под тихую музыку в ресторане, затем еще один бокал шампанского, какие-то ступени в коврах, ухмыляющийся швейцар, такси и, наконец, полутемная прихожая его квартиры.

Девушка начала приходить в себя только после того, как он опустился на колени и принялся расстегивать босоножки. Тогда-то она и предприняла робкую попытку высвободиться из его рук. Кавалер чутко уловил Катино движение и поднял голову. Глаза его были слегка затуманены. Историк нежно поцеловал ее коленку, и она проснулась окончательно.

— Что вы делаете, Александр Федорович? Прекратите! Мне уже надо домой.

— Разве у тебя есть здесь дом? — улыбнулся он.

— Мне нужно в общежитие! Его сейчас закроют.

— Его уже закрыли! — интеллигентно вздохнул он. — Оставайся у меня! Даю слово, что больше к тебе не прикоснусь.

— Нет-нет! Извините! Я не могу!

Она подцепила ногой босоножку и выбежала из уютной квартиры в темный подъезд. Девушка легко сбежала с третьего этажа и оказалась на улице. Вокруг ни души. В радиусе километра ни единого фонаря. Ну и глухомань! Теперь надо выбирать из этого района. Но как?

Нельзя сказать, что Катя была против того, чтобы мужчины целовали ей колени. Просто она к этому не готова. Ей еще так мало лет. Наконец, она об этом еще не думала. Подумает, когда сдаст сессию.

Она направилась в сторону трамвайной линии, но сбилась с пути. Прислушалась. Не слышно ни трамваев, ни машин. Кругом одни девятиэтажки с черными окнами. И больше ничего. Как здесь люди живут?

И вдруг сзади она четко уловила зловещий шорох. Девушка оглянулась и мельком увидела метнувшуюся тень. Катя испугалась и рванула вперед. Она бежала долго, спотыкаясь в темноте о какие-то кирпичи, лавочки, клумбы, детские песочницы. Она бежала и чувствовала, что кто-то невидимый бежит за ней следом и не только не отстает ни на шаг, но даже испытывает наслаждение от ее ужаса. Катя дважды падала в траву, но молниеносно вскакивала и продолжала бежать. От страха хотелось выть, но выть было бесполезно — вокруг ни души.

И вдруг она увидела свет и мотыльком полетела на него. Это горел фонарь во дворе какой-то маленькой церквушки. Девушка добежала до забора, не останавливаясь, понеслась вдоль него и, когда увидела ворота, облегченно вздохнула. Но радость была преждевременной. Ворота оказались запертыми на цепь. Не раздумывая, бедняжка перемахнула через шершавый частокол, сильно ободрав руки, и понеслась к храму. В ту же минуту она с ужасом услышала сзади деревянный скрип: преследователь тоже перелез через забор. Катя подбежала к храму, взлетела на паперть и

принялась с визгом молотить по дверям, чувствуя, как это зловещее некто приближается к ней все ближе и ближе. И вдруг в ту самую секунду, когда она уже хотела оглянуться и взглянуть на преследователя, чья-то сильная рука заткнула ей рот и пригнула голову к крыльцу. Последнее, что она увидела, — это серые кирзовые ботинки со сбитыми носами и ржавыми клепками по бокам, вокруг которых были выцарапаны дурацкие лепестки ромашек...

Студентка очнулась от холода. Вокруг было темно и тихо. И по-прежнему ни души. Девушка лежала на паперти вниз лицом с задранном платьем. Рядом валялись трусики. Ноги были липкими. Катя поднялась и, прихрамывая, направилась к воротам. Она с трудом перелезла через забор, вышла на дорогу и увидела милицейский «УАЗик»...

Милиционеры все поняли без слов. Посадили ее в машину и привезли в участок. Там ей дали телефон. Катя набрала тверской номер родителей и, клацая зубами, выдавила из себя:

— М-мама! З-забери м-меня о-отсюда...

2

Десять лет спустя утром четвертого октября старший научный сотрудник художественного музея Зоя Михайлова спешила на работу. В тот день она решила явиться пораньше, чтобы завершить опись экспонатов музейного фонда. Накануне как всегда поработать не дали: сначала отвлекли телевизионщики, приехавшие снимать выставку восковых фигур, затем — директриса, приказавшая написать аннотацию к гжельскому фарфору, потом неожиданно явились работники ЖЭУ продувать батареи, и, кроме Зои Павловны, больше некому было проследить за ними в подвале.

Слесари возились с полудня до восьми вечера, при этом опустошили две бутылки портвейна и истоптали своими сапожищами все ковры хранилища,

но так и не закончили. Они ушли, слегка покачиваясь, бросив в коридоре грязный чемодан с инструментами, масляный моток проволоки и разводной ключ, величиной с лом. Работники ЖЭУ обещали прийти на следующее утро и продолжить профилактическую работу по подготовке к отопительному сезону, поэтому Зоя Павловна решила завершить свою опись до начала рабочего дня, пока никого нет, пока голова свежая, никто не отвлекает и есть возможность немного сосредоточиться.

Словом, когда Зоя Павловна ступила на крыльцо музея, было без пятнадцати восемь. За это она ручается головой, потому что кинула взгляд на часы, чтобы прикинуть время для работы. Часа и пятнадцати минут вполне хватало не только на перепроверку оставшихся экспонатов, но и на то, чтобы наклеить новые ярлыки на фарфоровую посуду восемнадцатого века. Она нажала кнопку и услышала за дверьми мощный рев музейного звонка. «Это не звонок, это противотанковая сирена. Когда-нибудь у какого-нибудь сторожа случится разрыв сердца, и тогда — прощай, Родина», — подумала она и позвонила повторно.

Но сторож не спешил открывать двери. Либо у него уже случился разрыв сердца, либо ему снилось, что он — броненосец «Потемкин». Зоя Павловна снова взглянула на часы и занервничала. Она раздраженно вдавила палец в черную кнопку, и раскат получился таким тревожным, что сидящие на карнизе голуби в замешательстве взметнулись ввысь. Но и этот душераздирающий звук не вызвал в музее никакого движения. Кто сегодня дежурит? Как пить дать, Локридский. Ох, и не нравился же Зое Павловне этот проходимец Локридский!

Она забарабанила по двери кулаками, и дверь открылась сама собой. «Да здесь не заперто?» — удивилась Михайлова и переступила порог. В вестибюле было пусто, но стоял какой-то неприятный, тревожащий душу запах. «Эх, и задам же я сейчас Локридскому», — подумала она, завернув в сторожевую каптерку.

Телевизор в каптерке работал, но сторожа не было. Значит, куда-то отлучился. Сигнализация была включена. На «Рубине» горели все лампочки. Светилась даже ячейка входной двери, которая по идее должна мигать. Зоя Павловна пожалала плечами, выключила телевизор и вернулась к

дверям. К датчику входной двери был приляпан пластилином магнит. «Так-так, — покачала головой Михайлова. — Дверь разблокирована, сторожа нет. Заходи, кому не лень и бери, чего хочешь! Ай, да Локридский, ай, да сукин сын...»

Зоя Павловна накинула на дверь крючок, вернулась в каптерку и позвонила в отдел вневедомственной охраны.

— Снимите с пульта музей! — сказала она.

— Снимаем! — ответили на пульте.

Научная сотрудница отключила охранный прибор «Рубин» и направилась к себе в кабинет. По пути предстояла одна неприятная процедура — прохождение через зал с восковыми фигурами. Зоя Павловна не из трусливой категории женщин, однако от этих фигур ей было не по себе. Именно от этих, питерских, а не от других. На ее счету музей четыре раза предоставлял площади различным историческим выставкам с восковыми персонажами, и к ним она всегда относилась спокойно, но эта экспозиция вызывала у нее отвратительные чувства. Здесь были цари, их жены, дети, а также известные государственные деятели. Больше всего Зоя Павловна боялась Ивана Грозного. Глаза у него были совершенно белыми от бешенства, а жилистые паукообразные руки настолько правдоподобными, что казалось — того и гляди схватят за юбку. Сталин также не располагал к эстетствующему умилению. Он смотрел живыми, черными глазами — жестко и недобро, хотя и мимо. Но чем больше в него вглядываешься, тем сильнее создавалось ощущение, что сейчас он выйдет из оцепенения и повернет на тебя свои блестящие зрачки. Берия из-под шляпы и тонких очков смотрел так, что невольно холодело под ложечкой. Даже Николай Первый таил в себе что-то необъяснимо злое. Вот кто из экспозиции совсем не вызывал страха, так это Петр Первый. В его облике не было ничего безумного, хотя глаза тоже были на выкате, но смотрели они куда-то очень далеко, Бог знает в какие запредельные дали.

Зоя Павловна не без трепета шагнула в темный зал с восковыми фигурами и, покосившись на Ивана Грозного, прибавила шаг. Пока она шла, старалась не смотреть на восковых царей и государственных деятелей

с хитрыми прищурками и жуткими руками, но спиной настолько ощущала их присутствие, что последние метры пришлось бежать галопом.

Когда Михайлова вылетела в коридор и захлопнула за собой дверь, то почувствовала, что этот тревожащий душу запах усилился. В темной глубине коридора, где вчера сантехники бросили свои инструменты, лежало что-то черное и объемное. «Никак батареи?» — мелькнула первая мысль. Только с каждым шагом Зоя Павловна чувствовала, что у стены рядом с инструментами лежит не что-то, а некто. «Никак восковая фигура?» — была вторая.

Но когда Михайлова подошла поближе, то взвизгнула так, что заложило собственные уши. Это был сторож Локридский. Он лежал лицом вниз в какой-то ужасной, неестественной позе. Одна рука упиралась в стену, другая закрывала пробитую голову, из которой расплзлась по полу его черная кровь. Именно от крови и исходил этот леденящий затылок запах...

Зоя Павловна, визжа и прикрывая ладонями виски, понеслась обратно: сначала по коридору, затем через зал с восковыми фигурами, стараясь на них не смотреть. Но, когда краем глаза зацепила Ивана Грозного, то завопила с новой силой. Он смотрел в ее глаза и злобно улыбался. Михайлова выбежала в вестибюль и вдруг с ужасом услышала сзади скрип чьих-то сапог.

Женщина рывком сорвала крючок, пнула ногой дверь и пулей вылетела на улицу. Только пробежав полквартала в сторону сельскохозяйственной академии, она позволила себе оглянуться. На крыльце музея было по-прежнему пусто, но дверь едва заметно колыхалась, будто ее подергивали изнутри. В тот же миг ей показалось, что стекла двери потемнели.

«Там кто-то ходит!» — мелькнуло в голове, и ноги непроизвольно заплелись. Как на грех на улице ни души. По утрам в этом месте всегда мели дворники, но сегодня их не было. Не было никого и на ступенях сельскохозяйственной академии. А обычно на них всегда покуривали студенты. «Ах да, ведь еще нет восьми...»

Она застучала каблуками по ступеням академии, заметив, что двери

учебного заведения открыты настежь. Ей навстречу вышел сонный милиционер с дымящейся сигаретой в зубах.

— Звоните скорее в милицию! У нас сторожа убили! — закричала беглянка, трясясь и оглядываясь на здание музея.

Милиционер вытаращил глаза и застыл точно греческое изваяние, не понимая ни слова из того, что ему прокричали. Наконец, некое подобие мысли мелькнуло в его сонных глазах.

— Где убили? В выставочном зале? — спросил он.

— Да-да, в музее! — закивала Зоя Павловна, указывая рукой на здание, из которого только что дала деру.

Милиционер пульнул сигарету мимо урны и, резко развернувшись, нырнул в вестибюль академии.

3

Двадцатилетний следователь прокуратуры Тарас Карасев сидел в своем крохотном кабинете, заваленном полуистлевшей документацией, и скучно зевал. Когда неделю назад он вселился в эту каморку, то железно решил, что первым делом выбросит отсюда все эти пыльные, желтые папки, сломанные стулья и четыре печатные машинки «Башкирия». Заглянув в сейф и обнаружив в нем три десятка пустых бутылок, следователь подумал, что их тоже следует выбросить на помойку и лучше всего — вместе с сейфом. Он намеревался это сделать в конце недели, но ближе к пятнице понял, что даже если ему и разрешат капитально обосноваться в этой мышинной норе, положения это не спасет. Нужно не мусор выметать отсюда, а самому выметаться из этого волжского захолустья, и куда-нибудь подальше, скажем, — в Москву.

Карасев пять лет назад окончил юридический факультет местного университета. Окончил с отличием, а что толку? Ну, следовательно он сейчас по особо важным делам, и что? Где эти особо важные дела? Где коррумпированная мафия, где вооруженные банды, где изощренные убийства с целью политического шантажа, запугивания и перехвата финансовых потоков, где, наконец, неслыханные по своим размерам и дерзости ограбления и похищения людей? В этом городишке не то, что банкира, ни одного депутата не грохнули. Да, и кому нужны эти провинциальные депутаты? За что их грохать? За принципиальную позицию? Но у них нет никаких позиций. Есть только мечты. Точнее, одна мечта на всех — найти хорошую должность в Москве.

Хотя полгода назад одному депутату Законодательного собрания засветили кулаком под глаз. Причем, в его же собственном подъезде. Разумеется, случайно, по-пьяни. Это потом уже совершенный инцидент законодатель попытался представить как политическую акцию. Но достаточно было взглянуть на физиономию местного «засветителя» (то бишь, преступника), что бы сообразить, что подобный порыв снизошел на него исключительно с бодуна, а вовсе не из каких-то патриотических побуждений.

Здесь все преступления с бодуна. Кражи, разбои, насилия, убийства — все с легкой руки зеленого змия. Для этого Тарас пять лет штудировал криминалистику, чтобы разбираться с подробностями того, как слесарь дядя Гриша тюкнул топориком лавочницу тетю Клаву за то, что та не дала на опохмел? Или как какой-нибудь чувачок Колёк уделал трубой какого-нибудь Санька, за то, что тот не дал закурить? Разве не труба? В этом гнусном городишке все ничтожно и карикатурно, даже преступления.

Сделав такой вывод и решив хлебнуть кофейку, Тарас отправился с чайником в туалет, но внезапно раздался телефонный звонок. Звонил Леонид Григорьевич, прокурор.

— Карасев, ты хотел заняться расследованием запутанного дела? Езжай немедленно в художественный музей, там убили сторожа.

— Сторожа? — удивился Карасев. — Кому он понадобился?

— Вот и выясни, кому. Узнай, может, пропали какие-нибудь ценные экспонаты. Ну, и так далее... Не мне тебя учить.

Шеф положил трубку, а Карасев грустно покачал головой. «Ну, начальник лопухнулся. Неужели в местном музее еще имеются экспонаты, из-за которых возможны убийства? Мужик, ты сам-то понял, что сказал?», — мысленно воскликнул Тарас и поставил чайник обратно в шкаф. После чего поморщился, предчувствуя, что в каптерке у сторожа отыщет минимум четыре бутылки какой-нибудь политуры с отпечатками пальцев его же соседа по дому и максимум два селедочных скелета на промасленной газете. «М-да. Жизнь не радуется разнообразием», — со вздохом подумал сыщик и спустился к дежурным.

— Машина свободная?

— Свободная-то она свободная, да бензина нет, — зевнув, ответил дежурный офицер. — А тебе куда?

— До музея.

— Так здесь два шага пешком. Туда, кстати, уже выехал милицейский наряд и эксперты. Если не хочешь идти, подожди. Через час освободится прокурорская тачка.

— Ну нет! Пока я буду ждать, менты затопчут все следы.

Карасев отправился пешком, с досадой отметив, что в этом чертовом Ульяновске даже выехать на место преступления проблема. Вот уж воистину классическая дыра.

Через пятнадцать минут он уже был на месте. У ворот музея стояло целых два «УАЗика» — из УВД и из центральной экспертизы. Только представитель прокуратуры явился пешком. Стыдоба! В вестибюле столпились смущенные сотрудники музея.

— Кто первый обнаружил труп? — сходу спросил Карасев.

— Я! — ответила женщина лет пятидесяти, сверкнув серебряными

очками. Она была бледной и напуганной, однако держалась с благородным достоинством.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Старший научный сотрудник Зоя Павловна Михайлова.

— Спасибо. А кто последний видел сторожа? — строго сдвинул брови Карасев, переводя взгляд на остальных, столпившихся за ее спиной.

Все стали растерянно переглядываться, тыкать друг в друга пальцами, отпираться, и в конечном итоге выяснилось, что последним убитого сторожа также видела Зоя Павловна Михайлова.

— Так-так, — подозрительно сощурился Карасев, — значит вы вчера ушли домой позже всех, а сегодня явились на работу всех раньше? Так?

— Выходит, что так, — растерянно пробормотала Михайлова. — Но я вчера задержалась из-за слесарей. Мы ушли вместе.

— Пардон! Как вместе? — вмешалась директриса, стройная шатенка лет сорока. — А кто же сдавал музей на пульт?

— Вообще-то... я сдавала, — растерялась Зоя Павловна. — Я имела в виду, что со слесарями мы вместе вышли из хранилища и дошли до вестибюля...

— Так и говорите, — подняла палец директриса, — что именно вы ушли из музея последней, и не надо, пожалуйста, валить на слесарей.

Зоя Павловна сделалась пунцовой.

— Что вы этим хотите сказать, Алла Григорьевна? Что это я убила сторожа?

— Я хочу сказать, Зоя Павловна, что нужно говорить как есть, а не запутывать следствие на предварительном этапе, — нахмурилась директриса.

Глава музея перевела преданный взор на Карасева, а тот, внимательно выслушав перепалку, вдруг спросил у Михайловой:

— Вы всегда уходите с работы позже всех, а приходите всех раньше?

— Нет, не всегда, — замялась Михайлова. — Я уйду как все. Просто так получилось, единственный раз... Извините...

Ее глаза растерянно забегали, а у директрисы глаза сделались стеклянными. Она побагровела и опять открыла рот, чтобы вставить еще что-нибудь разоблачительное, но Карасев не дал:

— Понятно. С этим мы разберемся потом. А сейчас проводите меня к месту преступления.

Алла Григорьевна с готовностью провела его через зал с восковыми фигурами, толкнула дверь в коридор, но дальше не пошла. В коридоре копошились криминалисты. Они сдержанно приветствовали коллегу и сразу ввели в курс дела:

— Его отоварили разводным ключом, — доложил судебный медик Саша. — Судя по всему, было нанесено два удара сзади. Первый — в висок, второй — в макушку. От второго удара была проломлена черепная коробка. Смерть наступила мгновенно. Это произошло около одиннадцати вечера.

Карасев взглянул на скорченный труп. Отоваренный ключом покоился вниз лицом в луже собственной крови. Одна рука с растопыренными пальцами упиралась в стенку, другая — зажимала проломленную голову. Рядом лежал огромный разводной ключ, головка которого была черна от запекшейся крови. Тут же у стены стоял чемодан с инструментами слесарей, а чуть поодаль валялся масляный моток проволоки.

— Отпечатки пальцев сняли? — спросил Карасев.

— Отпечатков на ключе нет, — развел руками бородатый криминалист по фамилии Соколов, которого все звали «Соколиный глаз». — По всей видимости, убийца был в перчатках. Или потом стер отпечатки.

— Стер отпечатки? — удивленно вздернул брови Карасев. — Интересно... А следы обуви есть?

— Следов обуви тоже нет! — пожал плечами криминалист и достал сигарету. — Вернее, посторонних следов нет. Есть несколько следов сотрудников музея. Женских ног. Но удар явно не женский. Здесь нужно обладать недюжинной силой, чтобы пробить черепушку.

— Я понял! Ручки двери смотрели?

— На дверной ручке отпечаток одной женской ладони. И на крючке отпечаток той же ладони.

Карасев задумался.

— Интересно... Ну, а... в комнате сторожа отпечатки на бутылке, на стаканах...

— Никаких бутылок не обнаружено, — покачал головой «Соколиный глаз». — На чашке есть отпечатки. Судя по всему, сторожа. Из чашки пили чай. Водку не пили. На телефонной трубке есть отпечаток той же женской ладони, что и на ручке двери. Что касается стаканов, они чистые. Из них не пили.

— Хотите сказать, он был трезвым? — кивнув Карасев на труп.

— Абсолютно. Конечно, точно, покажет экспертиза, но по предварительному осмотру никаких признаков опьянения не обнаружено.

— Очень странно... — пробормотал Карасев и, бросив долгий взгляд на тело, отправился в каптерку.

В каптерке не было никаких следов пребывания посторонних. По всей видимости, алкоголь не распивали. Если распивали, а потом унесли, остались бы следы закуски. Если бы унесли и следы закуски, остались бы крошки. Нет! Посторонних в каптерке точно не было. Также не было никаких следов беспорядка. Все мирно, чинно и как будто на своих местах: электроплитка на подоконнике, чайник на электроплитке, чашка с

недопитым чаем на столе, телевизор на тумбочке. На топчане страницами вниз лежит раскрытая книга Набокова «Лолита». Книга, судя по всему, сторожа.

Все признаки того, что убийство для этого городишки явно нетрадиционное, то есть, совершенно на трезвую голову, да еще без отпечатков пальцев.

Карасев покинул каптерку и направился в кабинет директора.

— Мне нужно поговорить с сотрудниками музея, — сказал он директорисе.

— Пожалуйста! — с готовностью ответила она. — Можете в моем кабинете. Кого пригласить?

— В первую очередь Михайлову. Кстати, вы уже осмотрели музей? Экспонаты все на месте?

— Сейчас производим тщательный осмотр, но, исходя из беглого осмотра, кажется, ничего не пропало. Во всяком случае, наиболее ценные музейные реликвии на месте.

— Это какие? — поинтересовался Карасев.

Алла Григорьевна расплылась в счастливой улыбке.

— Жемчужиной нашего музея является портрет Екатерины Второй кисти неизвестного художника. Картина, слава Богу, цела.

— Эта не та ли, что четыре метра в высоту и три в ширину?

— Совершенно верно. Она. Из-за размеров похищение шедевра представляет некоторую сложность. Но есть у нас картины и поменьше, например: «Ева с гранатом». Она всего три на два. К счастью, и она на месте.

— То есть самое ценное в музее — это самое объемное? — догадался

Карасев, не в силах подавить улыбку.

— Да нет, почему? — нахмурилась директриса, не понимая сарказма. — У нас есть и довольно мелкие экспонаты, которые представляют собой региональную ценность. Например, гжельский фарфор. Он тоже не тронут...

— Я понял, — перебил Карасев. — Скажите, а в фондах музея есть что-нибудь такое, из-за которого можно убить человека?

— Ну... — задумалась директриса. — Чтобы убить, таких ценностей конечно нет, но вообще, шедевры, пусть не мирового, а регионального значения, в наших фондах имеются. Например... Э... Вот... Ну, сразу навскидку я сказать не могу. Надо посмотреть списки. Кстати, мы как раз обновляем списки фондов. Зоя Павловна этим занимается. Но вряд ли в подвалах что-нибудь пропало.

— Почему?

— Потому что подвалы на замках. А замки все на месте. Мы уже проверили. Зоя Павловна вчера сама лично все закрыла. После слесарей.

— Словом, куда ни взгляни, все дороги ведут к Зое Павловне, — улыбнулся Карасев, утомившись от директрисы. — Что ж, зовите ее, раз она последней ушла из музея! Кстати, кто сегодня пришел вторым после Зои Павловны.

— Александрова из отдела Гончарова...

Через некоторое время в кабинет вошла Зоя Павловна и робко присела на краешек стула. Выглядела она весьма не здоровой. Ее глаза были испуганными, губы белыми, пальцы дрожали.

— Вы действительно думаете, что это я убила Локридского? — спросила она надорванным голосом.

— Почему вы так решили? — поднял брови Карасев.

— Алла Григорьевна мне сказала, что я подозреваемая номер один. Это правда?

Карасев не смог сдержать улыбку, подумав, что этим средневожским холмсам уже все давно известно. Ох уж эти провинциалы! Они всегда все знают наперед. У них свои соображения и версии, и следователи с красными дипломами для них вечные дилетанты.

— Успокойтесь, Зоя Павловна. Я еще ни к какому решению не пришел, — ответил Карасев. — Лучше скажите мне, в котором часу вы вчера ушли из музея?

Михайлова страдальчески сморщила лоб и уставилась в пространство. После некоторых раздумий она неуверенно произнесла:

— Кажется, около восьми. Точно! Было без пяти восемь, когда сантехники допили свою вторую бутылку. Первую они откупорили в половине шестого. Это я помню хорошо. Потому что услышала внизу шлепок от пробки и сразу посмотрела на часы. Я спустилась в подвал — и точно! На столике уже был приготовлен сырок, и один из них разливал по чашкам «Портвейн». Я им сказала: «Учтите, в шесть заканчивается мой рабочий день, и я закрываю подвал независимо от того, успеете вы со своими батареями, или нет». Словом, предупредила, что сидеть из-за них не намерена. Мастера заверили, что до шести закончат и с батареями, и с бутылкой, хотя у них с продувкой еще, кажется, конь не валялся. Так вот, в шесть они только начали откручивать первую заглушку. Я естественно, была рядом и наблюдала, как они работают. Им, видимо, надоело, что я за ними надзираю, и они ушли за шкаф. Развели там бурную деятельность:

начали стучать, скрежетать ключами. Я дважды поднималась наверх, а они там все скрежетали и стучали. Но это так, для отвода глаза. Главное для них было — оприходовать бутылку.

— Зачем же вы поднимались наверх? — спросил Карасев.

— Как зачем? Все уходят домой, а я сижу в подвале с двумя мужиками. Мне директриса велела сидеть до тех пор, пока они не закончат. А потом она велела сдать музей на пульт. Ну, я сидела и ждала, как велела директриса, а вовсе не потому, что мне очень нравится оставаться после работы. Где-то часам к семи мое терпение лопнуло. Я заглянула к ним за шкаф и увидела, что они откупоривают новую бутылку. Ну, я, разумеется, начала ругаться, а они: «Зоя Павловна, еще пять минут и уходим». После этого прошло не пять минут, а пятьдесят. Я засекала. В восемь мы обычно сдаем музей на пульт. Тут мне ничего уже не оставалось, как просто их выгнать. Они хотели оставить свои грязные инструменты прямо в хранилище, но я не позволила. Слесаря бросили чемодан с ключом и проволокой в коридоре...

Тут Михайлова осеклась и испуганно подняла глаза на следователя. Следователь улыбнулся.

— Что же вы остановились, Зоя Павловна? Продолжайте, я слушаю.

— А чего тут продолжать? Получается, я виновата, что убили Локридского. Если бы я позволила слесарям оставить инструменты в подвале, тогда бы, возможно, сторожа оставили живым, поскольку его прибить было бы не чем. Но поймите, в хранилище не должно быть ничего постороннего.

— Я понял, понял! Пожалуйста, дальше, — нетерпеливо защелкал пальцами Карасев. — Итак, сантехники бросили свой инструмент в коридоре и проследовали на выход...

— Ну да! На выход! Они вышли на улицу, а мы со сторожем начали сдавать музей на пульт. Сначала сделали пробную сдачу. Объект на пульт взялся. Потом, после того, как я вышла из музея, сторож закрыл за мной

дверь, и я увидела, как перестала мигать лампа сигнализации, которая находится в предбаннике. Это значит, что сигнализация принялась нормально.

— Вы перезванивали из дома?

— А зачем? Если бы сигнализация не принялась, за мной приехали бы ночью. Из вневедомственной охраны любят приезжать ночью.

— С этим понятно! — поднял ладонь Карасев. — Вчера вы ушли на два часа позже, а сегодня явились на час раньше. С чем это связано?

— Дело в том, что мы ежегодно обновляем список экспонатов музейного фонда, — занервничала Зоя Павловна. — Я хотела сегодня утром до начала работы завершить этот список, чтоб над душой никто не висел, потому что днем нет никакой возможности. Сами понимаете! Без конца дергают: то начальство, то корреспонденты, а тут еще жэковские работнички свалились на мою голову...

— Понятно, — нетерпеливо перебил Карасев. — Скажите, в котором часу вы сегодня пришли на работу и кто вам открыл дверь?

— Дверь? — удивилась женщина. — А дверь никто не открывал. Она была открытой. То есть — незапертой. Но сначала я этого не заметила. Подошла к двери, посмотрела на часы — было без пятнадцати восемь — и стала звонить. Звоню — никто не отзывается. Тогда я стала барабанить кулаками, и тут увидела, что дверь не заперта. Ну, я, естественно, вошла и сразу направилась в комнату к сторожу.

— Минуточку! Если вы открыли дверь, то должна сработать сигнализация. Должно замигать лампочка и зазвенеть сирена!

— Нет! Ничего не замигало и не зазвенело. Сигнализация не сработала. Потому что к датчику на двери был прилеплен магнит. Пластилином. Но это я заметила потом, когда вышла из каптерки. А когда зашла в комнату сторожа, увидела, что все ячейки на «Рубине» горят, и лампочка входной двери тоже горит. Тогда я вернулась к входным дверям и увидела, что к датчику прилеплен магнит.

— Так-так... — насторожился Карасев. — Значит, дверь была разблокирована посторонним магнитом. Ну и вы его, естественно, отлепили.

— Я? Нет, не отлепляла.

— Почему?

— Не знаю. Как-то не пришло в голову. Да и стул для этого нужен.

— То есть, вы хотите сказать, что он до сих пор там висит?

— Наверное! — пожала плечами Зоя Павловна.

— Пойдемте, покажете! — поднялся со стула Карасев.

Они отправились в вестибюль, где растерянными кучками толпились сотрудники музея, которые совсем не собирались расходиться по своим местам. При виде следователя они притихли и замерли, уставившись на него. Однако никакого магнита на датчике не оказалось. Следователь обследовал пол, заглянул под ковер, даже вышел на крыльцо. После чего вопросительно уставился на Михайлову. Но та в ответ только развела руками.

— С утра был! Видела собственными глазами...

Их окружили любопытные работники музея. Узнав, в чем дело, они добровольно присоединились к поискам пропавшего магнита. Когда служащие совместно с криминалистами перерыли весь вестибюль, Карасев попросил эксперта обследовать датчик. «Соколиный глаз» тут же взгромоздился на стул и застыл на нем с увеличительным стеклом. Присутствующие перестали дышать. Скрупулезно осмотрев косяк через лупу, эксперт цокнул языком и нанес на датчик порошок. Однако пальчики не проявились. Бородач спрыгнул со стула и доложил:

— Пластин на датчике был. Подтверждаю. Цвета коричневого. Свежести не первой. Магнит прикреплялся к нему на два пластилиновых

катышка. Все было сделано очень аккуратно: пальцы не коснулись датчика. Также аккуратно магнит был снят.

— Кем? — нахмурился Карасев.

— Я знаю, кем! — воскликнула уборщица. — Точнее, кем, не знаю? Зато знаю, где лежит магнит. Он у сторожей на шкафу. Пойдемте, покажу!

Представители органов направились в каптерку за техничкой. За ними двинулась вся толпа музейных служащих. У входа в каптерку Карасев обернулся и тактично объяснил работникам культуры, что расследование преступления — дело больше индивидуальное, нежели коллективное. Директриса сразу поняла намек и в приказном порядке попросила всех разойтись по своим кабинетам. Однако никто не разошелся.

В это время уборщица подставила к шкафу стул и, забравшись на него, начала энергично шарить по поверхности. На шкафу стояла посуда, в шкафу висела грязная роба, а под ногами валялась старая обувь.

— Вот здесь он был! А сейчас нет. Это был общий магнит. Им пользовались все сторожа, — лепетала уборщица, обшаривая верх ладонью.

— Что, значит, пользовались? — удивился Карасев.

— Да неужто не понимаете? — в свою очередь удивилась уборщица. — Вещь для сторожей необходимая. Если требуется среди ночи куда-то отлучиться, нужно прилепить магнит на дверной датчик и преспокойно дуй во все четыре стороны.

— Как это дуй? — сделала большие глаза директриса.

— А что? Музей все равно под сигнализацией, — не моргнув, ответила техничка.

— А входная дверь пусть остается открытой?

— Ну и остается! — пожала плечами уборщица. — А кто об этом знает?

Кому в голову взбредет ночью пойти в музей, когда в него и днем-то никто не ходит.

Алла Григорьевна сделалась пунцовой.

— И часто, таким образом, сторожа отлучаются ночью? — сверкнула глазами директриса.

— А это уж я не знаю, — развела руками уборщица. — Я ночью здесь не присутствую... в отличие от некоторых...

Глаза Аллы Григорьевны сделались еще больше. Она хотела разразиться несусветной бранью, но тут эксперт потребовал второй стул. Взгромоздившись на него, «Соколиный глаз» в глубочайшей тишине принялся обследовать поверхность шкафа через свою фирменную лупу. Обнюхав каждый сантиметр, он спрыгнул на пол и с досадой бросил техничке:

— Зря вы сейчас там руками шарили!

— Эх, Вера, Вера! — всплеснула руками директриса. — Ну, кто тебя учил по шкафам шарить? Ты затерла все отпечатки.

— А там и не было никаких отпечатков! — нагло заявила уборщица. — Там была только пыль.

— Вот пыль как раз и была мне нужна, — процедил сквозь зубы эксперт.

— Вспомнила! — хлопнула себя по лбу уборщица. — Пыли там тоже не было. Я три дня назад ее стерла.

— Одного другого не легче, — закатила глаза директриса.

— Когда стирали пыль, магнит видели? — спросил Карасев.

— А как же! — вскинула руки уборщица. — Хотя вру! Магнита не было. Ей Богу! Даю башку на отсечение, три дня назад магнита на шкафу не было.

— А кто дежурил три дня назад? — спросил следователь.

— Локридский дежурил, — ответила директриса.

5

Через час вся эта нелепица начала раздражать Карасева. Никаких следов, никаких зацепок, никаких мотивов. Магнит исчез. Отпечатки пальцев на шкафу затерла уборщица. Не обнаружено никаких доказательств, что в музее находились посторонние. К тому же, ничего не пропало, кроме магнита. Однако если магнит утром был, а сейчас его нет, следовательно, его снял кто-то из сотрудников. «Оказывается, все не так просто», — задумчиво грыз ручку Карасев, сидя за столом в директорском кабинете.

Прежние расследования дались легко. Через минуту после осмотра трупа Карасев уже знал о мотивах убийства и четко представлял, где искать преступника, его сообщников и свидетелей. А сейчас он даже смутно не предполагал, в каком направлении двигаться дальше?

До разговора с Михайловой Карасев был уверен, что сегодня во что бы то ни стало он отыщет магнит. Но после получасовой беседы с научной сотрудницей, следователя одолели сомнения по поводу существования улики. Ведь кроме магнита Зоя Павловна еще видела улыбающегося Ивана Грозного, и слышала скрип его сапог. А потом через стеклянные двери лицезрела царский силуэт. Она явно намекала на то, что исчезновение магнита дело рук восковой фигуры.

«Ну да. А как же иначе? — усмехался про себя Карасев, разгрызая пополам ручку. — С такими свидетелями можно далеко пойти...»

Разумеется, это не означало, что магнит не существовало вообще. Он

явно был. Им широко пользовались охранники. Тем более что, по словам эксперта, на датчике остался пластилин. Вполне возможно, что музейная работница его действительно видела, но не обязательно сегодня утром. Это бывает от страха, когда ум заходит за разум и память начинает вываливать наружу все подряд. Но если магнит действительно утром висел на датчике, то кто же мог его снять?

Карасев сорвал телефонную трубку и набрал номер вахтера.

— Скажите, кто сегодня из персонала выходил на улицу?

— Никто, — ответила вахтерша.

— В музее есть еще выход?

— Есть черный ход во двор. Но им не пользуются уже три года. Он ведет сразу на второй этаж.

— У кого ключи от черного хода?

— У Зои Павловны.

— Только у нее?

— Кажется, да.

— Спасибо! Сантехники еще не появлялись?

— Нет.

— Как появятся, дайте знать.

Карасев бросил изгрызенную ручку в корзину и отправился к криминалистам. Они уже завершили работу, осмотрев и обнюхав все залы и углы музея, не забыв также снять отпечатки пальцев у сотрудников музея.

— Есть что-нибудь интересное? — поинтересовался Тарас.

— В подвале обнаружены следы мужских резиновых сапог сорок третьего и сорок пятого размеров. Там текло из батареи, и от этого на полу образовалась ржавая лужа. Так что следы получились довольно четкие.

— Это ноги слесарей! — отмахнулся Тарас и отправился к милиционерам.

— Магнит нашли?

— Нет! С магнитом глухо, — развел руками милицейский следователь.
— По логике, от него должны были избавиться сразу: либо бросить в мусор, либо смыть в унитаз. Мусорные корзины мы проверили, в унитазах полазали. Магнита нет. На данный момент пока все. Но мы еще ищем.

— Когда снимали отпечатки, заметили у кого-нибудь из сотрудников частички пластилина?

— Ничего мы не заметили. Честно говоря, на пластилине мы не сосредотачивались. Для того чтобы сорвать с датчика магнит не обязательно касаться пластилина.

— А чтобы прикрепить?

— А чтобы прикрепить, нужно как минимум скатать два шарика. У трупа никаких следов пластилина на пальцах мы не обнаружили. Так что магнит к датчику крепил не сторож.

— Если его вообще крепили, — вяло улыбнулся Тарас и отправился разыскивать директрису.

Аллы Григорьевну он нашел в кабинете Гончарова. Она стояла у раскрытого шкафа и листала какую-то полуистлевшую книгу. За столом сидела миловидная черноволосая девушка лет двадцати двух. Красавица была настолько погружена в свою писанину, что даже не подняла головы на приход следователя. Алла Григорьевна напротив — расплылась в очаровательной улыбке.

— Что-нибудь нашли?

— Ищем, — неопределенно ответил Карасев, задерживая долгий взгляд на девушке. Она была в его вкусе. «Допросить что ли?» — подумал он.

— Алла Григорьевна, я хочу задать вам несколько вопросов относительно Локридского, — строго произнес Карасев, не сводя глаз с красавицы.

— Нет проблем! — с готовностью отозвалась директриса и сунула книгу в шкаф. — Пойдемте ко мне в кабинет!

Она кинула взгляд на сотрудницу и приказала:

— Когда закончите с аннотацией, займитесь тургеневскими письмами!

— Хорошо, Алла Григорьевна, — ответила девушка, подняв красивые глаза на начальницу.

— Это наше племя — младое, незнакомое, — пояснила директриса, когда они вышли из кабинета. — Очень талантливая девушка. И не по годам скромная.

— В чем же ее талант? — заинтересовался Карасев.

— Во всем! — ответила директриса. — У нее всеобъемлющее мышление и прекрасно развито чувство синтеза. Это важно для исследовательской работы. И потом, она очень живо интересуется историей нашего края, хотя сама приезжая.

Когда пара зашла в кабинет и села за стол, Карасев строго кашлянул и придал своему голосу официальный тон:

— Если можно, Алла Григорьевна, в двух словах обрисуйте убитого? Что это был за человек?

— Человек, как человек, — пожала плечами директриса. — Тихий, непьющий, бесконфликтный. Другие сторожа — три месяца проработают, ну от силы — год, и поминай, как звали. А Александр Яковлевич работает у нас, дай Бог, уже десятый год. Точнее, работал.

— Мне показалась, его несколько недолюбливает Зоя Павловна.

— Ну... понимаете... — замялась директриса, — человек он... не очень приятный. Хотя о покойниках плохо не говорят... Да и сказать-то о нем практически ничего плохого нельзя... Ну, что-то было в нем отталкивающее... Я не могу объяснить.

— Алла Григорьевна, пожалуйста, поконкретнее, — заинтересовался следователь. — Что в нем было неприятного?

Директриса подняла глаза к потолку и застыла.

— Как бы это объяснить? — скривила рот женщина. — Человеком он был каким-то серым. Всегда ходил в одной и той же одежде: в этом черном невзрачном пиджачке и синей рубашке. Хотя, повторяю, он не был отрицательным: не пил, не курил, не куролесил. Но рядом с ним было как-то не по себе. Понимаете, говоришь с ним об одном, а думаешь о другом: скорее бы договорить и уйти. Словом, это не объяснишь.

— Друзья у него были?

— Вряд ли. Он из тех, которые все держат в себе. Очень закрытый человек. Но это, нужно полагать, от трудного детства. Его родителей репрессировали. Он воспитывался в интернате... Хотя, знаете, Яковлевич был заядлым болельщиком. Футболом просто болел. Еще книги читал. И, кстати, все больше классику.

— Понятно! Но все-таки кому-то он перешел дорогу, если его убили?

— Я даже ума не приложу! — пожала плечами директриса. — Он был человеком совершенно безобидным. Не только никогда не перечил, но даже голоса не повышал...

В это время в дверь кабинета постучали.

— Пришли из ЖЭУ, — доложила вахтерша, обведя глазами комнату. — Красавцы вчерашние!

— Прекрасно! Зовите их сюда, — воспрянул духом Тарас.

Через минуту в кабинет ввалились два подвыпивших бича в промасленных робах. У первого косил глаз, у второго дергалась щека. Карасев подумал, что эти двое весьма дополняют друг друга. Несмотря на растерянность в глазах, вид у обоих был весьма бравый.

— Присаживайтесь! — сказал им Карасев.

Мужички послушно сели на стулья и вопросительно уставились на следователя.

— Представьтесь!

— Я Петров Колян... Э-э, Николай, то есть. А это Андрюха Ушаков, — подал голос «косящий глаз», кивнув на своего товарища. — Э-э... ЖЭУ номер четырнадцать.

— Ясно! — сдвинул брови следователь. — Уже в курсе, что вчера произошло после вашего ухода?

— Рассказывали, — закивали они головами.

— Ну, теперь вы рассказывайте: сколько вчера выпили?

Друзья переглянулись. Тот, что косил, виновато втянул голову в плечи, а «дерганная щека» обреченно развела руками.

— Да почти ничего и не пили. По бутылочке «Анапы» засосали и пошли домой. Это, так сказать, для поддержания тонуса. А без этого нельзя! Без этого работа не идет!

— Не идет! — с серьезным видом подтвердил косой глаз. — Да еще сыро в подвале. Вот мы по стакану и тяпнули... чтобы не простыть...

— Чисто, для здоровья, — поддержала «дергающая щека».

— Инструмент, значит, бросили в коридоре, а сами в забегаловку? —

сдвинул брови Тарас.

Работники ЖЭУ снова недоуменно переглянулись, и тот, что назвался Колян, отрицательно покачал пальцем:

— Нет! Никаких забегаловок! Лично я сразу отправился домой. Не знаю, как Андрюха.

— А что я? Я тоже потопал домой, — зажестичулировал другой. — Да мы вместе же пошли по Карла Маркса. Забыл? По кружке пива вмазали в пельменной и по домам.

— Вмазали и по домам! — подтвердил слесарь с дергающейся щекой. — А то, что инструмент оставили в музее, так мы всегда его оставляем на объектах. Не тащить же его на участок. Контора уже закрылась. Она закрывается в шесть, а было уже восемь...

— Значит, вы ушли из музея последними?

— Почему последними? — возмутились мужики. — Зоя Павловна еще оставалась со сторожем. Они нас выпроводили и заперлись. Что между ними произошло, мы не знаем.

— И знать не хотим, — добавил слесарь с косящим глазом.

— Значит, знать не хотим, — выпятил челюсть Карасев. — И в котором же часу вы прибыли домой?

— Я лично в десять, — ответил Андрюха.

— И я в десять, — кивнул Колян.

— Кто это может подтвердить?

— Да кто угодно. Хоть жена! — захихикал «косящий глаз». — Я пришел домой, и как раз стали показывать «Вести». А после них в половине одиннадцатого начался футбол. Играл «Спартак» с «Динамо».

— И у меня может подтвердить его жена, — кивнула «дергающаяся щека». — Я имею в виду, моя жена, а не его. Хотя его — тоже может подтвердить. У нас жены — о-го-го!

— Наши жены... пушки заряжены...

— Хорошо! — перебил Тарас. — Допустим. Как я понял, вы живете рядом.

— Через дом. На улице Орлова.

— У нас там все орлы!

— Но отсюда до Орлова двадцать минут пешком, — сощурился Тарас. — А «Вести» начинаются в десять.

Мужики возмущенно переглянулись и нахмурились. От непонятливости следователя у Коляна закосил второй глаз.

— Так мы же заходили в пельменную засадить по кружке пива. Потом по пути завернули в подвальчик «Витязь». Еще по бутылочке взяли. Потом... куда мы еще заходили?

— На улицу Мира в рюмочную, — подсказал Андрюха.

— Точно! С миром шли! Побухивая! Никого не трогали.

— И так набухались, что решили вернуться в музей за инструментом? — сверкнул глазами Карасев.

— Э, не бери на понт, мусор! Не на тех наехал! Не возвращались мы за инструментом!

— На кой хрен нам сдались инструменты, когда мы и так опаздывали?

— Куда?

— На футбол.

Вопросы иссякли. Карасев задумался. Эти могли по-пьяни замочить сторожа. Но стереть отпечатки пальцев с ключа и не оставить ни единого следа от сапогов они, разумеется, не могли.

Тарас осмотрел их ноги и хотел спросить про размер сапог, но внезапно в кабинет без стука влетел милицейский следок. Он взглянул на слесарей и скорчил идиотскую физиономию.

«Что-то есть!» — встrepенулся Карасев и быстро выпроводил мужиков в коридор.

— Нашли магнит? — спросил Тарас.

— Если бы! — вытаращил глаза следователь. — Нашли кровь на пальцах у Бери...

6

— Если ты будешь молчать, то на всю жизнь останешься заикой! Твоя мама мне жаловалась, что из тебя за целый день не вытянешь ни слова. Запомни, для тебя это смерти подобно. Говори всегда, везде, обо всем. Не важно, о чем? Главное говорить. Ты меня поняла?

— Х-х-хорошо, Ол-ол-ллег, Е-е-ф-фремович!

— То-то же! Будь в себе уверена, Катенька, и все у нас получится! Ты веришь, что у нас все получится? Главное, верить и ни в чем не сомневаться. Посмотри на этих телевизионных ведущих! Борзости — лошади позавидуют! Вот уж кто действительно ни в чем не сомневается. Нести с экранов такую чушь, и даже не покраснеть! О времена, о нравы! Главное, произносить уверенно. И не важно, что. Когда говоришь уверенно,

создается иллюзия, что говоришь о значительном. Главное, не бояться, что засмеют. Будь уверенной и не бойся сказать глупость. Важно не что говорить, а как. К тому же, поверь мне, красивым девушкам говорить глупости не возбраняется. Даже, напротив! А сейчас спокойной ночи. Завтра я тебе позвоню, и ты мне расскажешь, что тебе снилось.

— С-с-покойной н-ночи, Ол-ол-л-лег Е-е-ф-фремович...

Катя положила трубку на телефон и начала лениво разбирать постель. В комнату без стука вплыла мама. Она поцеловала дочь в висок и пожелала спокойной ночи. Перед тем, как удалиться, промокнула глаза платком и прошептала с надрывом: «Только ради бога не молчи! Тырываешь мое сердце».

Девушка потушила свет, зажгла ночной светильник и достала с полки любимого Вергилия. Нет, никогда она не расскажет логопеду своих снов, потому что они слишком красивые для этой невзрачной жизни. Потому что ей уже пятый месяц из ночи в ночь снится Александр Федорович.

Катя легла в кровать и блаженно зажмурилась. Она потянулась к скомканному в ногах одеялу, и Вергилий, выскользнув из рук, громко ударился об пол. Бедные поэты. В конечном итоге они всегда оказываются под ногами. Но поэзия в отличие от их служителей всегда на высоте...

И Катя с Александром Федоровичем, так же, как поэзия, тоже всегда оказывались в заоблачных высотах, едва она закрывала глаза. Они бродили по каким-то немислимым садам и, не спеша, беседовали о великом грядущем и о невзрачном настоящем нынешнего мира.

Он брал ее руку и светящимся взором смотрел в глаза. В те минуты Александр Федорович был невероятно красив. Чистый Аполлон! Кстати, почему чистый? Он и был настоящим Аполлоном, златокудрым, тонкокожим Богом с умными глазами.

А она была Богиней в роскошной тунике, длинноногой с осиной талией и пышными волосами. Впрочем, нет! Она не была Богиней. Отец и мать ее были простыми смертными, хотя и царского рода. Но это не важно. Все

равно он влюблено смотрел в глаза и тихо нашептывал на ухо:

— Предсказывать судьбы просто. Достаточно взглядеться в глаза. В них у простых смертных написано все.

Катя протянула руку к настольной лампе и, нащупав выключатель, подумала, что, наверное, бедного «Вергилия» все-таки следует поднять с пола. Что же несчастный любимец муз так и будет всю ночь валяться на боку между кроватью и письменным столом? Впрочем, это уже не важно. Это не важно, кто и где валяется в настоящее время. Потом время расставит все по своим местам.

Девушка щелкнула выключателем, и комната погрузилась в темноту. Сейчас он опять явится, ее милый Александр Федорович в алом плаще Аполлона. И они снова побредут по цветущей оливковой роще, едва касаясь друг друга локотками. И теплый ветерок будет колыхать его золотые кудри и развивать ее воздушную тунику с золотой полоской у колен.

Катя почувствовала на своем запястье силу мужской руки и вдохнула лавровый запах кудрей. Синие глаза смотрели на нее с любопытством и любовью.

— Предсказывать судьбы просто. Достаточно взглядеться человеку в глаза. В них написано все.

«Но ведь, кроме этого, нужно знать, что у Богов на уме относительно этого человека», — подумала Катя, и Аполлон рассмеялся, услышав ее мысли.

— Боги расписывают судьбы, исходя из устремлений смертных. Рожденному ползать, никогда не заполучить прекрасной судьбы Икара. Боги всего лишь создают ситуации, а как в них поступать — забота людей. Истина земной жизни в том, что бессмертные не отвечают за поступки смертных. Так что людские судьбы в руках самих людей, а не бессмертных Богов, как они считают по своему невежеству. Поэтому предсказывать людям будущее также бессмысленно, как толочь воду в ступе.

— Нет! — покачала головой Катя. — Предсказание может оградить людей от лишних страданий.

— Лишних страданий не бывает, — покачал головой Аполлон. — Как не бывает излишне ледяной воды, в которую опускают для закалки только что выкованный меч.

— Но ведь бывает, что металл не выдерживает и трескается пополам! — ужаснулась она. — Неужели Богам не жалко людей?

— Если металл трескается, его перековывают, — улыбнулся Аполлон. — Запомни, Богоподобная: как смертным не нужны непрочные мечи, так и Богам не нужны гнилые смертные, потому что Они готовят их для грядущего бессмертия. Что касается жалости, то это свойство людей. Боги живут разумом, а не чувствами.

Последние слова вызвали у девушки двойное впечатление. Покровитель искусства говорил о людях в третьем лице. Кто же тогда она? Там, внизу раскинулось бескрайнее море, на берегу которого стоял ее родной город. Аполлон, услышав ее мысли, нежно взял спутницу за руку и кивнул в сторону высокой горы, доходящей до самых облаков.

— Ты не туда смотришь? Ты должна смотреть ввысь, — произнес он полупшепотом.

Покровитель искусств повернул ее лицом к упирающейся в небо горе, и девушка подумала, что снизу никогда не видела этой исполинской громадины. Бог улыбнулся и потянул ее за собой. И тут Катя сообразила, что Аполлон помышляет о ней ни как о Богине. Он хочет ее как простую женщину.

Девушка тут же высвободила руку, но Аполлон ухватил ее за локоть.

— Ты будешь жить среди Богов, как Богиня. Я научу тебя предсказывать судьбы.

— Но я хочу жить среди людей, — заупрямилась красавица.

— Ты будешь являться к людям в качестве любимицы Парнаса. Ты будешь рассказывать им про их жалкие жизни из небесной книги судеб. И они будут обожествлять тебя и поклоняться тебе, как бессмертной. Находясь же среди людей, твои предсказания не будут иметь ни малейшей силы.

— Почему? Разве истине не все равно из чьих уст она извернута.

— Истине, разумеется, все равно, ибо она уже есть истина. А людям нет. Богам они еще могут поверить на слово, себе подобным — никогда! Смертные подобную веру должны заслужить. Люди не доверчивы друг к другу, потому что горды и тщеславны. Находящиеся под властью гордыни не стремятся к истине. Они стремятся к удовлетворению собственного тщеславия.

— Неправда! Они также разумны, как Боги.

Аполлон снисходительно улыбнулся, щелкнул пальцами, и в ту же минуту в его руках оказался прозрачный осколок горного хрусталя.

— Через это стекляшку ты можешь увидеть будущее. Я дарю тебе ее.

Девушка радостно приняла подарок Аполлона, робко взглянула в него, и в ее глазах отразился ужас.

— О Боги, что я вижу? Пожар в моем родном городе! Его разрушат греки. И разрушение Илиону принесет мой старший брат Парис, которого я никогда не видела?

— Скоро ты его увидишь! — едва заметно усмехнулся сын Зевса. — Парис уже в городе.

Аполлон подошел к Кате так близко, что у нее закружилась голова. Он приблизил свои глаза к ее глазам и мягко взял девушку за оба запястья.

— Пойдем со мной. Там, внизу, ты ничего не сможешь сделать для своего города...

— Смогу! — воскликнула упрямица и вырвала обе руки. — Я расскажу троянцам, что на город хочет навлечь беду Богиня Афродита, пообещавшая Парису жену спартанского царя.

— Пойдем со мной! — устало произнес Аполлон, коснувшись ее туники. — Если ты вернешься назад, то сделаешь только хуже. Города спасают не бессмысленные вопли пророков, а стремление людей к горным высотам.

Но дочь царя Приама уже торопливо бежала с горы, зажимая в руках бесценный подарок Аполлона — этот треугольный кусочек горного хрусталя, в котором видно будущее.

В ту минуту, когда царица вбежала в город через Скейские ворота, состязания уже закончились. Вся Троя говорила о том, что в борьбе всех царских сыновей победил какой-то неизвестный красавец-пастух по имени Парис. Встревоженная девушка кинулась к храму Зевса, куда обычно после турниров заходили отец с матерью, чтобы вознести жертву отцу Богов.

В храме перед алтарем Зевса уже стояли ее родители — Приам и Гекуба. Катя подошла к ним и вдруг услышала сзади возмущенные крики. Все, кто находились в храме, повернули головы и увидели, как в святилище, бледный от ужаса, вбежал он, еще никому неизвестный Парис, ее брат, губитель Трои. Он сразу бросился на алтарь, а за ним с мечом в руках вбежал ее младший брат Деифоб.

— Как ты смел, ничтожный голодранец, состязаться с царскими сыновьями? — воскликнул багровый от гнева Деифоб, занося меч над головой неизвестного красавца.

— О Зевс, спаси меня! — воскликнул Парис, закрывая руками голову.

— Умри, презренный пастух! — прохрипел Деифоб.

Он уже приготовился разmozжить мечом в куски кудрявую голову Париса, как вдруг в наступившей тишине раздался испуганный Катин крик.

— Не смей убивать перед алтарем!

Меч Деифоба повис в воздухе. Все взоры устремились на царскую дочь.

— В чем дело, Кассандра? Ты не больна? — спросил брат, по-прежнему держа меч над головой Париса.

— Это не голодранец, Деифоб, и не простолюдин. Он такой же царской крови, как и мы. Эта наш старший брат.

Поднятый меч Деифоба начал медленно клониться к мраморному полу, а троянцы в храме, издав изумленный гул, в страшном смущении отступили назад.

— Сын нашелся! — неожиданно вскрикнула мать и первой кинулась с раскрытыми объятиями.

После этого в храме все пришло в движение. Вслед за матерью Париса горячо обнял отец. Наконец и сам Деифоб, вложив меч в ножны, протянул руку своему старшему брату. А откуда-то взявшийся Гектор, обнял пастуха за плечи и вывел из храма вон.

— Стойте! — крикнула Кассандра. — Париса надо изгнать из города. Ему предначертано погубить Троию!

Только в этом радостном шуме никто не услышал вещей слов царской дочери. Париса под восторженный крик толпы и радостный плач родителей повели во дворец. Кассандре ничего не оставалось, как упасть лицом на алтарь и горько разрыдаться.

Храм опустел. В нем стало тихо и безжизненно, словно в гробнице. Ощущая лбом холодный мрамор, Кассандра думала о том, что сейчас взывать родителей к рассудку не имеет ни малейшего смысла. Завтра, когда все успокоится и уляжется, она напомним отцу о древнем пророчестве.

Неожиданно на голову жрицы легла чья-то горячая ладонь. Кассандра вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял Аполлон.

— Если бы ты пошла со мной, то никто бы не остановил твоего младшего брата, — произнес Аполлон. — Деифоб отрубил бы Париса

голову и, тем самым, спас бы священную Троицу.

— Но прогневил бы Зевса, — ответила Кассандра. — Завтра я расскажу троянцам правду о Парисе, и они прогонят его.

— Тебе никто не поверит, — грустно улыбнулся Аполлон.

7

Карасева точно ветром сдуло со стула. Он помчался за следователем по коридору в зал с восковыми фигурами. Вокруг воскового Берия уже копошились опера и эксперты. Его интенсивно фотографировали, ощупывали, рассматривали через увеличительные стекла. На розовые ладони фигуры наносили кисточкой порошок. Тут же рядом крутились любопытные сотрудники во главе с директрисой. Они горячо обсуждали неожиданную находку экспертов и давали криминалистам советы на предмет обнаружения отпечатков пальцев.

«Чертова провинция! — простонал про себя Тарас. — Здесь даже следствие без вмешательства посторонних провести нельзя!»

Следователь подошел к директрисе и с раздражением сказал, что был бы счастлив, если бы персонал музея наконец занялся своими делами. Директриса намек поняла.

— Все по местам! — скомандовала она, звонко хлопнув в ладоши. И сотрудники хоть неохотно, но все-таки покинули зал. Остались только трое: сама Алла Григорьевна, питерский представитель выставки Олег Смирнов и смотрительница зала Вера Алексеевна. Глаза ее были наполнены ужасом. Она трижды порывалась подойти к следователю, чтобы сообщить что-то чрезвычайно важное, но Карасеву было не до нее.

— Вот смотри, — показал на пальцы «Соколиный глаз», протягивая следователю увеличительное стекло.

Но и без стекла было видно на розовых пальцах фигуры темные пятна запекшейся крови. Сам Берия был невозмутим. Он с затаенной усмешкой смотрел сквозь свои узкие очки на копошившихся вокруг экспертов, и, казалось, еще немного и он прикажет оставить его в покое.

Тут же на его ботинке обнаружили еще две капли крови. После чего, на ковре неподалеку нашли еще одну запекшуюся каплю. Эксперты скрупулезно отследили путь от дверей в зал до восковой фигуры и на пути предполагаемого следования обнаружили еще несколько бурых капель.

— Как ты думаешь, чья это кровь? — удивленно спросил Карасев у судебного врача.

— Убитого, конечно, — поднял плечи Саша. — Хотя, откуда мне знать. После экспертизы скажу точно.

Карасев повернулся к милицейскому следователю.

— Что ты по этому поводу думаешь?

— Не знаю, что и думать, — развел руками следак.

— Я знаю! — вывернулась из-за спин смотрительница зала. — Я знаю, кто убил Локридского.

Все подняли головы и хмуро уставились на нее. Вера Алексеевна испуганно покосилась на Берию, на Ивана Грозного, затем на семейство Николая Второго, после чего вцепилась в руку Карасева и потащила его в вестибюль. Однако не успели они дойти до двери, как услышали сзади удивленное оживление следственной бригады.

Карасев оглянулся и поднял брови. В руках у «Соколиного глаза» белела продолговатая пластмассовая штучку, которую он осторожно держал через носовой платок.

— Вот и магнит! — подмигнул он Карасеву.

— Где ты его нашел? — удивился следователь.

— В левом кармане пиджака Берии.

Карасев вернулся, взял через платок находку и осмотрел. Сигнализационный магнит был вымазан в пластилине.

— Он! — коротко произнес следователь и победно щелкнул пальцами.

После этого на магнит нанесли порошок, но пальчики не проявились. Соколов запаковал находку в целлофан и сказал, что в лаборатории поработает с уликой более тщательно. Только после этого смотрительница снова завладела локтем следователя. Она вытащила его в коридор, с опаской посмотрела по сторонам и с вытаращенными глазами прошептала:

— Александра Яковлевича убил Берия.

Вера Алексеевна отпрянула от Карасева, чтобы полюбоваться реакцией, однако на лице Тараса не дрогнул ни единый мускул. Тогда Вера Алексеевна с жаром добавила:

— Спросите, у кого хотите! Вам все скажут, что сторожа отоварил Берия. И знаете за что? За то, что Яковлич плюнул ему в морду.

Смотрительница снова сделала шаг назад, чтобы отследить реакцию и, наконец, с удовлетворением отметила, что брови Карасева поползли к переносице.

— Не понял. Как это плюнул? — спросил Карасев.

— А вот так: тьфу! И слюну с лица не стер. Смирнов как увидел такое дело, так чуть его не убил. Словом, скандалище было грандиозное! Весь музей стоял на ушах. Если бы не Григорьевна, сторожа бы грохнули еще тогда! Вот так! Потом, когда инцидент замяли, Олег подошел к Яковличу и так тихо-тихо ему говорит, а у самого аж из глаз брызжет: «Живи пока, Локридский, но не думай, что тебе это даром пройдет...»

Вера Александровна зыркнула по сторонам и поманила следователя пальцем:

— После этого Смирнов приказал всему персоналу музея к Берии ближе чем на три метра не приближаться, потому что его душа стоит за фигурой. Она, по его словам, шастает за фигурой по пятам уже третий год. Вот вам крест истинный, — перекрестилась Вера Алексеевна, — это было все на моих глазах. А еще при этом присутствовали Григорьевна и Александрова.

Смотрительница снова тревожно покрутила головой, после чего преданно впилась в глаза. Карасев скептически улыбнулся.

— Извините, Вера Алексеевна, но я так и не понял: зачем Локридский плюнул в фигуру?

— Да потому и плюнул, что злой он на Берию, — с раздражением пояснила смотрительница. — Понимаете, Берия репрессировал его родителей. Когда отца Яковлича забрали, ему было всего семь лет. Сначала отца взяли, а через год мать. С тех пор он родителей не видел. Сиротой вырос. В детдоме рос. Вот почему он злой на Берию.

— Что за сказки вы рассказываете, Вера Алексеевна? — снисходительно покачал головой Карасев. — Восковая фигура убивает сторожа? Это уже слишком!

— А вы не смейтесь, — затрясла головой Вера Алексеевна. — Эти фигуры живые. Вам здесь все скажут. Про это даже с телевидения приходили снимать. Да что говорить, — смотрительница снова с опаской покосилась по сторонам: — Я сама видела, как они шевелились. А сколько раз я заставляла их в других местах? Не поверите, но императрицу Анну однажды нашли в коридоре. Вот так! И еще я заметила, что Берия по ночам пристает к княжне Марии...

Карасев уже хотел покатиться со смеху, но в это время в коридор вышла директриса. Вера Алексеевна молниеносно переменилась в лице и, выразительно взглянув на следователя, проворно юркнула в зал.

— Что она вам наплела? — встревожилась Алла Григорьевна. —

Наверное, говорила, что Локридского убил Берия? Вы ее не слушайте! Музейные работники все немного чокнутые.

На лице директрисы не читалось и намека на юмор.

— Да, именно это она мне сказала, — кивнул Карасев, давая улыбку. — Скажите мне, что за конфликт произошел между Локридским и администратором выставки?

— Вряд ли это можно назвать конфликтом, — скрестила руки директриса. — Локридский, я вам говорила, всегда такой тихий, а тут, когда начали устанавливать фигуры, точно с цепи сорвался. Стал нервничать, бурчать, грозить кому-то кулаком. А когда увидел Берию, побелел от злости. Ни с того ни с сего принялся крыть его последними словами и жаловаться, что из-за него он до восемнадцати лет скитался по детским домам. Ну, Смирнов шутливо ему говорит, мол, прекращай ругаться, Яковлич, Берия все слышит. Он здесь, рядом, поскольку на небо его не взяли. Тут Локридский совсем расвирепел: схватил молоток и кинулся на фигуру. Олег естественно — наперерез. Вырвал молоток и оттолкнул Яковлича. Тот толкнул Олега. И пошло, поехало. Совсем спятили мужики. Сколько работаю, никогда такого не видела. Смирнов оттаскивает Локридского от экспоната, а тот еще больше раскочегаривается. В конце концов, Локридский сбил Смирнова с ног, подбежал к Берии и плюнул ему в глаза. Олег в драку! Охота ему за всеми слюни вытирать? Ну, я вмешалась и разняла. Локридского выгнала из зала. После этого Олег с Яковличем две недели не здоровались. Потом, правда, помирились. Даже, кажется, бутылочку распили в каптерке.

«Значит, без бутылочки не обошлось», — улыбнулся про себя Карасев, а вслух уточнил:

— Я слышал, что администратор пригрозил отомстить за Берию?

— О нет! Все было не так. Не администратор, а сам Берия намеривался отомстить! Как объяснил Смирнов, душа Берии пребывает неподалеку от своего двойника. Как-нибудь ночью она вселится в фигуру и рассчитается со сторожем за обиду. Ой! — хлопнула себя по губам директриса, — и

правда рассчиталась.

Алла Григорьевна испуганно посмотрела по сторонам и торопливо перекрестилась. Тревога почему-то передалась и следователю. Он зябко поежился и спросил:

— Неужели вы действительно думаете, что восковая фигура отомстила за себя?

Директриса перешла на полусшепот:

— Эти фигуры могут все. Они живые.

— Не понял. Что значит живые? — нахмурился Тарас, подозревая, что его дурачат.

— Я сама до этой экспозиции не верила ни в какую мистику, — перешла на полусшепот директриса. — В нашем музее каждый год проходят выставки восковых фигур. Но эти фигуры отличаются от других. Такое ощущение, как будто они все чего-то затаили. Но это цветочки. Представляете, они ночью, — директриса испуганно оглянулась, — сами... пе-ре-мещаются...

Внезапно Алла Григорьевна вздрогнула и метнула сумасшедший взгляд куда-то мимо следователя. Тарас оглянулся и тоже вздрогнул. В проеме полутемной арки стояла застывшая фигура какой-то женщины. В ту же секунду фигура пошевелилась и скучным голосом произнесла:

— Алла Григорьевна, привезли жену Локридского. Пропустить?

— Аня, это ты? — подала голос директриса и облегченно выдохнула. — Ты так тихо подошла, что напугала.

— Значит, богатой буду...

— Давайте, ведите ее сюда, — приказал Карасев.

Через минуту к месту происшествия препроводили супругу Локридского.

Следователь незаметно присмотрелся к ней. Она была невысокого роста, невзрачной и совершенно плоской. Черные волосы с сединой были гладко зачесаны назад, маленькие колючие глазки почти не моргали, плотно сжатые губы без единой кровинки, на татарских скулах никаких признаков румянца. Вид ее был суровый и не выражал ни малейших эмоций.

Она молча осмотрела труп и, аскетично кивнув, коротко произнесла через плотные губы:

— Да, это он.

Ее голос был немного с хрипотцой. В глазах — полнейший мрак. Когда ее выводили, Тарас заметил, что женщину немного занесло. «Сейчас разрыдается», — подумал он. Но ошибся. Локридская не обронила ни единой слезинки.

Карасев догнал ее в вестибюле. Он взял ее за рукав и осторожно спросил, не заметила ли она чего-нибудь необычного, когда ее муж собирался на работу: перемену настроения, озабоченность, беспокойство? Женщина отрицательно покачала головой и проследовала к выходу. Однако у дверей неожиданно обернулась и вонзила в следователя свой колючий взгляд.

— Ему перед этим приснился странный сон. Будто он плыл на каком-то корабле и попал в шторм. Затем корабль бросило на скалы и разбило. Все утонули, а он один уцелел, потому что руками зацепился за скалу. И вот он висит на скале и радуется, что все утонули, а он живой. Но, когда он стал подтягиваться на руках, чтобы выбраться на гору, скала оторвалась и вместе с ним рухнула в море...

Теперь пришло время побеседовать с Александровой. Когда она вошла в кабинет директрисы, Карасеву захотелось выскочить из-за стола и галантно выдвинуть стул по всем законам светского тона, хотя никакой галантностью Карасев не отличался. «Оказывается галантности не нужно учиться, она пробуждается сама при виде дам подобного рода», — сделал открытие следователь.

Александрова имела пышные кудрявые волосы, осиную талию и длинные ноги. Бархатные джинсы подчеркивали ее грациозность, а голубая блузка придавала лицу аристократическую белизну. На лице — никакой косметики. Губы, как вишни, брови ниточками, на щеках очень милые ямочки. Карие глаза с пышными ресницами, казалось, пронизывали насквозь.

— Садитесь! — кивнул Карасев на стул.

Она грациозно опустилась на предложенное место и вопросительно посмотрела на следователя. «Если все свидетели будут так смотреть, то не ровен час начну заикаться», — вздохнул про себя Тарас и сделал серьезную мину.

— Скажите, Екатерина Алексеевна, в котором часу вы вчера ушли с работы?

Взгляд девушки заволочло дымкой.

— Как всегда, в шесть, — ответила она и снова метнула любопытный взгляд на следователя.

— А в котором часу пришли сегодня?

— Ровно в девять. Может быть, без пяти.

— Насколько мне известно, вы пришли раньше вахтера. То есть сразу после Михайловой. Вы всегда так приходите? — напустил на себя важность Карасев.

— Разве приходиться рано возбраняется? — тонко улыбнулась

Александрова. — К тому же, я пришла не сразу после Зои Павловны, а после Аллы Григорьевны. Так что вас ввели в заблуждение. А вахтерши действительно не было. Это правда. Обычно она приходит без двадцати, но сегодня опоздала.

— Странно, — хмыкнул следователь. — А Алла Григорьевна утверждает, что явилась после вас, но с этим мы разберемся. Итак, после того, как вы переступили порог музея, кто первым вам встретился в вестибюле?

— Милиционер! Он него я узнала, что убили сторожа.

— Куда вы направились потом?

— К себе в кабинет.

— Сразу направились в кабинет?

— Нет, не сразу. В коридоре лежал труп. Мне было страшно переступить через него. Поэтому я спустилась в туалет. Когда поднималась, тогда я встретила Аллу Григорьевну. Она была без сумки.

— И поэтому вы решили, что она пришла раньше?

— Нет! Мне об этом сказал милиционер.

Следователь замолчал, уловив, что здесь что-то не то. Затем спросил:

— Что вы можете сказать о Локридском?

Девушка подняла глаза к потолку и пожала плечами.

— Практически ничего. Мы с ним по долгу службы не сталкивались. Так, старикашка, как старикашка.

— Но вы, насколько мне известно, присутствовали при его драке со Смирновым.

— Из-за Берии? — улыбнулась Катя. — Да, я была. Помню! Когда

привезли восковые фигуры, сторожа позвали разгружать экспонаты. Затем заставили его распаковывать ящики. Он был очень недоволен, что его привлекли к общественным работам. Сначала ворчал, что такелажником не занимался, потом, увидев, что недовольство не доходит до ушей начальства, сорвал досаду на Берию.

— Как это проявилось?

— Обычно. Сначала ругался, потом стал размахивать кулаками. Мы все смеялись, думали, что Локридский шутит. Оказывается, нет. Чем больше мы смеялись, тем больше он распалялся. Потом схватил молоток и кинулся на Берию. Смирнов отнял у него молоток. Тогда Локридский плюнул фигуре в лицо. Олега это очень возмутило. А кого такое не возмутит? Он схватил Яковлевича за грудки и вытащил в коридор. Там они начали драться. Но Алла Григорьевна их разняла.

— Разняла и отослала Локридского в каптерку?

— Да, сторож добился, чего хотел. Его отстранили от общественной работы...

— Значит, по-вашему, Локридский затеял скандал для того, чтобы отстраниться от дела? — поднял брови Карасев.

— Думаю, да. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. Он ужасный лентяй. Ему проще удавиться, чем лишний раз пошевелить пальцем.

— Понятно... — кивнул следователь. — Ну, а что это за история с императрицей Анной?

Катя хлопнула ресницами и зябко передернула плечами.

— Это случилось во время дежурства Коробкова. Первой пришла на работу Котельникова, наша вахтерша. Как она рассказывала, звонила полчаса и била ногами в дверь, но до Коробкова не доходило. Потом выяснилось, он с вечера закапал уши борным спиртом и заткнул их ватой. Спиртом от него действительно пахло. Видимо, очень много закапал.

Потом, когда он, наконец, услышал звонок и впустил Анну Владимировну, снова вернулся в каптерку и завалился спать. А тетя Аня стала ждать Аллу Григорьевну. Как вахтерша рассказала, ей захотелось в туалет, но она боялась идти через зал с восковыми фигурами, поэтому дождалась директрису. Вдвоем они вышли в фойе, и вдруг перед дверьми увидели императрицу Анну. Женщины завизжали, разбудили сторожа, но от него ничего не добились. Коробков уверял, что ничего не слышал, не видел, и эту тетку в фойе видит впервые. Только потом, когда явился Олег, мы более-менее успокоились. Смирнов объяснил, что на подобные явления не стоит обращать внимание. Такое случается во всех восковых салонах мира. Дело пустяшное — выведенного яйца не стоит. В результате императрица была возвращена на место, и инцидент, можно сказать, исчерпан. Но когда мы ее втаскивали в зал, заметили, что Иван Грозный тоже был в другом месте. Он стоял рядом со Сталиным плечом к плечу. Царя вернули в его угол, а Коробкову впаили строгий выговор. Вот, собственно, и все.

— И больше такое не повторялось, после выговора Коробкову? — поинтересовался Карасев.

— Точно такое — нет! Но что-то наподобие — случалось каждый день.

Карасев с улыбкой смотрел на Александрову и думал, что если бы такую ахинею нес кто-нибудь другой, то это воспринималось бы как издевательство. А из уст этой девушки получалось очень даже мило.

— И что же еще случилось?

— Много чего. Вы лучше у Веры Александровны спросите. Она много интересного расскажет про фигуры. Вера Александровна несколько раз видела, как они оживали. А однажды, когда она задремала, по ее волосам провел рукой царевич Алексей.

Карасев не выдержал и рассмеялся.

— Обязательно об этом расспрошу. Но вы сами-то что-нибудь эдакое видели?

— Видела. Это было неделю назад. Как-то во время обеденного перерыва

я проходила через пустой зал с фигурами и вдруг совершенно отчетливо увидела боковым зрением, как Берия в мою сторону повернул голову. Я, естественно, развернулась и побежала обратно. Заперлась в кабинете и весь обеденный перерыв прощелкала зубами. Успокоилась только после того, как сотрудники вернулись с обеда. С того дня — как отрезало. Больше через зал с фигурами одна не хожу.

Карасев всмотрелся в ее красивые глаза и не уловил в них ни малейшей тени иронии. То, что она его дурачит, следователь понял сразу. Только не понял, зачем? Что это: разновидность кокетства, или она его не принимает всерьез в качестве следователя? А может, у нее такой завуалированный юмор? «Нет-нет, красотка не так проста, как хочет казаться», — подумал Тарас и сказал, что вопросов больше не имеет.

И когда она вставала, Карасеву снова захотелось выскочить из-за стола и услужливо ухватиться за спинку стула, как в лучших домах. А потом забежать вперед и распахнуть перед ней двери. А потом нежно взять за локоток и попросить телефон. Хотя с телефоном, пожалуй, будет перебор.

Поднявшись с места Александрова красиво проследовала к двери, вежливо оглянулась и покинула кабинет. Сразу сделалось и скучно и грустно.

Следователь поднял трубку и попросил вахтершу, чтобы она отыскивала администратора фигур. Через пару минут администратор угрюмо топтался на пороге.

— Проходите, Олег Константинович и присаживайтесь, — вежливо пригласил Карасев, кивнув на кресло.

Смирнов шумно вздохнул и плюхнулся на стул напротив следователя. Его взгляд был сердитым. Он смотрел исподлобья и недовольно сопел. Администратору было около сорока. Седые виски, лысеющая голова, между бровей глубокомысленная морщина. Он был напряжен и чувствовал себя виноватым. Это не могло ускользнуть от внимания следователя.

— Традиционный вопрос, Олег Константинович, — начал Карасев. — В

котором часу вы вчера ушли с работы?

— Как и все, в шесть, — ответил Смирнов.

— Вы ушли с кем-то из сотрудников?

— Почему обязательно с кем-то? — оцетинился Смирнов. — Я ушел один. Если ушел, как все, в шесть, это не значит, что непременно с кем-то в обнимку!

— А почему вы так нервничаете, Олег Константинович? — сверкнул глазами Карасев.

— Как же мне не нервничать, когда я подозреваемый номер один, — потрянул головой администратор.

— Кто вам об этом сказал? Алла Григорьевна?

— И без Аллы Григорьевны понятно, что это убийство повесят на меня. На кого же еще? Если моя восковая фигура замочила сторожа, то ясное дело — сидеть за нее буду я. Экспонат же не посадят.

Карасев незаметно понюхал воздух. Кажется, перегаром не пахло. А тоже несет ахинею.

— Олег Константинович, неужели вы серьезно думаете, что я подозреваю вашу восковую фигуру?

Глаза Смирнова просветлели:

— Ну, слава Богу, хоть один здравый человек нашелся в этом пришибленном городишке. Я за всю жизнь не встречал таких музейных работничков, как в этом чертовом Ульяновске. Одни плюют фигурам в морды, другие отказываются стирать с них пыль, третьи требуют надбавки, за, так называемые, «страховые». Не от слова «страховка», а от слова «страх»! Я об этом впервые услышал здесь! Больше нигде не слышал! Каждый день меня доят, как корову. Это какой-то рэкет, а не персонал музея. Директриса заявила, что за убийство сторожа на их площади я

должен выплатить компенсацию. Угадайте, сколько? Двадцать тысяч баксов! Я просто умиляюсь...

— Серьезно? — присвистнул Карасев. — А на вид такая безобидная женщина.

— На вид они все здесь безобидные. Только работать ни черта не умеют. Не умеют и не хотят! Все им дай, да отстегни! Перевозку организовать не могут, разгрузку организовать не могут, рекламу организовать тоже не могут! Они ничего не могут, кроме как выцыганить деньги с приезжих. Все оплачивать приходится мне. Рабочим плати, телевизионщикам плати, сторожам плати! А музею только отстегивай проценты...

— А сторожам зачем платить? — вытаращил глаза Карасев. — Разве им не музей платит?

— Музей платит. Но за охрану экспозиции они требуют дополнительную оплату. Чтобы охранять от посторонних.

— От посторонних в музее? Ночью? Поясните!

Смирнов приблизил лицо к следователю и доверительно прошептал:

— Я сам ничего не понимаю. Но скажу вам, что здесь бывает все! Поэтому сохранность фигур — дело рук самих фигур.

Следователь открыл рот, да так и замер, не произнеся в ответ ни звука. С минуту стояла тишина. После чего, очнувшись, Карасев раздраженно затряс головой:

— Я не понимаю, это шутка? О чем вообще идет речь?

— А я, думаете, понимаю? — развел руками администратор. — Я тоже ни черта не понимаю. Да! Фигуры несколько подвижные. Не спорю! Но не до такой же степени, чтобы взять и слесарным ключом прикокнуть сторожа...

— Стоп! — зажмурился Карасев. — Что, значит, несколько подвижные?

Поясните!

— Ну, подвижные — это подвижные. Есть фигуры — как влитые, а есть такие, как вот эти. Всякие есть. За пятнадцать лет я столько их перевидал, что они мне снятся. Поверьте, я каждую фигуру насквозь вижу. Знаете, взгляну в глаза фигуре и безошибочно определяю характер мастера. Каков мастер, таковы и фигуры. Вот Жора, который их ваял, по характеру очень шабутной. Фигуры — все в него.

— Понятно, — поморщился Карасев, подозревая, что музейные работники — сумасшедшие особого рода. — Давайте, Олег Константинович, по порядку. Что вы имели в виду, когда сказали, что за охрану восковых фигур ночным сторожам нужно доплачивать дополнительно?

— А то и значит, что прихожу я как-то утром, а платье княжны Марии залито вином, а Петр Первый стоит без сюртука, в одной рубашке. А Берия без шляпы и без очков. Потом сюртук и шляпа нашлись. А очки так и канули в небытие. Пришлось заказывать новые...

— И где же потом нашлись сюртук со шляпой? — удивился Карасев.

— Где-где? На стороже Коробкове!

9

Открыв дверь квартиры, Карасев услышал, что в спальне надывается телефон. Скинув одну кроссовку, Тарас в носке доскакал до аппарата и поднял трубку. Звонил прокурор, Леонид Григорьевич.

— Ты дома, Тарас? Прекрасно! Быстрей включай телевизор! Показывают

твои восковые фигуры.

Карасев схватил пульт и нажал на кнопку. Успел! Сюжет про гастролирующие восковые фигуры из Санкт-Петербурга только начался. Местная телевизионная звезда Евгений Городецкий, бывший одноклассник Карасева, улыбаясь во весь экран, вальяжно расположился в кресле на фоне восковой семьи Николая Второго. Он сообщал ошеломляющую новость: о приезде в город уникальной исторической экспозиции в лице восковых царей, их жен и известных государственных деятелей.

Карасев поморщился. Какая же это новость, если выставка работает третий месяц. «Что-то, дорогой товарищ, ты загибаешь не в ту степь», — покачал головой Карасев, поскольку ревностно следил за творчеством Женьки. Как-никак, они, будучи школьниками, числились юнкорами детской газеты «Слеза младенца», которую возглавлял тогда еще совсем неизвестный журналист Леонид Берестов. Теперь Берестов в Москве — крутой российский журналюга, который раз в неделю, но обязательно мелькал на Первом канале. А здесь, из всей своры юнкоров, работавших в «Слезе младенца», по журналистским стопам пошел единственный Женька Городецкий.

Местная звезда начала свой репортаж издали: без запинки перечислила все выставки восковых фигур, которые некогда проходили в городе, отметив, что все они были либо московские, либо рязанские, либо вообще черт знает чьи. А данная выставка — питерская! И она в Ульяновске впервые.

«Все ясно, — рассмеялся Карасев, — завуалированная реклама. Но что делать? Журналистам тоже нужно жить. Хотя непонятно, во имя чего?»

Следом Городецкий совершенно ни к селу начал повествовать о том, откуда пошла такая странная традиция — лепить из воска знаменитых государственных деятелей; кто был первым мастером, и кто последним? Сколько они зарабатывали, и сколько имели завистников? После чего Городецкий перечислил по памяти все знаменитые мировые салоны восковых фигур, не забыв привести в цифрах (опять-таки из головы) какие у кого доходы и расходы, какова их посещаемость и сколько налогов

салоны восковых фигур отчисляют в местный бюджет. «Ну и память у Городецкого, как у идиота! — неодобрительно покачал головой Карасев. — У него и в школе память была такой».

Словом в какие-то пять минут Городецкий объял необъятное, и, наконец, началась долгожданная демонстрация экспозиции. Из сопровождающего комментария совершенно естественно вытекало, что эти фигуры уступают мировым только в одном — в плохой посещаемости. Если Лондонский музей мадам Тюссо на Бейкер-стрит посещают в год более двух миллион человек, то Ульяновский музей — около двух тысяч. Художественный же аспект данных фигур ничем не уступает мировому. Из чего следует, что посетить эту выставку не только стоит, но и жизненно необходимо, чтобы потом не сожалеть о бездарно прожитых днях. Далее Городецкий совсем заврался:

— Любой иностранец за просмотр подобной выставки отвалил бы состояние, да еще отстоял бы позорную очередь длинной с мавзолейную, — не моргнув, соврал Евгений и добавил, — а счастливым волжанам предоставляется возможность посмотреть на восковых царей за чисто символическую плату и притом без всякой очереди...

Карасев поморщился: «Очень нетактично! Просто невероятно грубая реклама!» При встрече он ему об этом скажет.

Единственно, что в этом сюжете не вызывало тошнотворных спазмов, это операторские съемки. Вот они были на уровне. Фигуры демонстрировались с разных сторон, с наездом и отъездом, крупным и мелким планами и вообще без плана. Но самыми любопытными были вставки, снятые питерскими телевизионщиками. Это было нечто! Благодаря движению камеры и играющему свету, создавалась иллюзия, что фигуры действительно оживают.

Карасев дважды протирает глаза и трижды тряс головой: то ему казалось, что Иван Грозный хищно улыбается одной половинкой рта, то Елизавета ведет бровью и насмешливо вглядывается в камеру, то дочь Николая, княжна Мария хлопает ресницами и шевелит пальчиками.

«Вот это классно, — похвалил Тарас. — Наши так снимать не умеют. Где им, дуракам, чай пить...»

Даже Петр Первый, который выглядел в натуре типичной куклой, и тот на экране получился живее всех живых.

После этого показали питерского мастера, сотворившего весь этот ужас. Он был угрюм и несловоохотлив, смотрел исподлобья и, отвечая на вопросы, почти не открывал рта. Однако и художник поведал телезрителям, что, когда работал над этой экспозицией, у него в мастерской происходили странные вещи. Например, голову Елизаветы он каждое утро находил у порога в весьма помятом состоянии. А однажды, на ее щеке художник увидел вмятину от кирзового сапога сорок пятого размера. Так продолжалось до тех пор, пока ее царская голова, наконец, не воссоединилась с ее не менее царским телом. Но и тогда Елизавета не успокоилась. В одно прекрасное утро восковых дел мастер обнаружил у ее ног разбитую вазу восемнадцатого века.

Но если бы только Елизавета вытворяла подобные штучки. У царевича Алексея на голове трижды оказывались вмятины весьма внушительных размеров, причем явно от железного предмета, возможно от арматуры. Но в том-то и странность, что в мастерской художника никогда не было арматуры.

Однако это цветочки. Екатерина Вторая от всей этой катавасии элементарно потеряла голову. Причем, в прямом смысле. Однажды после выходных придя в мастерскую, мастер нашел царицу без головы. Впоследствии голова так и не отыскалась, и пришлось лепить новую.

Далее шли комментарии начальника петербургского отдела вневедомственной охраны. Он объяснил, что мастерская художника охраняется двумя рубежами сигнализации. Второй рубеж, реагирующий на малейшее движение, срабатывал по несколько раз за ночь. Однако группа захвата при вскрытии объекта никого из посторонних не обнаруживала, да и не могли обнаружить, поскольку первый рубеж — стоял железно. В конечном итоге, от второго рубежа пришлось отказаться.

Рассказ милиционера дополняли соседи, живущие этажом ниже. Они выкатывали глаза и с возмущением жаловались, что с полуночи до рассвета в мастерской начиналась какая-то непонятная жизнь: без конца слышались возня, шарканье сапог, цоканье туфель, а иной раз сверху доносились консерваторские голоса певцов и фортепьянные звуки вальсов.

Однако после того как фигуры были завершены и вывезены из мастерской — это безобразие, наконец, прекратилось. Но оно началось в выставочных залах, где выставлялась данная экспозиция. Происходили странные случаи и в Ульяновском музее.

На экране крупным планом появилась вахтерша Анна Владимировна с совершенно сумасшедшими глазами. Она полупшепотом поведала наивным землякам, что однажды утром застала императрицу Анну в вестибюле за разглядыванием музейных экспонатов. При виде дежурной, императрица замерла и прикинулась куклой.

Тарас улыбнулся. «Вот это забавно! С этого и нужно начинать!» Вслед за Анной Владимировной появилась смотрительница зала Вера Александровна. Когда она начала рассказывать о странностях, происходивших на ее глазах, Карасев покотился со смеху. По ее словам, этот наркомовский кабель Берия весьма не равнодушен к дочери Николая Второго княжне Марии. Смотрительница четыре раза собственноручно (тут Вера Александровна перекрестилась) оттаскивала гада от царской семьи и, в прямом и переносном смысле, ставила его на место...

«Если бы все эти факты дополнить убитым сторожем и кровью на пальцах Берии, это произвело бы эффект разорвавшейся бомбы, — неожиданно мелькнуло у Карасева. — Вот это была бы реклама! Да-да, это убийство вытянул бы всю эту дребедень, в которой явно делался упор на привлечение зрителей».

Однако про убийство не было сказано ни слова, поскольку сюжет был отснят месяц назад. Тем не менее, несмотря на надуманность, передача произвела на Карасева впечатление. Когда она завершилось, снова раздался телефонный звонок.

— Ты что по этому поводу думаешь, Тарас? — спросил прокурор.

— Лабудистика чистой воды!

— Лабудистика — лабудистикой, а сторожа убили. Какие-нибудь зацепки есть?

— Пока никаких, — вздохнул Тарас. — Результаты экспертизы будут готовы завтра. А пока совершенно не за что уцепиться. Самое странное, что я никак не могу просечь мотив. Убивать сторожа как бы совершенно не за что. Все в один голос утверждают, что он был безобиднее червяка.

— Запомни, Тарас: безобидных людей не бывает! — засмеялся Леонид Григорьевич. — Ладно, отдыхай. Может, завтра что-нибудь проклюнется.

Шеф положил трубку, и Карасеву снова сделалось не по себе. Вот уже прошел день, а он по-прежнему не знает, в каком направлении копать дальше?

Тарас поставил чайник и открыл холодильник. Он оказался сиротски пустым. В хлебнице не нашлось ни единой крошки хлеба. Хозяйство было запущено. К тому же из крана капало, в ванной подтекало, и плита была заляпана жиром. «Жениться что ли?» — мелькнула шальная мысль. И Тарас отметил, что на голодный желудок вечно возникают декадентские мысли.

Следователь влез в ботинки и отправился на улицу. «С женитьбой подождать можно, с голодным желудком — никогда», — родился в голове афоризм.

От этих звонков Катя всегда вздрагивала. Междугородка звонила более резко и более протяжно. Она уже знала, что такие звонки исходят от ульяновского следователя Алексея Борисовича. Обычно мама грудью кидалась на телефон и, после приглушенного «алло», разматывала провод и уходила в спальню. Она плотно закрывала дверь и переходила на полусшепот.

О чем они говорили, Катя не слышала, однако догадывалась, что разговор шел о маньяке. Он был еще на свободе, но у милиции уже был кто-то на подозрении. Следователь просил, чтобы Катя вспомнила еще какие-нибудь детали из его одежды или обуви, но мама категорически возражала. Она требовала, чтобы ее дочь оставили в покое, что Катюша еще не отошла от того ужаса, произошедшего с ней в чужом городе, и что ей надо поскорее обо всем этом забыть и вернуться к полноценной жизни.

Но Кате уже никогда не забыть того грубого страшного мужика с паучьими руками. Он всегда будет преследовать ее и стоять за спиной, где бы и с кем бы она не находилась. И хотя Катя не видела его прямо, но мысленно представляла, как он выглядит.

Это коренастый жилистый мужик, с грубыми чертами лица, со скрюченными клещеобразными пальцами, жидкими черными волосами и маленькими свинячьими глазками. Это полная противоположность Александра Федоровича, красивого, тонкого, деликатного, в глазах которого одухотворенная доброта и всеобъемлющее понимание мира. Тот мужлан — его антипод.

Катя бросилась лицом в подушку и заткнула уши. Все эти меры ни к чему! Несмотря на то, что мама заперлась в спальне и говорила приглушенным голосом, девушка слышала все, до мельчайших звуков, потому что в эти минуты ее слух обострялся в десять раз.

— Что? Уже третья? — ужасалась мама. — И никаких следов. Это ужасно! Боже мой. Арестуйте, наконец, подозреваемого! Что? Нет-нет! Ни в коем случае! Повторяю вам, она не видела ни одежды, ни рук. Только ботинки. Ее не трогайте! Не позволю! Она еще не отошла от травмы. Еще раз говорю — нет! Ну, какое лицо? Она сразу отключилась...

Перед Катиными глазами возникли потертые кирзовые ботинки с блестящими клепками, вокруг которых выцарапаны кривые волны в виде ромашек, возникло засаленное крыльцо церквушки и черный ноготь большого пальца, упирающийся в ее ресницу...

Девушку передернуло. Она накрыла голову подушкой и притихла. Сейчас зайдет мама и приласкает. У нее всегда после разговора со следователем начинается прилив нежности. Так оно и случилось. Мама вплыла в комнату, подняла с головы дочери подушку и принялась гладить волосы.

— Ну, что ты? Устала? Отдохни, коли так. Только не молчи...

Катя неожиданно увидела Александра Федоровича и улыбнулась. Он стоял на фоне заката на городской стене в своем ослепительно алом плаще, и за ним простиралось море.

— Боги только создают ситуации, а как вести себя в них — это уже решать людям, — произнес он своим великолепным баритоном.

— Люди не хотят зла ни себе, ни другим, — ответила Катя. — Они поступают худо потому, что им неведомо будущее. Вся их беда в том, что они не знают последствий собственных поступков.

— Да, не знают! Потому, что не хотят знать, — улыбнулся Александр Федорович. Хотя, впрочем, — уже не Александр Федорович, а сияющий Бог Аполлон. И она — уже не простая девочка Катя, а дочь царя священного Илиона вещая Кассандра.

Она вспомнила, что Парис уже два года живет во дворце, и отец с матерью в нем души не чают. Царь Приам и слушать не хочет про то, чтобы изгнать Париса из Трои. Родителей словно околдовали. Они словно совсем забыли о древних пророчествах, в которых говорилось, что их первый сын погубит не только отца с матерью, но и все их великое царство. Матушка все никак не выйдет из-под чар Париса и все никак не налюбуется на его неземную красоту. Она то и дело повторяет, будто помешанная: «Он весь в меня. Узнаю себя в молодости...»

Любовь царей к Парису передалась и простым троянцам. «Парис красив, умен и мудр», — без конца повторяют они. И только Кассандра видела, что он не умен и не мудр, а напротив — упрям и туп. К тому же, весьма самолюбив и коварен. Его коварство Кассандра разглядела на состязаниях. Царский сын, словно презренный плебей, всегда старался ударить соперника исподтишка, откуда-нибудь снизу, или сбоку. Парис бил лежащего и топтал обессилевшего. Сострадания в нем не было ни крупинки. А народ ликовал и захлебывался от восторга.

Услышав невеселые мысли Кассандры, Аполлон промолвил:

— Ничто так не портит смертного, как любовь толпы. С каждым днем этой любви требуется все больше и больше. В конце концов, одной любви становится мало, и у смертного просыпается желание обладать. Парис уже снарядил корабли, чтобы отправиться в Грецию за самой красивой из смертных.

Кассандра взгляделась в осколок горного хрусталя и увидела брата. Прикрывшись чужим плащом, он вел ночными закоулками на свой корабль жену спартанского царя Менелая. За ним плелись его рабы и воины, тащившие на плечах прихваченные из дворца сокровища человека, который так сердечно принял их в своем доме.

— Это в благодарность за гостеприимство! — весело рассмеялся Парис, когда они подошли к кораблю.

Вслед за ним грубо захохотала вся его свита. Друзья троянского принца принялась поносить Менелая, так не вовремя отбывшего по делам. По его простоте с сарказмом прошлась даже Елена. И даже служанка. А кормчий на корабле воскликнул:

— Ветер попутный! Боги нам благоволят!

Увидев это, Кассандра с отчаяньем воскликнула:

— Сделайте хоть что-нибудь, о всемогущие Боги! Парис не должен отплывать от берегов Трои! Если он все-таки отплывет, пусть по пути в Грецию морская пучина проглотит его корабль. Если Парис доберется до

Спарты, Трою уже не спасти!

— Трою погубят не Боги, а смертные, — покачал головой Аполлон. — Разве Боги заставляют плыть Париса в Спарту? Его гонит туда честолюбие и жажда славы. Слава толпы! К тому же бывший пастух искренне верит, что он единственный из смертных достоин обладать самой красивой женщиной.

— Но он не знает, чем это грозит его родному городу.

— Разве ты его не предостерегала? — поднял брови Аполлон.

— Я много раз пыталась с ним поговорить. Но он слишком горд, чтобы слушать меня, и слишком высокомерен, чтобы считаться со мной. Однажды он ответил: «Какое мне дело до какой-то Трои и до жизней каких-то троянцев, если прекрасную Елену мне обещала сама Афродита. А если она обещала, то никакой смертный не сможет воспрепятствовать тому, чтобы я ею обладал».

— Так время еще есть, — сверкнул зубами Аполлон. — Возможно, он одумается в пути и, наконец, начнет считаться с людьми. Возможно, его к этому подтолкнет гостеприимство Менелая.

— О нет! Никогда Парис не будет считаться с людьми, потому что себя он считает выше всех!

— Но, может быть, Елена захочет сохранить свою благочестивость и откажется убежать с чужеземцем?

— Разве у тех, чья слава простирается до самого неба, есть благочестивость? О нет, на верность Елены надеяться нельзя.

— Но, может быть, Менелай проглотит обиду и великодушно простит гостя, и даже (чем Гермес не шутит!) поблагодарит Париса за то, что он помог распознать лисью натуру жены?

— О только не это! Ярость Менелая куда сильнее великодушия. Он будет помнить свои обиды даже в царстве Аида.

— Но, может быть, в его старшем брате Агамемноне проявится благоразумие, и ему удастся убедить Менелая, что его задетое самолюбие не стоит стольких будущих жертв, которых он собирается втянуть в войну?

— Не верю! В Агамемноне нет никакой мудрости! А самолюбия у него больше, чем у Менелая.

— Но, может быть, ахейские цари откажутся участвовать в войне, сославшись на незначительность причины?

— Никогда! Они только и мечтают побольше нагрabить добычи.

— Но, может быть, первые неудачи под стенами Трои отрезвят воинствующий пыл греков?

— Не отрезвят! Ибо бараньего упрямства в них больше, чем истинного героизма.

— Но, может быть, Парис при виде трупов своих горожан раскается и вернет Елену Менелаяу?

— Никогда он не раскается! И никогда не вернет ни Елену, ни сокровища, потому что он жаден и самолюбив! Потому что слишком презирает смертных! И потому, что город ему не родной!

— Но, может быть, раскается сама Елена и сама под покровом ночи прибежит к своему мужу?

— И она никогда не раскается, потому что любит только себя. Только вы, бессмертные Боги, можете спасти Трою, если разыграете на море бурю и потопите корабли Париса.

Аполлон тонко улыбнулся и сделал шаг назад:

— Если вы, смертные, не верите в себя, как же нам, бессмертным, прикажете поверить в вас? Только в страданиях обретается обоюдная вера. Если мы предотвратим страдания этой войны, как люди поймут, что беды исходят не от Богов, а от их собственного презрения к себе подобным?

Прости, дорогая Кассандра, но людей спасут только сами люди.

— В таком случае, я спасу людей! — воскликнула Кассандра. — Я открою им правду о Парисе.

Аполлон грустно покачал головой.

— Разве люди стремятся к правде? Люди стремятся к удовольствиям.

Не дослушав Аполлона, Кассандра спорхнула с троянской стены и побежала к морю. На берег высыпал весь город, чтобы проводить блистательного Париса. Корабли уже были спущены на воду и нетерпеливо покачивались на красных от утреннего солнца волнах. На лицах отплывающих троянцев сверкали гордые улыбки. Глаза горожан выражали восторг и восхищение перед сыном Приама.

— Да благоволят вам Боги, — произнес отец, поднимая над головой руки.

— Боги уже благоволят, — улыбнулась мать, не сводя влюбленных глаз с Париса. — Они дали нашему сыну попутный ветер.

Парис стоял перед родителями с высоко поднятой головой и наслаждался хвалебными возгласами окружающей толпы. Он был великолепен: сияющий взор, развивающиеся кудри, сверкающий на солнце шлем с павлиньими перьями и красивый пурпуровый плащ на одном плече.

Именно в эту минуту, в самый разгар восхищения троянским принцем из толпы выбежала Кассандра. Ее глаза были безумны, волосы взлохмачены, щеки бледны, а голубая туника в серой дорожной пыли. Она посмотрела Парису в глаза и указала на него пальцем. Троянцы притихли.

Кассандра вознесла руки к небу и хотела воскликнуть: «О горе, горе великой Трое и всем нам! Вижу я: объят пламенем священный Илион, в крови лежат его сыновья, и в рабство ведут чужеземцы плачущих троянских дев!» Но вместо этого получилось:

— О-о-о...г-го-ре... н-н-нам... в-ве-ликой Т-т-трое...

Она с ужасом почувствовала, что язык от волнения онемел и перестал подчиняться голос. Сейчас она справится с этим и донесет до людей истину.

— В-вижу г-горящий Иль-иль-лион...

Ясновидящая увидела, как троянцы дают улыбки. Голос жрицы осип. Парис рассмеялся, и вслед за ним рассмеялись все — от царей до простолюдин. Любимец толпы красиво развернулся на пятке и направился к кораблю. За ним двинулся весь народ, громко хохоча и умоляя красавца вернуться со славой.

Кассандра опустилась на колени и закрыла лицо руками. Она хотела разрыдаться, но в то же мгновение почувствовала на плечах горячие руки матери Гекубы:

— Встань, Кассандра! Не пристало царской дочери стоять на коленях, как простой безродной пастушке.

— Они не дослушали, мама! А я хотела открыть истину.

— Никому не нужна твоя истины, Кассандра! Истина на земле одна: люди готовы умирать за тех, кто и без того величественен, богат и великолепен. Не предсказывай больше! Молчи! Ради всех Богов, молчи! Ты все-таки царская дочь. Ей нельзя быть посмешищем простолюдин.

Было около восьми вечера. Карасев с мозгами набекрень плелся по центральной улице города в сторону кафе «Молодежное». «Едрит твою за ногу! — думал он угрюмо, глядя себе под ноги. — Целый день провел в

музее и не прояснил ничего. Абсолютно ничего. Это позор на весь регион!»

Ведь если действительно отбросить весь этот бред с фигурами, то сторожа практически убивать было не за что? Классическое для этого захолустья убийство с бодуна отпадало сразу. С бодуна его могли грохнуть только хозяева этого ключа, то есть сантехники. Но у них стопроцентное алиби. В десять они оба были дома и с половины одиннадцатого, до половины первого смотрели футбол.

Убийство из-за кражи тоже отпадало сразу. Из музея ничего не пропало, да и не могло пропасть, потому что в нем не хранилось ничего такого, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность. Убийство из мести было еще более абсурдным. Неужели администратор восковых фигур может проломить череп только за то, что его экспонату плюнули в физиономию. Хотя в этой дыре все возможно. Однако у администратора тоже стопроцентное алиби. В то время, когда убивали сторожа, он предавался кутежу в ресторане гостиницы «Советская», после чего, отправился в номер с одной местной куртизанкой по имени Эллочка-людоедка.

Осталась последняя версия: Локридского грохнули из-за долга. По признанию его жены, десять лет назад, когда еще Александр Яковлевич работал на телефонной станции электромонтером, к нему на дом почти ежедневно навещался один неизвестный тип, который грозился убить телефонщика, если он не возвратит деньги за установку левого телефона. Чем все это закончилось, жена не знает, но уже лет десять того типа не видно и не слышно. Видимо, разобрались.

А может, и не разобрались. Может, тот тип затаил обиду и десять лет вынашивал план мести? Такое здесь тоже может быть. Здесь зарежут за ведро картошки и бровью не поведут. Чертова провинция!

«Разумеется, разыскать того типа будет не трудно, но это тоже не то», — чувствовал Карасев, и никак не мог смириться с тем, что это дело не столь простое, как предыдущие. Сложные дела бывают только у сложных людей и преимущественно в больших городах. А тут — простота на простоте.

«Да неужели правда сторожа замочила восковая фигура? — замер

посреди улицы Карасев. — О нет! Хоть режьте меня на части, но в эту галиматью я верить отказываюсь...»

Именно на этом мысленном возгласе Карасев увидел Берестова, бодро шагающего навстречу.

— Леня, ты? — кинулся к нему Карасев. — Здорово! Каким ветром в наших краях?

— Тарас? Ха! Я тебя не узнал. Богатым будешь!

Друзья обменялись рукопожатиями и, после гогота и приветствий, потопали в кафе отмечать встречу.

— Ты в отпуске? — спросил Карасев.

— Вроде того! Жена с сыном в Англии. На юг ехать лень. Я решил на родину. Заодно родителей проведать. А ты как? Учишься на юридическом?

— Уже закончил два года как. Сейчас я следователь по особо важным делам.

Берестов уважительно присвистнул.

— Звучит солидно. А стоящие дела есть?

Тарас подумал и вкратце рассказал журналисту о таинственном убийстве сторожа в местном музее. Рассказал он и о восковых фигурах, оживающих по ночам, и главное — о пятнах крови на пальцах Берии. Леня, вопреки ожиданиям, даже не рассмеялся.

— У него на пальцах точно кровь сторожа? — спросил Берестов серьезно.

— Еще не известно. Заключение экспертизы будет готово завтра. Но я думаю, что это кровь Локридского. Кого же еще? Кстати! Мы обнаружили еще несколько капель на ковре. Как раз по пути к трупу. Вот!

— Интересно, — почесал подбородок Берестов. — А ты говоришь скучная провинция. Ничего себе, скучная. Это в Москве можно сдохнуть от скуки. Ну... и какая у тебя версия?

— Пока версии нет? — честно признался Тарас. — Можно сказать, на этом тупик. Персонал музея уверяет, что сторожа уделала восковая фигура.

— Вполне может быть, — задумчиво пробормотал Берестов.

— Ты серьезно, или прикалываешься? — сбавил шаг Карасев.

— Серьезно, Карась! На свете всякие бывают приключения. Ты же читал у Пушкина про Дон Гуана?

— Так это же сказка? — отмахнулся Тарас.

— Сказка ложь, но в ней намек. У Проспера Мериме тоже есть сказка с намеком. Про памятник. Он сошел с пьедестала и кого-то придушил. Даже двоих. Я точно не помню. И у Фон Клеста есть. Ты читал Фон Клеста?

— Что я идиот — читать Фон Клеста?

В это время друзья уже входили в полупустое кафе, публика которого состояла из всякого рода оболтусов. Они заказали бутылку водки, томатный сок, салат с грибами, ветчину, соленую горбушу и бефстроганов с картофелем. С удовольствием опрокинули по рюмке и с аппетитом закусили. Потом опрокинули еще по одной. Глаза у обоих заблестели. На душе стало еще легче, чем было.

— Интересное получается кино, — продолжал удивляться Берестов, жуя бефстроганов с картофелем. — Говоришь, и магнит нашли в кармане у Берии? А, кстати, откуда у сторожей магнит?

— Видимо, остался от старой сигнализации, — предположил Карасев. — Когда ее обновляли, магнит подобрали и прикарманили. Магнит — не проблема. Тебе его может за бутылку пива подарить любой электромонтер вневедомственной охраны. Проблема в другом: на магните нет отпечатков пальцев. Понимаешь? Работали в перчатках! В нашем городишке

совершать убийство в перчатках могут только больные!

— А может, подростки насмотрелись детективных фильмов и решили поэкспериментировать? Идиотов много. Их всегда было много. Кстати, что говорит начальник фигур?

— То же, что и все! Души умерших обитают рядом со своими изваяниями, и прочий бред.

— Не правда! Это не бред! — поднял палец Берестов. — Правильно он тебе сказал. Первые дни после смерти душа цепляется за земную жизнь и находится поблизости от своего тела. Только после того, как тело разложится, душа улетает.

— Улетает? Как мило! — захихикал Тарас. — И куда же?

— В свободный полет. Хотя это не совсем так, — поморщился Берестов, разливая по рюмкам. — Души попадают в те миры, которые заслуживают в процессе жизни. Но не все! Души самоубийц и тиранов не берут в горние миры и они долгое время находятся среди нас, хотя мы их не видим.

— А они нас видят?

— Еще как!

Берестов поднял рюмку и произнес:

— Так выпьем за то, чтобы любая душа была для нас видима, как подводная лодка для спутника!

Друзья опрокинули по полной стопке, бодро крякнули и запили томатным соком. После чего Берестов, не спеша, подцепил на вилку ломтик горбуши и поднял осоловелые глаза.

— А ты думаешь, почему на востоке запрещали ваять человеческие скульптуры и изображать людей на рисунках? Да все потому же, чтобы умершие поскорее забыли о земной жизни и спокойно отбыли в следующий мир. По этой причине в Индии людей не хоронят, а сжигают.

Потому что, когда душа видит свое разлагающееся тело, она впадает в скорбь. А если тела нет, то нет и скорби! Без тела душа даже может и не узнать никогда, что для земной жизни уже умерла.

— Да ну? — удивился Тарас. — Бред какой-то! А что же, египтяне ничего об этом не знали?

— Египтяне об этой технологии знали еще лучше, чем индусы! Это сейчас ни черта не знают! Сейчас люди — во! — Берестов постукал пальцами пальцев по столу. — А в Древнем Египте любой крестьянин мог вызвать душу усопшего, потому что в Египте был культ смерти. Там специально делали мумии фараонам, чтобы душа вечно помнила о земной жизни. Более того, некоторые души фараонов были обязаны каждую ночь вселяться в собственные мумии, вылезать из Саркофагов и навораживать вокруг них круги.

— Это еще за каким хреном? — поднял брови Тарас.

— Чтобы знали свое место! Чтобы как бы высоко не взмывали, но всегда помнили о своем земном происхождении. Так их дрессировали жрецы. Ведь жрецы правили Египтом. Фараоны всегда у них были под каблуком. Словом, жрецы в Египте были настолько могущественными, что заставляли фараонов служить им и после смерти.

— А на черта они им сдались после смерти? — ухмыльнулся Тарас.

— Мало ли для чего? — неопределенно ответил Берестов. — Нам не понять! Кстати, египетские маги умели вселять души мертвых не только в собственные мумии, но и в каменные статуи. В Египте каменные фараоны передвигались. Это факт исторический, поскольку описан кем-то из посвященных. Не помню, кем? Кажется, Гесиодом. Вот, к примеру, ученых до сих мучают загадки острова Пасхи, в частности: кто затащил на гору многотонных каменных уродов? Учеными доказано, что их обтесывали на берегу в горизонтальном положении, а потом затаскивали вверх. Как их затаскивал и кто — загадка. А никто их не затаскивал! Каменные Боги сами топали на гору. Своим ходом. Ферштейн? Жрецы в них вселяли души умерших и давали команду «шагом марш». Они и топали. А ты

спрашиваешь, зачем египтянам были нужны души усопших? В хозяйстве все пригодится! А, кстати, рядом с островом Пасхи есть еще один остров. На нем до сих пор существует обычай: перед погребением покойник встает из гроба и прощается с близкими. То есть, когда человек умирает, он три дня лежит в гробу, как положено покойнику, а перед погребением встает (ни по своему желанию, конечно, а по приказу шамана) и трижды обходит свое смертное ложе.

Тарас от смеха едва не слетел со стула.

— Кончай прикалываться! Подавлюсь!

— Не веришь? — обиделся Берестов. — Балбес! Этот обычай описан в энциклопедии. Можешь, сам убедиться!

— Какой бред! Ничего я читать не буду.

— Чисто ульяновский подход, — вздохнул Берестов и снова разлил. — Если не видел своими глазами — стало быть, такого не существует.

— Можно сказать, ты видел!

— Я изучал! И до сих пор изучаю. У меня собрана целая библиотека по теософии.

— Но ведь теософы могли и насочинять?

— Римское право тоже сочинили. И ничего! Никто в нем не сомневается, хотя авторов никто не помнит. А теософию до нас донесли умнейшие люди планеты: Гесиод, Платон, Ориген, Данте, Шюре — и людей гложут сомнения. Где логика, я спрашиваю?

— Логики нет. Но я все равно не верю.

Леонид устало махнул рукой и долил остатки.

— Ну что, за расследование? — блеснул глазами Берестов.

— Вперед! — отозвался Тарас и опрокинул рюмку.

После этого они молча жевали грибы, думая о своем. Наконец Тарас перевел взгляд на товарища:

— Как ты думаешь, при жизни Берия мог бы своими руками убить человека, если бы тот плюнул ему в лицо.

— Запросто! — ответил Берестов. — Мировые кровопийцы мелочны и самолюбивы. Они уважают только силу. Маленький человек для них букашка.

— Я к чему веду базар, ты серьезно думаешь, что сторожа могла замочить восковая фигура. Только без прикола!

— А не какого прикола нет, — нахмурился Берестов. — Если не веришь, то проверь!

— Проверить? Как? — вытаращил глаза Тарас.

— Плюнь ему в морду и останься на ночь.

Берестов расхохотался, а Карасев впал в окончательное уныние. После этого друзья решили тронуться в путь. Они заказали еще по пятьдесят грамм на посошок, расплатились и вышли на воздух.

Вечер был теплым, улица пустынной, с Волги тянуло свежестью. В воздухе стояли пряные запахи осени. Начинались сумерки. Друзья, чуть покачиваясь, поплелись вниз по Гончаровой к Волге. У Берестова было шаловливое настроение, у Карасева — задумчивое.

— А что, серьезно были случаи, когда умершие появлялись среди живых? — спросил Карасев.

— До черта и более! — ответил Берестов. — Это явление индусы называют аватарой, что означает — нисхождение. Любой умерший, а не только Бог, может явиться в этот мир во плоти. Но все дело в том, что всякий может, но не всякому позволено.

— Не верю! Это противоречит законам природы! Я еще понимаю, когда покойники являются во сне. Во сне не надо появляться в белковой оболочке, во сне достаточно помыслить — и ты в образе. Но белок не может возникнуть из мысли!

— При чем здесь белок? — поморщился Берестов. — Насколько мне известно, аватар формируют свое тело из космической пыли. Душа подобно магниту притягивает к себе нужные частицы и в результате образовывается тело, какое требуется. Хотя подчеркиваю, это доступно только высшим душам.

— Ты хочешь сказать, у Берии высшая душа?

— Берия не являлся во плоти. Он всего лишь вселился в свое восковое изваяние. Эта процедура на ранг ниже. Ее может проделать любой дилетант. Но только ночью. Днем солнце рассеивает энергию.

— Но воск при ходьбе разрушается!

Берестов остановился, икнул и строго посмотрел на Карасева:

— А ты никогда не задумывался, почему, когда люди покидают дома, то они сразу начинают разрушаться? Да, потому что даже камни держатся на человеческом духе. Человеческий дух — это цемент всего материального. Запомни! Эта такая силища, такая, что... черт меня дери! Дух способен превращать железо в масло, а уж уплотнить воск до уровня человеческого тела — ему вообще раз плюнуть.

Произнеся это, Берестов сплюнул в урну и поднял глаза к небу, как бы ища вверху подтверждения своим словам.

— А отпечатки пальцев дух может оставить? — спросил Тарас, едва удерживаясь от смеха.

Берестов перевел бестолковый взор на товарища и ответил:

— В отпечатках я не силен. Тут уже, как говорится, твоя компетенция. А вообще на твоём месте я бы провел ночь с восковыми фигурами.

Берестов остановился и, хитро сощурившись, взглянул на Тараса.

— А что? Разве не прекрасная мысль? Ночь в музее с восковыми фигурами! Ты, наверное, не знаешь, что ночь в музее мадам Тюссо стоит сто тысяч фунтов стерлингов? А тут на халяву, по служебной надобности! Класс! Впечатлений — на всю жизнь! Это я тебе гарантирую! И, кстати, запомни: восковые фигуры злодеев — это не просто фигуры, это черт знает что. Они охраняются самим дьяволом. Когда музей мадам Тюссо сгорел, не пострадали только мировые тираны. Вся комната ужасов, где Гитлер, Джек Потрошитель и все остальные, включая мошенников, осталась невредимой. Усекаешь? Между прочим, это факт исторический. Так что провести ночь в компании с восковыми царями, как говорит нынешняя интеллигенция, не за падло!

— Ты думаешь? — почесал затылок Карасев. — А может, действительно написать утром заявление на разрешение эксперимента...

— Зачем завтра? Какое разрешение? Чего ты плетешь, Тарас? Если хочешь познать истину, — забудь о заявлениях! Сегодня и сейчас!

— Сейчас? — закусил губу Тарас.

— И не просто сейчас, а сию минуту! Куй железо, пока у меня вдохновение.

Порыв приятеля захватил и Тараса. Карасев повеселел.

— Но как мы туда попадем? Музей уже сдали на пульт.

— Пересдадут! Главное, чтобы сторож попался мировой. Кто сегодня дежурит?

Дежурил как раз Коробков, которого следователь собирался допросить утром. «Это знак судьбы!» — мелькнуло в голове.

— Вперед! — скомандовал Берестов. — Положись на меня, и удача нас не покинет.

Друзья зашли в гастроном, купили три бутылки водки, два галлона лимонада, колбасы, сыра, три банки щучьей икры и еще что-то по мелочи.

— Девушки бы нам не помешали! — задумчиво пробормотал Берестов, деловито осматривая пакеты с продуктами.

— Девушек можно! — поддержал инициативу Карасев и вытянул из кармана «мобильник».

— Потом! Сначала мы проникнем в музей...

Через двадцать минут друзья уже стояли на высоком крыльце музея. Берестов, взяв на себя инициативу, решительно вдавил палец в дверной звонок. Орлы услышали противотанковую сирену и увидели через стеклянные двери, как из каптерки выполз пузатый мужичек в шлепанцах на босу ногу. Он приблизился к дверям и, прильнув носом к стеклу, недовольно пробурчал:

— Кого надо?

— Вас надо! — тут же отозвался Берестов. — Отдел по борьбе с особо важными делами. Срочно откройте! Но так, чтобы не сработала сигнализация!

— Как же он откроет без магнита? — проворчал Карасев.

— Одну минуточку! — ответил сторож и побежал обратно в каптерку.

Вскоре он появился с отверткой и табуреткой в руках. Взобравшись на

табурет, сторож пошерудил отверткой над дверью, после чего откинул крючок. Берестов пнул входную дверь ногой, и мужики беспрепятственно вошли в вестибюль.

— Надеюсь, на пульт пересдавать не будем? — на всякий случай спросил Берестов.

— Обижаешь, начальник! Все на пульте! — успокоил сторож. — Я замкнул датчик на входной двери.

Карасев поднял голову и увидел над дверью открытую сигнализационную коробку с торчащей в ней отверткой. Берестов подмигнул:

— Вот видишь, вполне можно обходиться и без магнита.

Все трое прошли в каптерку. В ней горел обогреватель, работал телевизор, а на подоконнике на электроплите закипал чайник. Такая домашняя обстановка пришлась по душе непрошеным гостям. Вахтера тоже ничуть не смутило, что бойцы из отдела по особо важным делам несколько под шефе и в авоське у них что-то взбудораживающе позвякивает. Удостоверений сторож не потребовал. Берестова он явно принял за начальника.

— За фигурами будете наблюдать? — осклабился Коробков. — Они такие. За ними глаз, да глаз нужен.

— Какие такие? — нахмурился Карасев. — Разъясните!

— А такие... — открыл рот Коробков, но Берестов предостерегающе поднял палец.

— Стоп! Все расспросы потом. А сейчас нужно срочно вызвать экспертную группу. — Берестов достал из кармана сотовый и всучил Карасеву. — Давай, кто у нас там сегодня дежурит? Позвони из вестибюля, а я как раз побеседую с...

— Василием Петровичем, — подсказал сторож.

— С Василием Петровичем, — подмигнул Берестов и полез в пакет за бутылкой.

Карасев вышел из каптерки и набрал телефон драмтеатра.

— Спектакль еще идет?

— Закончился.

— Свиридова еще не ушла?

— Пес его знает? Поискать?

— Если вам не трудно.

На том конце провода на три минуты канули в небытие. После чего веселый звонкий голос воскликнул:

— Елена Свиридова у аппарата!

— Это я, — коротко ответил Тарас. — Какие у тебя планы на вечер? Может, они совпадают с моими?

— Ты хочешь пригласить в ресторан?

— В ресторан — уже не модно. Хочу пригласить в музей!

На том конце провода разразились журчащим смехом.

— Это в том, в котором восковые фигуры грохнули сторожа?

— Именно!

— Вау! Ночь с восковыми убийцами! Всю жизнь мечтала!

— В таком случае, бери Галку за жэ и — в художественный музей! Но учтите, вы не актрисы, а эксперты в звании сержантов.

Трубка темпераментно взвизгнула, и Карасев понял, что с допросом нужно поторопиться. Когда он вернулся в каптерку, на столе уже стояла откупоренная бутылка водки и тарелка с нарезанной колбасой. Мужики зря времени не теряли.

— Экспертная группа сейчас прибудет, — доложил Карасев и тут же получил в одну руку стакан, а в другую огромную помидорину.

— За экспертизу! — деловито произнес Берестов и опустошил стакан.

Вслед за ним опустошил посуду и Коробков, а Карасев лишь слегка пригубил.

— Скажите, Василий Петрович, — произнес он, пронзая сторожа еще не расплывшимся взглядом, — как получилось, что в одно из дежурств на вас оказался сюртук Петра Первого и шляпа Берии.

Сторож перестал жевать и сморщил лоб.

— Когда это? Что-то не припомню!

Берестов незаметно подмигнул Карасеву и снова разлил по стаканам, причем сторожу полнее всех.

— Вздогнем, господа!

Господа вздрогнули, и глаза у сторожа шаловливо заблестели.

— Вспомнил! Было такое дело! Обогреватель у меня под утро перегорел. Я замерз, как цуцик. Что мне оставалось делать? Позаимствовать у царя сюртук, а у Берии шляпу. Им-то все равно. Один черт они из воска.

Берестова затрясло от смеха, а Карасеву пришлось закрывать руками рот, чтобы допрашиваемый не заметил улыбки.

— А очки вы зачем брали? Тоже для тепла?

— Не! Очки для понта! — затряс головой Василий Петрович.

— Для понта? — удивился Карасев. — А перед кем?

— А... я в них в магазин ходил.

— В очках?

— В очках, в сюртуке и в шляпе! Это очень удобно! Отпускают без очереди с любого прилавка. Потому что царей на Руси всегда уважали!

Берестов больше не мог сдерживаться и начал в конвульсиях скатываться со стула. Карасев показал кулак, и Леонид тактично выкатился в коридор.

— Ну, и куда вы потом дели очки? — продолжил расспрос Карасев, изо всех сил сохраняя серьезность.

Коробков виновато наклонил голову и развел руками.

— Посеяли, надо полагать? — догадался следователь. — А что это за история с великой княжной Марией? Почему она оказалась облитой вином?

— Это не в мою смену! — поднял палец Коробков, и его маленькие глазки блудливо забегали.

— А Смирнов уверяет, что в вашу.

Сторож покосился на бутылку и задумался. В каптерку тут же вошел Берестов, который по всей видимости подслушивал за дверью, и деловито разлил остатки. Не произнеся ни звука, Леня опрокинул стакан и также стремительно удалился, как мавр, сделавший свое дело. Сторож тоже выпил, занюхал рукавом, и глаза у него собрались в кучу.

— Значит, это не вы облили великую княжну вином?

— А! — очнулся Коробков. — Я понял, про кого вы говорите! Это про ту молоденькую бабенку, которая с Николашкой! Не! Это не я облил. Это Федька! Я ему, говорю: «Не тронь, бабу», а он мне: «Отвали! Она мне нравится. Я ее угощу». Ну, Николай ему ногу и подставил. Федька споткнулся и стакан с вином на княжну шарахнул.

За дверью послышался судорожный стон, и Карасев подумал, что в следующий раз не возьмет Берестова. Он вообще не умеет себя вести на допросах.

— Что за Федька? — напирал Карасев с хмурыми бровями.

— Да брательник мой двоюрный. Он с женой поцапался и приперся ко мне ночевать. Ну, мы с ним и... это дело и отметили.

— Вот как? — удивился Карасев. — Да здесь проходной двор. К другим сторожам тоже приходят двоюрные братья?

— Про других сказать не могу, — покачал головой сторож. — Знаю, только что Агафонов справлял здесь свой день рождения. Они с гостями стащили с постамента пулемет «Максим» и покатали его на площадь, делать, значит, революцию. Но прохожие вызвали милицию и их забрали. После этого Агафонова уволили.

Карасев задумался. Помолчав немного, он укоризненно произнес:

— Веселые оказывается люди работают в художественных музеях. А Локридский тоже здесь устраивал кильдым?

— Локридский? — поморщился Коробков. — Это не наш. Он не компанейский. Я таких не люблю.

— Почему не любите?

— Не люблю и все.

— А восковых фигур не боитесь?

— А чего их бояться? Ну, шубуршатся они чего-то там у себя — и пес с ними. Не поверите, то и дело их шаги шаркают. Вот и сейчас, слышите?

Карасев напрягся и действительно четко услышал чьи-то приглушенные шаги. Глаза его расширились. Он выглянул в коридор и не увидел Берестова.

— Леня, ты где? — встревожено прошептал Карасев и вдруг ясно представил его с проломленной головой в зале с восковыми фигурами.

— Да, в туалет, наверное, спустился, — зевнул за спиной Коробков.

Шаги приближались и явно не со стороны туалета, а откуда-то сверху. Вне всякого сомнения, по лестнице кто-то спускался.

— Кроме вас кто-нибудь в музее есть? — забеспокоился Тарас.

— Да вроде никого не должно быть, — пожал плечами сторож. — А кто по второму этажу ходит?

В ту же минуту в огромном трельяже на лестнице мелькнуло чье-то отражение. Тарас со сторожем испуганно отпрянули назад и через мгновение увидели выплывший из полумрака силуэт. Это был Берестов.

— Слушайте! — произнес он. — Я немного плутанул. Где здесь туалет?

13

— Ты нас напугал, — сдвинул брови Карасев.

Леонид был свежим, умытым и развеселым, как сукин кот.

— А я не напугался, — захихикал сторож. — Я привык. Здесь то и дело по залам кто-то шастает. Особенно на втором этаже. Шасть, да шасть всю ночь. Вот послушайте!

Не успели гости наострить уши, как музей ошарашил дикий рев сирены. Друзья подпрыгнули на месте, а сторож расплылся в понимающей улыбке.

— Это, наверное, ваши эксперты прибыли, — подмигнул Коробков и отправился открывать.

За ним проследовали мужики. В мутном стекле двери виднелись два девичьих силуэта, нетерпеливо цокающие каблучками, — одна блондинка, другая брюнетка. Едва сторож отдернул крючок, девушки с визгом бросились на Тараса. Блондинка запрыгнула на следователя по особо важным делам, по-обезьяньи обхватив ногами на уровне бедер, брюнетка повисла у него на спине, наподобие камня на шее Муму.

— Ленка, свалишь! Я при исполнении.

После восторженного визга актриски, наконец, обратили внимание на сторожа и на Берестова.

— Знакомьтесь, — официально произнес Карасев, — следователь по особо важным делам частной московской прокуратуры имени Абрау Дюрсо Леонид Берестов! А это, — указал он ладонью на девушек, — сержанты гистологических наук Елена и Галина Симбирские.

Девушки вытянулись, цокнули каблучками, приложили ладони к виску и торжественно воскликнули:

— Служим Родине, Карась Тарасович.

После чего сделали по жеманному реверансу и начали с изумлением осматриваться.

— Господи, где это мы?

— В музее, Галка! Я тебя предупреждала.

— Сейчас это модно, да? Клево!

Девушки были длинноногие, гибкие, темпераментные. При виде их глаза у сторожа заблестели каким-то не музейным блеском. Выбрав минуту, он шепнул Берестову не без зависти:

— Классные у вас экспертшы!

— Других не держим, — с гордостью ответил Берестов.

А «экспертшы», между тем, сразу проследовали на второй этаж и потребовали включить свет, чтобы осмотреть шедевры регионального уровня. Орлы поплелись за ними. Сторож грустно посмотрел им вслед и вернулся в каптерку.

— Вы что, ни разу здесь не были? — удивился Берестов.

— Когда быть? — вытаращили глаза актрисы.

Почти у каждой картины они с визгом подпрыгивали на месте и восторженно восклицали «Вау!» При виде Екатерины (четыре метра в высоту и три в ширину) дочери сцены так завизжали, что заложило уши.

— Шумные телки, — подмигнул Леонид Тарасу.

— Актрисы! — развел руками Карасев.

В это время брюнетка Галя резво бросилась к фарфору восемнадцатого века и стала звонко чмокать воздух:

— М-мм, обожаю! Гжельский фарфор моя слабость, — вожделенно застонала она.

— Кстати, — деловито произнес Берестов. — С чего начнем экспертизу? У нас есть водка. Но мы можем послать и за шампанским.

— Шампанское ближе к утру, — скомандовала Елена, — а сейчас — водки!

— И из Гжельской посуды! — потребовала Галка.

Берестов тут же извлек из-под стекла какой-то французский поднос второй половины восемнадцатого века и исчез. Через пять минут он явился в камзоле и треуголке Петра Первого, неся сервированный поднос всего на

трех пальцах. Его появление было отмечено традиционным воплем с восторженной пляской на обеденном столе графа Киндякова. Через некоторое время Берестова раздели до пояса. Камзол напялили Ленка, а треуголку Галка. Карасев покачал головой и подумал: «Бедный Петр...»

После чего водка была разлита по старинным чашкам, сыр и колбаса переложены в фарфоровые тарелки, хлеб — в плетеную корзиночку поэта Языкова. Берестов сорвал со стены домотканую дорожку крестьян села Покташкина, обернулся в нее на манер римского ратора и произнес тост за дам!

После водочно-закусочной процедуры экскурсанты направились в зал современной скульптуры. Скульптуры на актрис произвели потрясающее впечатление, однако — разной степени: Ленулю без конца тянуло наверх, на головы и плечи каменных экспонатов (ее едва успевали отрывать от них), Галка своим телом пыталась дополнить групповые композиции и поминутно требовала фотографа. У одной обнаженной девушки без весла Галка остановилась и долго, не мигая, смотрела на шедевр местного скульптора. После чего издевательски прочла:

— Алина, — и презрительно хмыкнула. — Татарка, наверное, — добавила она и снова хмыкнула.

Хотя фигура Алины была явно не татарская. Ее талия была заужена, а бедра напротив — чрезмерно увеличены.

— Значит, какую-то Алину высекли, а я что, хуже? — произнесла сердито ценительница прекрасного и топнула ножкой. После чего сорвала с себя футболку и кинула в изваяние.

— О, прикрой свои толстые ляжки! — сердито крикнула Галка и принялась стягивать джинсы.

— Эй, ты что делаешь? — забеспокоилась Ленка.

— Значит, ее высекли, а меня не могут? — шмыгнула носом актриса, и в ее глазах блеснули слезы.

— Почему не можем? Можем! — заверил Берестов, кладя руку на ремень.

Ему это явно нравилось. А Тарас предчувствовал, что у Галки грядет истерика. И точно. Оставшись в нижнем белье, она встала в такую же позу, что и каменная Алина и вдруг разрыдалась:

— Неужели я хуже этой лошади? Эта Алинка тупая... Мы с ней в одной школе учились, — выкрикивала сквозь рыдания Галя.

Берестов ринулся ее успокаивать.

— Ты не только не хуже, но значительно лучше любой лошади, — произнес он, прижимая ее к себе. — Если хочешь, я тебя нарисую.

— А вы художник? — удивилась девушка, отрываясь от его груди.

— Да! — не моргнув, соврал, Берестов. — Правда, у меня несколько свое видение предмета, и меня не совсем понимают, ну... это не столь важно.

Берестов подмигнул Тарасу, что означало: «Можете с Ленкой следовать дальше, я ее успокою...» И Тарас, взяв подругу за руку, повел на первый этаж.

В каптерке сторож был в отрубке, телевизор выключен, сигнализация в норме. Карасева заинтересовал еще один прибор, висящий над «Рубином», на котором было написано: «Подвал». Прибор был пыльным, весь в паутине и явно нерабочим. Карасев хотел его включить, но, подумав, отдернул руку. «Еще ненароком сработает сигнализация на пульте. Утром про него спрошу», — подумал он и достал из пакета бутылку водки. После чего взял со стола два граненых стакана, и они с Ленкой отправились в зал с восковыми фигурами.

Когда пара вошла в зал, Ленка тихо ойкнула и прижалась к Тарасу. Сердце у Тараса замерло. Было действительно жутковато. Он подошел к Берии и так долго вглядывался ему в глаза, что тот пошевелил зрачками. Тарас отскочил, а Елена, взвизгнув, спряталась за его спину.

— Видала? — прошептал он.

— Что? — спросила подруга.

— Как Берия моргнул.

Ленка выкатила на него свои и без того огромные глазищи и угрожающе прошипела:

— Тарас, прекрати пугать. Иначе описаюсь.

Такая перспектива не заинтересовала Тараса. Он откупорил бутылку и разлил по стаканам. После того, как парочка приняла по сто грамм, страх прошел. Экскурсанты стали бродить по залу от фигуры к фигуре и внимательно вглядываться в глаза и руки. Все стояло на месте, тихо, мирно, как положено скульптурам. Никто не дергался и не шевелил глазами. Только Петр Первый был без камзола и треуголки. Елена на всякий случай пряталась за спину Тараса, поминутно прижимаясь к нему своей горячей грудью. В скором времени Тарас и сам сделался огненным. Напротив семейства Николая Второго следователь по особо важным делам не выдержал и впился губами в белую шейку «экспертшы».

— Какой мы пример показываем царским детям, — прошептала она и закатила глаза.

После этих слов ее блузка полетела на пол. Следом за ней полетели на пол ее гипюровый бюстгальтер и рубашка Тараса. Зашуршали джинсы, волосы... Тарас сквозь ресницы продолжал осматривать зал: «Банкетка далековато... Не дойдем... Хорошо, хоть коврик под ногами...»

Там же на полу, среди разбросанной одежды они и заснули.

Тараса разбудил нечеловеческий визг. Ничего не понимая, он испуганно вскочил на ноги и наткнулся на трясущуюся Елену. Глаза ее были полны ужаса, подбородок дрожал, белые руки стыдливо прикрывали грудь. А вокруг по-прежнему никого.

— Ты чего? — удивился Тарас.

— М-меня к-кто-то гладил...

— Успокойся. Это я тебя гладил.

— Т-ты спал здесь, а меня кто-то гладил со спины, — всхлипнула Елена.
— Лохматой рукой...

Она дико осмотрела зал, и ее взгляд остановился на фигуре Берии.

— Уйдем отсюда, скорее! Я боюсь!

Ленка быстро подняла с пола бюстгальтер с джинсами, на ходу влезла в босоножки и голой выскочила из зала.

— Постой! — крикнул вслед Карасев, пытаясь залезть в штаны. — На одной ноге он допрыгал до коридора и услышал, как в вестибюле громко звякнул крючок, а следом хлопнула дверь.

Карасев выбежал в вестибюль. Ленки не было. Входная дверь распахнута настежь. На полу ее гипюровый бюстгальтер. Так и есть, убежала в одних туфлях с джинсами под мышкой.

Карасев выскочил на крыльцо и хотел крикнуть, чтобы вернулась, но вовремя одумался. Рядом Сельскохозяйственная академия. Еще не дай бог вызовут патрульную машину. Начнется разбирательство. Выяснят, что он следователь по особо важным делам, а выглядит придурковато: стоит среди ночи на крыльце музея, бухой, босой, без рубашки, в полуспущенных джинсах... «Эх, свяжешься с этими московскими журналюгами...»

Карасев вернулся в вестибюль, плотно закрыв за собой дверь. Подобрал гипюровый бюстгальтер с запахом Ленки и направился в каптерку. Сторож спал, все ячейки на «Рубине» горели ровным светом. Сигнализация просто железная.

Карасев зашел в зал с восковыми фигурами, напялил не себя рубашку, носки, кроссовки. На полу валялась белая блузка Елены. Почему-то пришли на ум стихи Вертинского про созерцание блузы возлюбленной после бурно проведенной ночи. Его еще тогда поразило, что в серебряный

век после ночи любви женщина могла себе позволить оставить у возлюбленного блузу. Оказывается и в наш век возможно такое.

Карасев улыбнулся, представив, как сумасшедшая Ленка несется сейчас по ночному Ульяновску в чем мать родила и даже не замечает этого. Вот какие они, безумные жрицы театра...

Тарас взглянул на часы. Было уже пять. Он сложил Ленкины шмотки в пакет и отправился на второй этаж разыскивать Берестова с Галкой. В художественном зале их не было. В зале скульптуры на грудь каменной Алины был одет черный бюстгальтер Галки. Но самих их след простыл. В оружейном зале на манекен рыцаря был накинут камзол Петра и треуголка. Пара же словно растворилась в воздухе. Берестов сполоснул в туалете гжельский фарфор, водворил поднос восемнадцатого века обратно под стекло, вернул Петру Первому его камзол с треуголкой, и вдруг понял, почему эти восковые фигуры нужно охранять особо. Он покачал головой и пошел будить сторожа.

— Мы свою работу закончили, — произнес он.

— Так рано? — удивился сторож, покосившись на будильник.

— Мы работаем очень оперативно. Некоторые из нас закончили еще раньше. Кстати, вы за ними, кажется, закрывали?

— Нет, не закрывал, — широко зевнул сторож.

— Странно... — сдвинул брови Карасев. — Куда же они делись?

«Как же они вышли? — весь день ломал голову Тарас. — Не по воздуху же улетели?» Он несколько раз звонил Берестову на сотовый, но сотовый был отключен. Дома у Леонида тоже никто не подходил к телефону. «Куда же они с Галкой исчезли?» — недоумевал Карасев. В двенадцать позвонил Елене в театр. Ленку позвали по первой же просьбе.

— Где Галка? — первым делом спросила она.

— Это я у тебя хотел спросить, где она? — изумился Тарас. — Они с Берестовым испарились. Ты сама-то как, нормально... добралась?

— Я добралась без проблем. Вот Галка где? Твой друг случайно не маньяк?

— Он художник!

— Так бы и сказал. Тогда понятно, где сейчас Галка. Они у нее дома. Он ее рисует, она позирует. Проводят время с пользой для души и тела. Не то, что мы.

— Ну, если бы ты не покинула меня так поспешно, возможно бы и мы провели время с пользой для души. Кстати, твоя блузка у меня. И бюстгальтер.

— Да? — удивилась Ленка.

На том конце провода послышалось какое-то шуршание, затем снова всплыл недоуменный голос актрисы.

— Точно. Бюстгальтера на мне нет.

— Кстати, Галкин бюстгальтер тоже у меня

— Что я слышу? Да ты, оказывается, шалун... Хм... Ну, ладно, мне сейчас некогда. Меня на репетицию зовут...

— Постой, а блузка на тебе? — воскликнул Тарас, но в ответ услышал короткие гудки.

Не успел бедняга водворить трубку на место, как раздался звонок.

— Ну, ты трепаться, — услышал он голос Берестова. — Целый день названиваю...

— Да брось заливать, что целый день. Куда ты канул?

— Что значит канул? Кануть можно только в небытие. А мне гарантированно бессмертие. У меня открылся талант художника.

— Все ясно! Ты у нее дома. Ты ее пишешь, и, даю зуб, что в первозданно обнаженном виде.

— А разве можно писать еще в каком-то виде? Вообще, работа с обнаженным телом очень захватывает. Конечно, она требует определенных усилий, но удовлетворение получаешь... полное. Потом, я покажу тебя результаты своих трудов, а сейчас я тебе вот что хочу сказать: место, в котором стоят эти восковые фигуры, нечистое. Его надо освятить.

«Ну, вот! Кажется и Берестов трюкнулся! — подумал Карасев. — Впрочем, он всегда был трюкнутым».

— Леня, поясни!

— Объяснять это долго. Но поверь моему опыту. Я уже десять лет занимаюсь уфологией, аномальными зонами и всякой потусторонней чертовщиной. Мне не нужно всяких там рамок и счетчиков. Аномальные места я чувствую шестым чувством. Умом тебе это не понять, а без ума — тем более. Так что поверь мне на слово: место там нечистое.

— Когда ты успел определить? Вы, кажется, были с Галкой на втором этаже.

— Ну, когда вы... изволили почивать.

— Ты заходил?

— Да, мы заходили с Галчонком.

— Так это ты, мерзавец, гладил Ленку?

— Бог с тобой! Как ты мог такое про меня подумать? Мы даже не прошли. Увидев такое дело на полу, мы стыдливо потупили взоры и тактично удалились.

— Удалились через дверь?

— Не через окно же.

— Через какую?

— Через какую и вошли.

— А кто за вами закрыл?

— Сторож, кажется, закрыл.

— А мне он сказал, что не закрывал.

— Так не соображал ни черта! Пьянь гидролизная! А может, он и не закрывал за нами. Я не помню. Кстати, вот что я тебе советую: возьми командировку и разыщи в Питере того художника, который делал эти фигуры. Я думаю, он тебе многое прояснит в этом деле. Я серьезно! Ну, до связи? Меня ждет мольберт!

— Чао! Привет натурщице. И не забудь передать, что ее ждут на репетиции.

Карасев водворил трубку на место и закрыл ладонями виски. Голова побаливала, но не смертельно. «Нужно выпить кофе», — тикнуло в ней. И еще тикнуло, что поговорить с восковых дел мастером действительно стоит. Только кто даст командировку в Питер? Если Леонид Григорьевич узнает, что у следователя по особо важным главный подозреваемый Берия, он будет смеяться всю оставшуюся жизнь. Прокурор требует перепроверить алиби Смирнова. Уверяет, что администратор чего-то темнит... А что если действительно смотаться в Питер в выходные за свой счет?

Слегка раскинув мозгами, Карасев позвонил в музей и попросил позвать администратора Смирнова.

— Олег Константинович, у вас есть координаты мастера ваших восковых фигур?

— Какие проблемы? Найдем! — бодро ответил Смирнов. — Только, учтите, он немного вам покажется мрачным, но это внешне, а так он — мужик общительный. И... в мастерской у него с непривычки будет вам жутко.

«Мне? — усмехнулся Карасев. — После Ленкиного визга? Черта с два! Все. Решено. Еду!»

15

— Ты опять молчишь? — покачала головой мама, нежно обняв Катю. — Не молчи, дочка! Развивай свой язык. И брось дурную привычку читать про себя. Читай только вслух!

Катя с ногами сидела на кровати. На коленях у нее был «Вергилий». Рядом на торшере лежал кулечек с семечками и блюдечко с кожурками.

— Ты мне мешаешь, мама! — произнесла она сердито.

Мама просияла.

— Вот видишь: когда ты в себе уверена, говоришь без запинки. Главное, что тебе нужно — быть в себе уверенной. Запомни, ты никого не хуже, не глупее, не бездарнее. Никаких фонетических дефектов у тебя нет. Ты понимаешь?

Мама перевела взгляд на кулечек с семечками и громко вздохнула:

— А семечки грызть не советую. Они сажают голос... Ну, расскажи, как у тебя прошло собеседование?

— Я ра-раздумала на журналистику. Я б-бу-буду п-поступить на исторический.

Улыбка моментально слетела с лица родительницы.

— Почему на исторический? Ты же мечтала быть телевизионной звездой. Ты из-за этого? — указала на губы мама. — Я уверена: через полгода ты будешь говорить чисто. Главное, быть в себе уверенной. Это у тебя от волнения, от мысли, что не получится. У тебя все получится! Я в тебя верю. И Олег Ефремович в тебя верит.

Странно, но то же самое когда-то говорил историк Астерин. Хотя, конечно, не он, а солнечный Бог Аполлон. Эта она помнила как белый день. На второй день в полночь после первой битвы греков с троянцами он вошел в храм Зевса и протянул ей руку.

— Троию уже не спасти, а тебя спасти еще можно, — произнес он своим дивным баритоном. — Пойдем со мной на вершину Иды. Созерцая землю оттуда, ты можешь многое увидеть и понять в человеческой природе.

— Нет, мое место здесь, среди троянцев, — ответила она. — Они нуждаются в моих пророчествах.

— В твоих пророчествах никто не нуждается, потому что в них не верят? — кисло улыбнулся Аполлон.

— Это ты напускаешь на меня немоту во время моих предсказаний. И толпа смеется, когда я запинаясь.

— Таково свойство смертных — сваливать свою немощь на козни Богов, — сверкнул глазами Аполлон. — Твой язык тебя не слушается потому, что ты сама не веришь в то, что говоришь. Почему же тебе должны верить люди? Не веря в справедливость бессмертных, как можно верить в

благоразумие смертных? Ты не веришь в людей, и они тебе платят тем же. Только искренняя вера в высшее начало смертных может спасти твой несчастный город.

На этих словах Аполлон исчез, а Кассандра прошептала:

— Клянусь Зевсом, я сделаю все возможное, чтобы спасти священный Илион.

Царевна коснулась ладонью алтаря Зевса и выбежала из храма вон. Настало время действовать. «Слова сами по себе не значат ничего, — подумала она. — Людям не столько важна истина, сколько то, из чьих уст она извергнута. Пусть же любимцы народа говорят словами Кассандры».

Ночь была тихой. Троя спала. Луна заливала город фосфорическим светом. Кассандра спешила к дворцу Париса.

Елену ночная гостья нашла в дворцовой спальне. Она лежала лицом вниз на широком пурпуровом ложе, а рабыня натирала ее спину ореховым маслом. Яркое горело светило. Вдобавок лунный свет через окно освещал роскошные покои ахейской красавицы. Елена подняла голову на Кассандру и мило улыбнулась.

— Что привело в такое время жрицу Зевса в этом дом?

Она действительно была божественна — эта белокурая мерзавка из Спарты. Рассыпанные по спине кудрявые волосы доходили до бедер. Ее огромные глаза были синими, губы пухлые, кожа ослепительной белизны. Взгляд был невинен и мил, но Кассандра ему не верила.

— Вчера пролилась первая кровь, — строго промолвила жрица. — Теперь грядущее зависит от тебя: продолжаться кровопролитию дальше, или этот спор может завершиться миром.

— На все воля Богов, — обаятельно улыбнулась Елена, сладко потянувшись и, не спеша, переворачиваясь на спину.

Изгибы ее тела были изящны, движения плавны, голос спокоен.

Казалось, облик этой женщины вобрал в себя всю вселенскую женственность.

— Вижу, завтра в Трою придут греческие послы: Менелай и Одиссей. Мой отец их примет, как подобает принимать гостей. Он устроит в их честь роскошный пир...

— А мой Парис будет подбивать троянцев убить ахейских посланников, — рассмеялась Елена и ловко щелкнула пальцами.

В ту же минуту рабыня внесла на серебряном подносе два золотых кубка с вином. Елена грациозно приподнялась на локте и своими тонкими пальцами вцепилась в кубок. Второй кубок поднесли Кассандре, но она не взяла.

— Парис как был пастухом, так им и остался. В нем нет ни капли царского великодушия, — сердито бросила Кассандра, и улыбка слетела с лица Елена.

Она отпила вина и тихо вздохнула.

— Ты говоришь истину, Кассандра. Парис красив внешне, а изнутри простолюдин. Он груб и неотесан. Я уже трижды раскаялась, что уехала с ним из Спарты. Он разочаровал меня в первую же ночь, на корабле. Это не мужчина. Это цветок нарцисс.

В глазах Кассандры мелькнули слезы радости.

— Так ты скажешь завтра на народном собрании, что раскаиваешься в своем поступке? Так ты изъявишь завтра волю вернуться к мужу? Или ты боишься, что Менелай отрубит тебе голову?

Елена обаятельно улыбнулась и снова приложила к кубку.

— Даже если я вернусь к Менелаю — это не остановит войны. Ахейцы найдут другой повод для осады Трои. Им нужна не я. Им нужны слава и завоеванные сокровища. Здесь я бессильна. Мужчины любят воевать. Что касается моей головы, я не боюсь ее потерять, — тряхнула кудрями Елена.

— Я буду счастлива, если Менелай решится отрубить мне голову. Но он никогда не отрубит мне голову, потому что он не мужчина, а слизняк.

— Как? — воскликнула Кассандра. — Ты говоришь такое про собственного мужа, которого выбрала сама.

— Я не выбирала его, — повела глазами Елена. — Я только ткнула в него пальцем. Хотела сказать, что у него щека вымазана в глине, но тут все женихи начали клясться в том, что больше не будут претендовать на мою руку.

— Но был из женихов хотя бы один, который тебе нравился? — спросила Кассандра.

— Нет, — вздохнула Елена и допила свой кубок.

Спартанская царица покраснелась, ее глаза сделались мутными, но это не испортило красавицу, а наоборот — прибавило очарования. Елена щелкнула пальцами повторно, и рабыня внесла новый кубок с вином, гораздо больше прежнего. Елена изящнее пантеры поднялась и села на пятки. Она взяла кубок обеими руками и стала пить, не отрываясь.

— Говорят, ты много пьешь вина, — произнесла Кассандра, внезапно подумав, что умереть за такую женщину любому мужчине будет за честь.

— Пью! — улыбнулась Елена, отрываясь от кубка. — Пью, потому что скучно. Тот мужчина, с которым мне не было скучно, давно уже в мире теней. То был настоящий герой! — Елена закрыла глаза и издала нежный стон. — Он меня украл из родительского дома, когда мне было тринадцать лет. А ему пятьдесят. Это были самые счастливые дни моей жизни. Поверь, Кассандра, это восхитительно, когда сильные мужчины крадут слабых женщин, и когда они по-настоящему хотят их как самок, а не как дополнение к сокровищам дворца. Я потому и позволила украсть себя Парису, потому что подумала, что все может повториться снова. Но ничего не повторяется на этом свете.

Улыбка Елены сделалась кислой. Она быстро допила вино и швырнула кубок на пол. После чего закрыла глаза и принялась вождеденно качаться

взад вперед. Наконец она рухнула лицом в подушку и затихла.

— Как звали того мужчину? — шепотом спросила Кассандра.

— Тесей, — выдохнула Елена.

Луна зашла за облако. Прилетевший с моря ветер задул светильник. Сделалось темно и тревожно. Кассандра достала из-под туники осколок горного хрусталя и увидела площадь перед дворцом Приама, заполненную взволнованными троянцами. На ней ясновидящая увидела Менелая, требующего вернуть ему жену и сокровища, бесстыдно похищенные Парисом. Увидела Кассандра и Одиссея, убеждавшего троянцев внять голосу разума, чтобы не продолжать это бессмысленное кровопролитие. Узрела вещая дева и Елену, которая объявила народу, что раскаивается в содеянном и желает вернуться к своему прежнему мужу. Видела она и отца, который ратовал за прекращение кровопролития, и толпу, которая уже склонялась к тому, чтобы удовлетворить требование спартанского царя. Однако Парис начал смеяться над горожанами и называть их трусами. Может быть, его оскорбляющие слова не возымели бы эффекта, но тут неожиданно выступил ее брат Гелен, который в последнее время снискал славу прорицателя. Он-то и испортил все дело: воскликнув, что не надо бояться войны с греками, поскольку всемогущие Боги обещают Трое помощь. После этого ахейских послов под хохот и улюлюканье выпроводили за городские ворота.

Кассандра закрыла глаза и уткнулась лицом в колени. Гелен обожал Париса и старался во всем ему подражать. Теперь война неизбежна. Слезы подступили к горлу вещей Кассандры. Но внезапно на голове она ощутила чьи-то ласковые руки.

— Катя, — раздался мамин голос. — Тебе звонит Аленка. Возьмешь трубку, или сказать, что ты занимаешься?

Девушка спрыгнула с кровати и помчалась к телефону в зал.

— Аленка, ты куда пропала? Почему не звонишь?

— Так получилась, — замялась Аленка. — Я только сегодня приехала из

Крыма.

— Это еще, что за новости? Ты же собиралась с Мишкой на Казантип.

— Нет! Казантипом я сыта. И Мишкой тоже. Словом... Я выхожу замуж...

— За Мишку?

— Нет. За Бориса. Ты его не знаешь. С ним мы познакомились совсем недавно...

— И сразу в Крым? А как же Мишка?

— Ничего. Переживет. Какие его годы? Подробности при встрече. Пока!

Катя положила трубку на место и пожала плечами.

— Ну что, отыскалась твоя Аленка? — улыбнулась мама.

— Оказывается, она была в Крыму с каким-то Борисом. Собралась за него замуж! Во дает! Мужиками вертит, как хочет.

— Вот тебе и на! — всплеснула руками мама. — И это после года супружеской жизни.

— Какая супружеская жизнь, мама? Во-первых, они были не расписаны, а во-вторых, ну, какой из Мишки муж? Это типичный валенок! Она и не любила его никогда.

— А этого нового, возлюбила, что ли? — скептически хмыкнула мама.

— Никого она не любила, кроме своей Стрелки...

Он действительно выглядел несколько мрачновато, этот Георгий Кузнецов, лучший питерский мастер по восковым фигурам. На вид ему было около пятидесяти, хотя по паспорту сорок два. Черные густые волосы с сединой, сильно выступающее надлобье, темные колючие глаза, под ними — огромные мешки. У него были тонкие губы и рябое лицо, лишенное какой-либо краски. Он был одет в старый отвислый джемпер, весьма неопределенного цвета и замызганные штаны с дырами на коленях. На ногах стоптанные тапочки.

Обстановка в его мастерской тоже была лишена радужных тонов. Грязные полы с застывшими каплями воска, гипсовая крошка на столах, кастрюльки, чайнички, электроплитки; какой-то хлам по углам. На холодильнике клетка с попугаем, в аквариуме колумбийская лягушка, на клеенчатом столе картонный домик. Рядом два блюда: с водой и перловой крупой. В домике кто-то шебаршил. Позже из него выползли две белые крысы.

Рядом со столом стоял диван, застеленный прожженным покрывалом. Потолки были желтыми, стены ободранными, окна зашторенными. Одну стену полностью закрывал стеллаж с книгами.

Кузнецов посадил следователя в кресло за маленький журнальный столик и достал из холодильника две бутылки пиво «Балтика».

— Мой дед был колдуном, — улыбнулся художник одной половинкой рта. — Поэтому если рядом будет что-то происходить, — не обращайтесь внимания. Это дед.

В ту же минуту с верхней полки ни с того ни с сего слетела на пол довольно увесистая книга, которая громко шлепнулась о линолеум. Карасев вздрогнул, а Кузнецов поднял палец.

— Вот он! Уже дает о себе знать.

Хозяин мастерской золотым кольцом на пальце ловко откупорил обе

бутылки и жадно приложился к своей.

— Да! Может быть вам нужен стакан?

— Нет-нет! Я люблю из бутылки, — соврал Карасев.

Он отхлебнул из горлышка и вопросительно уставился на внука колдуна.

— Так вот, — продолжил разговор внук. — Воск это первейший магический материал из существующих на земле. Он обладает самой высокой духовностью среди недвижимой материи.

— Духовностью? — поднял брови Карасев.

— Да-да, я не оговорился, — отхлебнул пива Кузнецов. — Именно духовностью. Духовностью обладает все. Даже камни. Если камень рассыпается, значит, из него вышел дух.

— Куда вышел? — не понял Карасев.

— В пространство вышел, чтобы вселиться в более одухотворенную материю. В дерево, например. Дерево обладает почти такой же душой, что и человек. Мы тоже были деревьями, но до этого наш дух пребывал в камнях. Это сейчас мы одеты в животное тело, потому что белковая материя более просторный дом, для духа. А в творческом плане: воск для человека — это все равно, что плоть для Бога. Понимаете?

— Честно говоря, нет, — покачал головой Карасев и на всякий случай приложился к бутылке.

— Как бы вам объяснить образно... — задумался Кузнецов. — Вот вы думаете, ваша тело — это вы сами? Ваше тело — это приблизительно то же, что для комнатного цветка горшок. Как в горшке произрастает цветок, так и в вашем теле взращивается ваша личность. Когда она станет более совершенной, ее поселят в более совершенное тело.

— В женское что ли? — поднял брови Карасев.

— Что вы? — поморщился Кузнецов. — В плазменное!

Карасев поднял глаза к потолку, и над головой качнулась люстра.

— Вот видите? Дедушка подтверждает! — улыбнулся Кузнецов и снова приложился к бутылке. — Горние творцы духовной мыслью творили этот мир из грубой материи. Человек тоже своей мыслью творит мир, но из тонкой материи. После смерти он попадает в свой мир, в мир своих мыслей и образов. Понимаете, в чем истина? Дух порождает дух! Все человеческие творения из материи, которые мертвы здесь, оживают там, — поднял палец Кузнецов.

«Ни хрена себе», — зябко поежился Карасев и, подняв глаза к потолку, на всякий случай убрал из-под люстры плечо.

— Дух не только порождает дух, — продолжал Кузнецов, — но и притягивается другими духами. Колдун лепит из воска воображаемого человека, и не просто лепит, а воссоздает подобие его тонкой души, поскольку воск обладает духовностью. Та слабая неосознанная душа зовет на помощь дух человека, с которого колдун слепил образ, ибо дух имеет свойство не только притягивать, но и поддерживать себе подобных. Осознанный дух сливается с неосознанным восковым духом, и в это время колдун вонзает в восковой образ иглу! И все! Человек приговорен! Через несколько дней он смертельно заболевает, поскольку у его физической оболочки уже нет полноценной духовной поддержки...

— Вот же черт! — завозился в кресле Карасев и снова с опаской покосился на люстру.

Только люстра осталась на месте. Но внезапно с полки посыпались чистые листы бумаги, до этого тихо лежавшие в стопке. Кузнецов и на это явление не обратил внимания. Он сонно повел глазами и вальяжно приложился к бутылке.

— У вас всегда так, — напрягся Карасев, кивнув на рассыпанные листы на линолеуме.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся Кузнецов. — Это дедушка

шалит. А что касается конкретно моих фигур... — продолжал внук «шалуна». — Кстати, там не все фигуры мои. Петр не мой. Екатерина не моя. Остальное, кажется, мое... — мастер неуверенно почесал затылок и задумался. — Конечно, художник вкладывает в свое творение частичку души, кто-то больше, кто-то меньше... Что касается меня, то я кладу по максимуму. Эти фигуры мое детище. Они все одухотворены мною. Понимаете?

— Значит, за Берию отвечаете вы? — сдвинул брови Карасев.

Мастер бросил на Тараса тяжелый взгляд и ответил:

— За Берию отвечаю я.

— То есть, вы подтверждаете, что одухотворенная вашим духом фигура Берии настолько одухотворилась, что взяла в руки разводной ключ и прибила им сторожа?

Мастер посмотрел в глаза ульяновскому гостю не очень дружелюбно.

— Запомните, никакая фигура самостоятельно ожить не может. Для этого нужно знать тайну вселения душ в небелковую материю. Я ее не знаю. И мне неизвестны колдуны, которые обладают такой силой. Это умели делать Египетские жрецы и Вавилонские халдеи. Поэтому еще раз повторяю, восковая фигура самостоятельно ожить не может, как не может ожить глиняный горшок. Но может ожить пространство вокруг.

Кузнецов поднял палец, и воцарилась жуткая тишина. Даже его дедушка в эту паузу не выкинул ничего такого, чтобы подтвердило слова внука. Видимо сказанное было непонятно не только Тарасу, но и невидимому предку.

— А вы не можете пояснить, — сглотнул слюну Карасев, — что значит, может ожить вокруг?

Кузнецов допил пиво и достал из холодильника еще две бутылки. Также ловко он откупорил их своим золотым кольцом на безымянном пальце и сразу приложился к одной из них. Затем сморщил лоб и произнес:

— Видите ли, вокруг нас кишит много всяких невидимых тварей.

— Бесов что ли? — поежился Тарас.

— Если бы только бесов. Кого только нет вокруг нас. Тот свет перенаселен. Понимаете? Этим тварей привлекает определенный тип людей. Как пчелы роятся вокруг какого-нибудь ароматного цветка, так и те твари роятся над душой такого-то привлекательного им человека, при этом, приводят в движение все вокруг. К примеру, я знаю одну женщину, которую всю жизнь преследует домовый. Куда бы она ни уехала, где бы ни остановилась, он непременно оказывается рядом, несмотря на то, что домовым положено жить только в домах. У этой мадам домовый появлялся даже на заднем сидении машины. Знаю другую женщину, которая, где бы ни появлялась, вокруг нее сразу начинало все прыгать и скакать. Моя мастерская — тихая обитель, по сравнению с тем, что происходит вокруг нее. А еще знаю женщину, которую каждую ночь гладит чья-то лохматая рука...

— И что, эти твари ходят только за женщинами? — спросил Карасев, не в силах сдерживать улыбки.

— Знаю одного мужчину. За ним ходит черненький, или, как он его называет, кибир. Куда бы этот товарищ не пришел, в какую бы компанию ни забурился, его кибир, пока не даст всем по щелбану, не успокоится. Я к чему веду? Всю ту потустороннюю братию привлекают не только люди, но и предметы. Особенно, произведения искусств. Так что ничего особенного нет, если мои восковые фигуры привлекают существа из потусторонних миров, которые наводят весь этот шорох вокруг.

— Ах, вот оно что! А значит, сами фигуры двигаться не могут?

— Самостоятельно? Никогда!

— Ни улыбаться, ни моргать, ни шевелиться, ни тем более бродить по коридорам музея?

— Ни при каких обстоятельствах! Зрительную иллюзию движения фигур создают существа из параллельных миров, поскольку некоторой техникой

перемещения пространства они все-таки владеют. Этого им не откажешь. Однако не более того.

— Но я своими глазами видел фильм о ваших восковых фигурах, о том, что они вытворяли много странного еще задолго до того, как были сотворены.

Кузнецов улыбнулся.

— Но это же рекламный трюк. Насколько мне известно, дирекция музея за этот миф перечислила Петербургскому каналу кругленькую сумму. Все это делается с меркантильной целью, чтобы привлечь зрителей в выставочные залы. Неужели не понятно? Чем больше будет сплетен вокруг восковых фигур, тем больше народу придет на них посмотреть. Арифметика здесь несложная. Так что, если утром фигуры оказываются не на месте, то с этим вопросом, пожалуйста, к администратору, а не ко мне. Кстати, Олег большой мастер на подобные фокусы. Судите сами, из всех администраторов у него самый большой сбор.

— Значит, слух, что восковой Берия убил сторожа, — это реклама? — озарило следователя.

— Еще какая! — засмеялся Кузнецов.

И со стола свалилась палитра с красками.

По возвращении из Санкт-Петербурга Карасев, не заезжая домой, отправился в гостиницу «Советская», где снимал номер петербургский администратор. Шеф оказался прав. Его алиби действительно нужно

перепроверить. Темнит что-то Олег Смирнов со своей выставкой.

Особенностью этой гостиницы было то, что весь восьмой этаж был приватизирован местными девицами непуританских нравов. Карасев много слышал о прогрессивных новшествах гостиницы, но самому в ней бывать не доводилось. Теперь был повод увидеть все воочию, тем более что время к этому располагало.

Поднявшись на лифте на восьмой этаж, следователь проследовал в полупустой буфет и вдруг неожиданно увидел Женю Городецкого со своим неразлучным оператором. Они сидели за шатким столиком и тихо попивали водку. На столе у друзей лежала огромная коробка из-под зимних женских сапог.

— Женька, привет! Ты как здесь, в этом злочном месте?

— Я? По заданию редакции. А ты здесь как?

— Я по служебному долгу.

— Сейчас это называется служебным долгом? — усмехнулся Женька. — Хотел бы я знать, сюда кто-нибудь добровольно приходит? Эх, поспешили девушки с приватизацией этажа.

Городецкий повертел головой и обратился к двум заспанным буфетчицам за стойкой:

— Бабоньки, когда девчонки будут?

— Ждите, должны быть, — официально ответила одна из них.

— Мы уже сорок минут ждем, — пожаловался Женька. — Как при социализме! Эх! Мы уже из трехсот рублей, которые мне выделили на телку, восемьдесят пропили. Кстати, познакомься, это мой оператор Серега.

— А почему он без камеры?

— Тсс...

Женька пальцем указал на коробку из-под сапог, и Карасев увидел на ее торце аккуратно вырезанный кружок.

— Все ясно, — понимающе кивнул Тарас, — скрытая камера?

Карасев кинул взгляд на оператора. У него были длинные слипшиеся волосы, жеваный джемпер и совершенно остекленевшие глаза. Да, и сам оператор уже был, как стеклышко.

— Он сумеет в таком состоянии снять? — шепнул Карасев телезвезде.

— Снимет в любом состоянии! — гордо ответил Городецкий. — Скажи, Серега?

Серега дернулся на стуле и живо затараторил по-английски. Буфетчицы переглянулись, и одна другой пояснила:

— Иносранец...

— Ты не обращай на него внимания, — махнул рукой Городецкий. — Его и трезвого ни черта не поймешь. Главное, чтобы работу знал. А он ее знает. Эх... Мы здесь уже три дня кантуемся. Кстати, у тебя сотовый при себе? Дай хоть позвоню жене.

Карасев протянул ему «мобильник».

— Телефона у меня дома нет, — продолжал Евгений, набирая номер, — поэтому приходится звонить соседям... Алло! Тетя Валя, это я Женя! Позовите, пожалуйста, Вику! Только побыстрее, я звоню с сотового. Наверх не ходите! Постучите по батарее!

Сейчас прибежит, как миленькая, — подмигнул Евгений. — Слышу, уже бежит! Вика, Вика! Это ты? А это я! Ты не беспокойся. Я немного задержусь. Да-да, по работе. Я сижу в публичном доме. Жду, когда придут жрицы. Скоро должны быть! Не беспокойся, я быстро кончу!... Что? Не понял! Черт, прервалось... Дай-ка еще наберу! Хотя, фиг с ним. Предупредил и ладно.

— Ты хочешь снять фильм о нелегкой жизни девушек в глубинке? — поинтересовался Карасев.

— На кой черт мне их судьба? Чиновника пасем... Мылова, заместителя мэра...

— Выполняешь заказ?

— Естественно.

— За определенную мзду?

— Не бесплатно же!

Городецкий был уже достаточно пьян, но язык его и не думал запинаться. И дикция еще вполне соответствовала. «Что, значит, профессионал! — позавидовал Карасев. — Сколько бы они не пили, эти гидролизные телевизионщики, а в кадре всегда, как огурчики».

— Кстати, Берестов приехал! — поделился новостью Карасев.

— Да ты что! — восторгнулся Евгений.

Он похлопал оператора по плечу.

— Берестов приехал, Серега! Я тебе о нем рассказывал. Забыл? Он был редактором газеты «Слеза младенца». А мы с Тарасом были юнкорами. Эх, и классная была житуха!

Но оператор уже утух. Он уткнулся носом в стол и захрапел. Буфетчицы снова переглянулись. Они пошептались о чем-то за стойкой, и у обоих округлились глаза.

В это время в буфет, наконец, всплыла первая бабочка. Она была весьма потрепанного вида, в кожаной куртке и с фиолетовыми волосами. Увидев парней, девушка жеманно отвела глаза и облокотилась о стойку буфета.

Женя осмотрел ее с ног до головы и поморщился. Он наклонился к

Карасеву и шепнул на весь буфет:

— Слушай, если ноги иксом, насколько можно сбить таксу?

Карасев пожал плечами. Городецкий тяжело вздохнул.

— Эх, лучше бы я пошел на юридический...

Вошла еще одна девица. Она была с осветленными волосами и застенчивым взглядом. Вторая девушка проделала ту же процедуру, что и первая, — жеманно облокотилась о стойку и повернулась к парням кормой. Евгений осмотрел и ее с ног до головы и с тревогой прошептал однокласснику:

— Если все девицы будут такой породы, то боюсь, что клиента мы не дождемся. У одной ноги иксом, у другой игреком. Они тут все что ли... с математическим уклоном?

Евгений поднял глаза к потолку и принялся что-то подсчитывать.

— Сколько будет от трехсот отнять восемьдесят?

— Двести двадцать! — улыбнулся Карасев.

— Минус еще сорок.

— Почему еще?

— Потому что мы с тобой сейчас возьмем бутылку.

— А на девушку потом хватит, — забеспокоился Карасев.

Одноклассник угрюмо покосился на ноги девиц, и сказал:

— Не только хватит, но я думаю, еще сдача будет.

Городецкий тяжело поднялся, подошел к стойке и, раздвинув проститутку, потребовал бутылку водки. В эту минуту в буфет вошла

Эллочка-людоедка. Ее Карасев знал в лицо, поскольку неоднократно видел в отделении. Формы блудницы были довольно пышные, взгляд томный, однако зубы настолько белыми, что она была похожа на хищницу. Это прозвище — людоедка, как нельзя лучше подходило к ней. У Городецкого она почему-то вызвала смертельную тоску. Получив свою бутылку, он потряхнул за шкурку спящего оператора и громко произнес:

— Проснись, нам надо принять допинг! Клиент уже на подходе.

Оператор вскочил со стула, схватил со стола коробку и начал затравленно озираться.

— Кого снимать? — спросил он.

— Их! — подмигнул Городецкий, кивнув в сторону девиц. — Сделай несколько планов на перебивку.

— Меня не снимать! — потребовал Карасев, поднимаясь со стула. — Мне сейчас нужно удалиться, но возможно я еще вернусь.

Тарас подошел к людоедке и тронул ее руку.

— Таксу знаете? — спросила она, расплываясь в стыдливой улыбке. — Триста рублей.

— Веди! — приказал Карасев.

И она повела в самый конец коридора.

Номер, в который они вошли, был не очень комфортабельный. На столе пыль, тумбочки обшарпанные, несвежие покрывала. Свет от лампы-бра как-то очень тоскливо разливался по комнате, а в ванной что-то журчало.

Не успела пара переступить порог, как Эллочка с резвостью дикой кошки набросилась на следователя. Она сбила его с ног и повалила на широкую кровать. В три секунды были расстегнуты все пуговицы на рубашке и ослаблен тугий ремень. Девушка уже почти вцепилась зубами в интимную часть мужского туалета, но Карасев остудил ее пыл своим красным

удостоверением. Глаза ее сделались круглыми. Людоедка сразу же перешла на «вы».

— Извините, вы мент?

— Мент! У меня к тебе только один вопрос. Ответишь — тебе ничего не будет.

Она грустно поднялась с кровати и тяжело вздохнула.

— Я слушаю.

— Как у тебя прошло со Смирновым из Петербурга? После ресторана, помнишь? Два дня назад...

— А, с Олешкой? — искривилась людоедка. — Никак не прошло.

— Что значит, никак? После ресторана вы поднялись с ним в этот номер. Время было около десяти.

— Поднялись. А что толку? Ну, вошли мы в номер. Он посмотрел на часы и сказал: «Подожди я сейчас приду». И убежал. Я прождала его до половины двенадцатого, а он так и не пришел. Обманул девочку.

— Ты ему в номер звонила?

Людоедка развела руками и отрицательно покачала головой. В ту же секунду Карасев покинул разочарованную Эллочку. Выбежав из гостиницы, он попытался по мобильному набрать номер прокурора, но тут выяснилось, что аккумулятор сел. Тогда Карасев поймал такси и поехал домой. Влетев в квартиру, Тарас первым делом позвонил шефу.

— Леонид Григорьевич! Мне срочно нужна санкция на арест Смирнова.

Шеф, видимо, уже спал.

— Как? Сразу санкция? — ответил он дремуче. — Даже без задержания? Ну ты крут! Выкладывай! Что у тебя на него?

— В двух словах не расскажешь. Но все факты говорят о том, что это он убил сторожа. Мотива два: личная неприязнь, и убийство с целью рекламы.

В трубке раздался нервный смешок.

— Сильно! Очень сильно! А более конкретные факты? Насколько я помню, у него железное алиби.

— В том-то и дело, что никакого алиби у него нет! — горячо возразил Тарас. — Он ввел меня в заблуждение. Сказал, что до десяти был в ресторане, и он действительно был в ресторане, его видели, а потом он снял девицу и отправился с ней на восьмой этаж, где якобы пробыл с ней до половины двенадцатого. Это подтвердила дежурная по этажу. Без пятнадцати двенадцать Эллочка подошла к ней и расплатилась за номер. Дежурная Смирнова не видела. И не могла видеть. Я только что поговорил с людоедкой. Она рассказала, что как только они с администратором поднялись в номер, клиент тут же слинял, но велел его дожидаться. Однако она его так и не дождалась. Соображаете, Леонид Григорьевич?

— М-да... Это ни в какие ворота не лезет, — тяжело вздохнул шеф. — Неужели мы дожили до такого, что администрация гостиницы официально сдает номера проституткам? Причем, за почасовую оплату взимает дежурная по этажу? Черт знает что! Тарас, когда закончишь с убийством, займись гостиницей. Что касается Смирнова... — Леонид Григорьевич задумался, — ты пока не торопись с санкцией. Сначала поговори с ним. Если опасаясь, что он скроется, возьми с него подписку о невыезде. А с арестом — не горячись. Для убийства требуются более серьезные мотивы. Убийство с целью рекламы — это через чур.

— Ничего не через чур, Леонид Григорьевич! — горячо возразил Карасев. — Я чувствую, что это его рук дело. Я разговаривал с художником этих фигур, и он мне подтвердил, что Смирнов мастер на подобные трюки. Ажиотаж вокруг своей экспозиции администратор создает сам. Все эти сказки, будто фигуры оживают по ночам, придуманы самим Смирновым. Его цель — заманить народ на выставку. Так что, у меня все основания полагать, что убийство сторожа совершено в рекламных целях.

— На это способен только сумасшедший.

— Смирнов и есть сумасшедший. Возможно, и справка имеется. Я запрошу Петербургский психдиспансер...

— Вот что, Карасев, — перебил шеф. — Давай пока не будем морочить голову судье. Завтра вызови Смирнова по повестке, если почувствуешь, что колется, на пару дней удержишь. А сейчас — спать! Будь здоров.

В трубке раздались короткие гудки, и Карасев подумал, что сегодня шеф какой-то скептический. Видимо, позднее время действует? Карасев посмотрел на часы и покачал головой. Еще только одиннадцать. Детское время. Он доплелся до холодильника, открыл его и глубоко вздохнул. Вот, черт! Когда он, наконец, займется домашним хозяйством, или женится? «Завтра!» — неуверенно ответил внутренний голос. И Тарас отправился спать.

18

По случаю важного допроса Тарас лично руководил уборщицей по очищению собственного кабинета от ненужной документации. В кладовке на первом этаже были удачно пристроены все четыре печатные машинки «Башкирия», однако сейф сдвинуть с места не удалось. Бог с ним! Может, еще пригодится. Хотя вряд ли. Взятки в этом захолустье не дают.

Смирнов пришел с получасовым опозданием. Он был растерян и удивлен. После минутного топтания на пороге, питерский администратор прошел в кабинет, уныло опустился на стул напротив следователя и тяжело вздохнул.

— Я так и думал, что этим закончится, — пробормотал он еле слышно и

кисло улыбнулся.

— Предупреждаю, за дачу ложных показаний, будете привлечены к ответственности, — сурово произнес следователь. — Распишитесь, что ознакомлены.

Смирнов покорно подписал подвинутую ему бумажку и виновато склонил голову.

— Рассказывайте, если у вас есть, что рассказать, — произнес следователь, впившись в него глазами.

— Ну, что ж, — сокрушенно вздохнул Смирнов. — Рассказываю все как на духу. История тут простая: мать у меня музейный работник, отца, можно сказать, нет. Когда он от нас ушел, мне было пять лет. Сами понимаете, что на зарплату младшего научного сотрудника не очень разживешься. Сколько себя помню, мы всегда жили бедно. И дернул же меня черт пойти по ее стопам. Я закончил тот же институт, что и мать. Устроился работать в тот же музей, в котором всю жизнь проработала она. Словом, сменил ее на боевом посту, на свою голову.

Смирнов горько усмехнулся и грустно тряхнул волосами.

— Это ж надо? Ничему меня жизнь не научила. Нищенство у нас стало вроде семейной традиции. Знаете, вот так купишь батон и уже тревога, а хватит ли завтра на хлеб. Так и пересчитываешь каждый вечер свои несчастные гроши в кошельке. Подрабатывать я подрабатывал: и дворником, и сторожем, но все равно не хватало. Женился опять-таки, не на какой-то девушке из высшего общества, а на сотруднице музея. Потом, я уже стал соображать, что с нищетой нужно бороться так же, как с кишечными паразитами, причем, — любыми способами. Правильно говорил Достоевский: «Нищета — это порок». Его нужно вырезать из сознания, как раковую опухоль, потому что нищета не оставляет в человеке никакого достоинства. Нищие — это люди без достоинства. А без достоинства нет человека.

Смирнов перевел дух и грустно взглянул на следователя.

— Вы меня понимаете?

— Да-да, продолжайте.

— Вот тут и подвернулась должность выездного администратора музея восковых фигур. Тут уже заработок зависел не от ставки младшего научного сотрудника, а от того, сколько людей посетят мою выставку. Я понял, что это единственный шанс вырваться из нищеты. Я пришел домой и долго размышлял над тем, как привлечь внимание публики к экспозиции, которая переходит под мое ведомство. И придумал! Придумал легенду, что мои восковые фигуры по ночам оживают. Собственно, не столько придумал сам, сколько меня надоумил к этому их создатель Жора Кузнецов. Он мне сказал, что эти восковые куклы намагничены на всякую потустороннюю нечисть, поэтому осталось только придумать какую-нибудь нелепицу про их хождение по ночам и распространить через средства массовой информации. Чем нелепее будут слухи, тем больше в них будут верить. Такова особенность человеческой природы.

— Так-так, — заиграл пальцами Карасев. — Продолжайте.

— Ну, пригласили мы, значит, телевизионщиков, заплатили им, сколько полагается. Они и сняли всю эту нелепицу с пропаданием голов и топотом по ночам в мастерской.

— А кто же действительно топал?

— Никто не топал. Комментировали вообще не соседи, а наши друзья. Все выдуманно! Абсолютно все! Топот сапог, шарканье туфель, музыка. Про сработки второго рубежа сигнализации тоже придумано. Начальнику вневедомственной охраны, естественно, заплатили. У Жоры нет ни второго рубежа, ни первого. У него вообще нет сигнализации. И никогда не было. Какой дурак сунется в его мастерскую?

— То есть, обман с рекламной целью?

— Ну, я не знаю, можно ли это назвать обманом. Скорее — уловка для привлечения внимания населения к культурно-историческим ценностям России. Сейчас все так делают. Причем большинство привлекают не к

культуре, а наоборот — к антикультуре. Работает целая индустрия по облапошиванию бедных граждан. А мы разве облапошиваем? Всего лишь показываем то, чего рекламируем. Не ваучер же, наконец, с двумя «Волгами» мы обещаем. Словом, прием, который мы применяли, не так уж и нов.

— Значит, фигуры по ночам перемещали вы?

— Не конкретно я, а ночные сторожа. За определенную мзду, естественно. Знаете, это очень действенно. Пару раз сдвинул фигуру с места — и разговоров на целый день. Во всех городах, в которых мы побывали, я платил ночным сторожам за перемещение фигур и за то, чтобы держали язык за зубами.

— А здесь кому вы платили?

— Здесь я договорился с Коробковым. Он очень активно взялся за это дело. Но, к моему удивлению, и после других дежурств некоторые восковые фигуры находили не на своих местах. Хотя другим я не платил. Очень активные здесь сторожа. Больше нигде таких не встречал. Некоторые так старались, что я стал опасаться за свою экспозицию. Представляете, однажды прихожу, а платье принцессы Марии залито вином. Да, я вам уже рассказывал.

Карасев понимающе кивнул.

— А вам не приходило в голову, что фигуры движут не сторожа.

— А кто же еще их может двигать? — удивился Смирнов.

— Ну, скажем... сами.

Смирнов улыбнулся.

— Вы же, Тарас Александрович, образованный человек. Как вы можете предполагать такую чушь?

— Значит, восковой Берия не мог убить Локридского?

— Да, конечно, же нет! — воскликнул Смирнов.

— Почему же у него на пальцах кровь?

— Ясно почему: намазали!

— Кто, и с какой целью?

— Кто? Не знаю. А цель понятная: запутать следствие.

— Значит, сторожа все-таки убил реальный человек?

— Естественно.

— Из музея?

— Ну, откуда же мне знать, в конце концов! — Глаза Смирнова беспокойно забегали. — Не думаете же вы, Тарас Александрович, что сторожа убил я. Ну, дурачить публику я еще могу с целью рекламы, но убить — никогда! И зачем мне убивать?

— С той же целью рекламы.

Администратор вздрогнул.

— Что вы такое говорите? Как это возможно? — заволновался он.

— Очень даже возможно, — напирал Карасев. — В наше время все возможно. Тем более, вы сами только что сказали, что в борьбе с нищетой хороши любые средства.

— Но не до такой же степени! — замахал руками Смирнов. — Обманывать — это одно, а убивать — совсем другое. И потом, у меня алиби.

— Кстати, о вашем алиби. Будьте добры, напомните, где вы были третьего октября с десяти до половины двенадцатого вечера. Только не забудьте о документе, который вы подписали в начале допроса.

— Я был в гостинице «Советская».

— Сначала в ресторане, а потом вы поднялись в номер с некой Эллочкой. Так?

— Все именно так.

— Сколько времени вы пробыли с девушкой?

— Извините, но это дела личные. Такие вопросы даже неприлично задавать.

— Неприлично, потому что вам нечего ответить. Тогда за вас отвечу я. Вы пробыли с ней около минуты. Потом посмотрели на часы — на них было десять — и покинули ее. Так?

Прежде чем кивнуть, Смирнов долго раздумывал. Он минуты три, не мигая, смотрел в пол, затем тяжело вздохнул и осипшим голосом произнес:

— Все так. Но даю вам честное слово, что из гостиницы я не выходил.

— Кто это может подтвердить?

— Никто.

— Так куда же вы отправились?

— К себе в номер.

— Почему?

— Я вспомнил, что мне должна была позвонить жена.

— Она позвонила?

— Нет, — Смирнов положил локти на стол и уткнулся лбом в собственные кулаки. — Это трудно объяснить. У нас с женой очень сложные отношения... Понимаете? Я ей никогда не изменял. А тут решил.

Перед этим мы поссорились по телефону.

— И вы с досады решили снять проститутку?

— Поверьте, первый раз в жизни! — прохрипел Смирнов, поднимая свои мутные глаза. — Никогда раньше я близко не подходил к проституткам. Да, у меня и денег на них не было. А тут снял и понял, что люблю только свою жену. Так мне стало вдруг больно. Зашли мы с этой Эллочкой в номер, а перед глазами жена, как живая. Ну, я и ушел... Понимаю, что звучит глупо и неправдоподобно, но, клянусь Богом, я не убивал.

— Все факты против вас, — произнес Карасев жестко. — И мотив у вас есть. И то, что пальцы Берии оказались в крови, и то, что магнит оказался у него в кармане, и ваши слова, что душа Берии поблизости и она найдет способ отомстить — все это работает на скандальную славу вашей выставки. Не так ли? Скажите, кому еще нужны эти слухи, кроме вас?

Смирнов ничего не ответил. Он обречено покачал головой и прошептал:

— Я всегда знал, что этим кончится...

— Мы вас задерживаем до выяснения обстоятельств дела, — строго произнес Карасев и поднял телефонную трубку.

19

— Не поторопился с задержанием Смирнова? — спросил Леонид Григорьевич, зайдя в кабинет к Карасеву. — Я же сказал, только если начнет колотья. Неужели думаешь, что он кинется в бега.

— Еще как кинется! — ответил Тарас. — По закону имею право

задержать на два дня без объяснения причины.

— Как бы тебе с этим правом не сесть в лужу, — неодобрительно покачал головой прокурор. — У тебя есть какие-нибудь конкретные факты, кроме собственных догадок: отпечатки пальцев, например, кровь на одежде, наконец, свидетель, который видел Смирнова, входящим в музей за десять минут до убийства?

— Есть свидетельница в гостинице, которая может подтвердить, как за час до убийства он вышел из ее номера.

— И все?

— Пока да!

Шеф покачал головой.

— Разве можно за это на два дня в каталажку? Понимаю, что по закону имеешь права. Но ты сам-то посиди там хотя бы день, тогда поймешь. Ладно, давай зови его на допрос, а я послушаю.

Леонид Григорьевич примостился в углу на стуле. В кабинете раздался телефонный звонок. Карасев поднял трубку. Звонил дежурный:

— Тарас Александрович, к вам пришли с телевидения. Пропустить?

— По какому вопросу?

— По вопросу убийства сторожа в музее.

— Никаких интервью до полного прояснения обстоятельств.

— Тарас Александрович, журналист настаивает. Просит передать, что это ваш друг — Евгений Городецкий.

— Передай ему, что сейчас я занят. Если время есть, пусть подождет, — ответил Тарас.

Через некоторое время в кабинет ввели Смирнова. Он был сильно помят и дико взлохмачен. Выглядел чрезвычайно уныло. Видимо, первая ночь в КПЗ не пошла ему на пользу.

— Садитесь, Олег Константинович, — кивнул на стул Карасев.

Смирнов покорно присел напротив и вопросительно посмотрел на следователя.

— Давайте сразу без прелюдий, — деловито начал Карасев, доставая из стола ручку и кладя перед собой чистый лист бумаги. — Итак, где вы были третьего октября с десяти вечера до половины двенадцатого?

— Я же вам, сказал, — устало ответил Смирнов. — Я был в гостинце у себя в номере.

— А до этого в комнате у проститутки?

— Ну, я же вам рассказывал. Мы с ней поднялись, вошли в ее номер, и после этого я сразу ушел.

— Почему ушли?

Смирнов упустил глаза и подавленно произнес:

— Раздумал. Устраивает вас такой ответ?

Карасев немного помолчал и решил больше не углубляться.

— Итак, в десять вы от нее ушли. Куда вы направились?

— Боже мой, в свой номер я направился.

— Сразу в номер?

— Сразу.

— И больше решили не возвращаться?

— Больше решил не возвращаться.

Следователь откинулся на стуле и хитро сощурил глаза:

— Тогда зачем вы ей сказали, чтобы она подождала?

Глаза Смирнова забегали.

— Я не знаю, зачем я это сказал? Может быть, для того, чтобы не разочаровывать девушку...

Карасев бросил победный взгляд на сидящего в уголке прокурора. На его лице почему-то блуждала улыбка.

— Так-так, — произнес Карасев, сверля Смирнова своим цепким взглядом. — Допустим все так, как вы сказали. Вы покинули девушку и спустились в номер... Кто это может подтвердить?

— Да кто же может? Никто! Я в номере один. Дежурная по этажу спала. Она не видела, ни как я заходил в номер, ни как из него вышел.

— И что же вы с десяти до половины двенадцатого делали в своем номере? Смотрели телевизор?

— Читал книгу.

— Читали все полтора часа?

— А это запрещено?

— Минуточку! — неожиданно вмешался Леонид Григорьевич. — Вы сказали, что ваша дежурная по этажу спала и не видела, как вы входили и выходили.

— Ну, да.

— Значит вы все-таки выходили?

— А что, из номера запрещено выходить? — обиженно поджал губы Смирнов.

— Нет, выходить из номера не запрещено, — улыбнулся прокурор. — Только потрудитесь вспомнить, для чего и в котором часу вы выходили из номера?

Администратор едва заметно пожал плечами.

— На часы я не посмотрел, но... время, кажется, было около одиннадцати. Да я и выбежал-то всего на минуту — в вестибюль на первый этаж, за пивом. Знаете, сушняк начал мучить...

— Понятно, — оборвал шеф. — Кто вас видел, когда вы спускались в вестибюль за пивом?

— Никто не видел! Кому смотреть? — развел руками Смирнов. — После десяти в гостинице все вымирает. Дежурная по этажу спала. По пути мне никто не попался...

— А продавщица киоска, у которой вы покупали пиво, может вас вспомнить?

— Да, дело в том, — замялся Смирнов, — что пива я и не купил. Киоск уже был закрыт. Я вернулся в номер и лег спать.

Карасев с Леонидом Григорьевичем переглянулись.

— Значит вас так никто и не увидел?

— Ну, почему же? — шмыгнул носом Смирнов. — В вестибюле были какие-то люди. На диване сидели два парня. И швейцар был... около двери в кресле.

— Значит, швейцар может подтвердить, что вас видел.

— Не знаю. Он, кажется, спал.

— А что за парни, вы их знаете?

— Нет.

— Значит, практически, никто не может подтвердить, что вы были в это время в гостинице, — сделал вывод Карасев.

Смирнов молча развел руками и вздохнул. После некоторого молчания, Александр Григорьевич спросил:

— Но почему вы не вышли из гостиницы и не купили пива в киоске? Через дорогу работает круглосуточный ларек.

— А я был в шлепанцах, — ответил Смирнов и грустно повесил голову, после чего поднял усталые глаза на Леонида Григорьевича. — Неужели можно обвинить человека в убийстве только за то, что он не может предоставить алиби. Я понимаю, что вам больше не на кого повесить убийство сторожа. Я оказался самой удобной кандидатурой.

— Не то говорите, Олег Константинович? Мы делаем все возможное, чтобы доказать вашу непричастность, но вы не можете представить нам ни одного свидетеля. Более того, умышленно вводите следствие в заблуждение. Почему вы нам сказали, что с десяти до половины двенадцатого провели время с проституткой?

— Все потому же, что некому подтвердить мое алиби, — нахмурился Смирнов.

— Минуточку! — опять вмешался шеф. — А откуда вы знаете, в какое время было совершено убийство?

Смирнов удивленно сверкнул глазами.

— Но об этом знает весь музей. Когда врач осмотрел труп, то сразу и объявил во всеуслышание, что сторожа убили в одиннадцать. При осмотре присутствовал весь персонал, в том числе и я.

Леонид Григорьевич метнул укоризненный взгляд на Карасева и молча

покачал головой. Карасев сделал вид, что не заметил безмолвных упреков шефа.

— Ну, что же, — произнес Леонид Григорьевич ледяным тоном, — прервемся минут на двадцать.

«Сейчас будет вправлять мозги», — подумал Карасев.

Однако на Карасева набросился совсем не тот, кого он ожидал. Едва дверь отворилась, в кабинет влетел Городецкий. Он был так возбужден, что просто чудом не сбил топтавшегося на пороге Смирнова.

— Тарас, привет! Извини, что врываюсь вот так без приглашения! Времени уже нет.

Он подал Смирнову руку, затем — Леониду Григорьевичу, наконец, потрянул руку Карасеву.

— Понимаю, что ты занят. Больше минуты не задержу! Буквально один вопрос по убийству сторожа. По городу ходят слухи, что его убила восковая фигура Берии.

Тарас встревожено покосился на шефа, которому эта журналистская напористость явно не нравилась, и сказал:

— Следствие еще не завершено, поэтому комментировать не имею права.

— Мне нужен не комментарий! Мне нужен новостной факт из уст должностного лица! — взбудоражено воскликнул Городецкий. — В таком-то музее такого-то числа убит такой-то сторож, имя, фамилия; отоварен тем-то и тем, во столько-то и во столько. Обнаружена кровь на пальцах восковой фигуры. Ведется следствие. Вот и все! Это же не военная тайна.

Тарас кивнул на прокурора:

— Вот мой начальник. Если разрешит дать интервью, — скажу пару слов. Но только то, что не составляет тайну следствия.

— Разрешаю, — тяжело вздохнул шеф и направился к выходу. — Но только факт происшествия, не больше.

Городецкий обрадовался и крикнул:

— Серега заходи!

Зашел оператор с камерой на плече и треножником под мышкой. У двери образовался затор. Смирнов почему-то топтался на пороге, не давая выйти начальнику. А тут еще и оператор начал раскладывать свой треножник на самом проходе. В воздухе запахло нервозностью. «Как все нелепо и не вовремя», — мелькнуло в голове у Тараса.

Но неожиданно Смирнов указал на телевизионщиков и произнес:

— Тарас Александрович, это как раз они.

— Кто они? — не понял топтавшийся сзади начальник.

— Ну, те ребята, которые сидели в вестибюле, когда я спускался за пивом.

Шеф поднял брови.

— Да? Как любопытно! И они могут это подтвердить?

— Чего подтвердить? — заинтересовался Евгений, оперативно распутывая микрофон. — Подтвердить всегда можем, если сойдемся в цене.

— Третьего октября вечером вы были в гостинице «Советская»? — спросил Карасев официальным тоном.

— Третьего? А какой был день? А сегодня у нас что? А... Кажется, были. А может, и нет. Мы там, вообще-то, три ночи были!

— Вот его помните? — указал Карасев на Смирнова.

— Ну, кто же не помнит старика Смирнова, — засмеялся Городецкий. — Это же Олег Константинович. Я у него на днях брал интервью...

— Так это вы у меня брали? — удивился Смирнов. — А я думаю, где вас видел?

— Минуточку! — вмешался прокурор, строго обращаясь к Городецкому. — Так вы были третьего октября в одиннадцать вечера в гостинице «Советская»?

— Серега, мы были? — спросил Городецкий у оператора.

— Были! — кивнул оператор. — Ждали когда товарищ Мылов, спустится с восьмого этажа...

— Вспомнил, были! — обрадовался Евгений. — Мы снимали скандальный компромат про одно официальное лицо.

— Его помните, — указал шеф на Смирнова, не проявляя интерес к официальному лицу.

— Его нет, — ответил Городецкий.

— А я помню, — произнес оператор. — Он подходил к киоску. Ты мне еще сказал: «Сделай пару планов на перебивку».

— Да-да, что-то такое припоминаю, — сморщился Городецкий. — Только это было в двенадцать.

— Да, нет же, в одиннадцать. Вечно ты время путаешь.

— В двенадцать, не спорь!

— Действительно, чего мы спорим, — развел руками оператор. — Можем посмотреть съемку. Там время указано.

— Вы его сняли? — удивился шеф.

— Естественно. Он даже не заметил.

— И пленка с собой?

— Пленка у нас всегда с собой.

Оператор порылся в карманах, вытащил кассету и вставил в камеру. Приложившись к глазку и немного прогнав назад, он сказал:

— Можете посмотреть.

Прокурор приложился правым глазом к камере и начал комментировать:

— Вижу вас, Олег Константинович. Вот идете по вестибюлю к кассу в шлепанцах. Ага! Киоск закрыт. Все ушли на фронт. Вот вы топчитесь, разворачиваетесь и идете обратно к лифту. Дата, насколько я понял, внизу? Третье октября. Прекрасно. Время двадцать три двенадцать...

Леонид Григорьевич оторвался от камеры и обаятельно улыбнулся Смирнову.

— Вот вам и алиби. А вы говорите, мы на вас вешаем убийство. Ничего на вас не вешаем? Наоборот: делаем все возможное, что доказать вашу невиновность. Словом, больше не смеем вас задерживать. А вас, Тарас Александрович, я попрошу после интервью зайти ко мне.

Ну, если шеф перешел на «вы», значит нужно ожидать втык. Действительно, сразу после интервью, Карасев получил сразу за все: и за задержание Смирнова, и за экспертов, которые не держат язык за зубами, и

за то, что время идет, а следствие стоит на месте.

— Я вас не узнаю, Тарас Александрович, — отчитывал Григорьевич ледяным тоном. — Вы за два года раскрыли восемь убийств, причем более сложных, чем это, а здесь застряли!

— Совершенно не за что уцепиться, Леонид Григорьевич, — оправдывался Карасев. — Мотива нет! Следов нет! Ни черта нет! Вдобавок, Локридского совершенно не за что было убить...

— Неправда! Убить всегда есть за что, — назидательно поднимал палец шеф. — Плохо стараетесь, Тарас Александрович! Поговорите с соседями Локридского, с его бывшими товарищами по работе. Выясните, что это за человек. Вы же ничего о нем не знаете...

Это было правдой. Тарас вернулся к себе в кабинет красный от стыда. Немного поразмыслив, он позвонил в отдел кадров ГТС и спросил про Локридского. Оказалось, что в кадрах его помнят. Он работал у них электромонтером двадцать пять лет. Работал так себе. Нельзя сказать, что сачковал, но и не очень переламявался. Был не особо деятельным, не особо разговорчивым, не особо работающим, не особо инициативным. От общественных работ отлынивал. Хотя с начальством никогда в конфликт не вступал. Делал только то, что приказывали и никогда сверх того. Ну, а выгнали его за шабашку.

— Так его выгнали? — подивился Карасев.

— А что, по-вашему, сам ушел? — в свою очередь удивились в отделе кадров. — С таких мест добровольно не уходят.

— У вас такая высокая зарплата? — уточнил Карасев.

— Зарплата не высокая, но место блатное.

В чем именно блатное, Карасеву выяснить не удалось. Зато ему дали номер того самого художника, которому Локридский ставил левый телефон, но так и не поставил, за что художник накатал на него «свинью» начальнику телефонной станции. Собственно, за это Локридского и

уволители.

Не теряя времени, Карасев тут же позвонил по указанному номеру, и ему отозвался мощный мужской голос с богатырским нахрапом.

— Эта мастерская художника Сафронова?

— Да. Ильич у аппарата.

— Следователь по особо важным делам Тарас Александрович Карасев.

— Очень приятно, Тарас Александрович. Чем могу быть полезен?

— Дело десятилетней давности, — бодро начал Тарас. — Возможно, вы о нем еще не забыли. Помните ли вы некоего электромонтера городской телефонной станции Александра Локридского...

— Этого козла я буду помнить до конца жизни. Кого он еще наколол?

— Ну, как вам сказать... Это не телефонный разговор. Вы не будете возражать, если я к вам сейчас подъеду?

— Не буду! Подъезжайте!

Записав адрес, Карасев сразу двинулся в путь, тем более что мастерская художника была в двух шагах от их конторы. Через пятнадцать минут он уже звонил в мастерскую Сафронова, которая располагалась на последнем этаже шестнадцатизэтажной «монолитки».

Дверь открыл огромный плечистый мужчина в клетчатой рубашке, с седой окладистой бородой. Его голова была абсолютно белой, хотя на вид художнику было не более сорока лет.

Он пожал следователю руку и пригласил в мастерскую. Там, среди картин и скульптур хозяин усадил Карасева за письменный стол и налил в бокал чаю.

— Таких типов, как Локридский, надо убивать, не раздумывая, —

произнес мрачно художник, шумно дую в свою чашку. — Жалею, что не убил. Ведь он мне денег так и не вернул. Наконец-то им заинтересовалась милиция, — сощурил глаза Сафронов. — А то ведь, не интересовалась...

— Давайте, по порядку, — деликатно улыбнулся Тарас. — Как вы познакомились с Локридским?

— Один козел познакомил меня с ним, — шумно вздохнул художник, отхлебнув из чашки. — Убить мало этого козла... Он инженер ГТС, начальник цеха развития. Они все из одной шайки. А с тем начальником я познакомился, когда работал у них, на телефонной станции. Я оформлял актовЫй зал. Так вот, еду я как-то в трамвае, а у меня в Москве как раз вышел альбом с моими репродукциями. Держу я, словом, эти репродукции в руках, и входит этот самый начальник, не помню как его фамилия. Ну, привет, как дела, то, да се, слово за слово. Начинаю я жаловаться без всякой задней мысли, что уже больше двадцати лет стою в очереди на телефон и по-прежнему болтаюсь в хвосте. Вот тогда он мне и дал номер домашнего своего кореша Локридского, мол, позвони ему, может, у него есть свободные номера. На следующий день я звоню по этому номеру: говорю, так, мол, и сЯк, дали мне ваш номер, по поводу установки телефона. Он отвечает: номер есть, могу установить, хоть сегодня. Пятьсот баксов. Я и не думал, что он ведет речь о левом телефоне. Обрадовался. Сказал, приходите и устанавливайте. Приходит ко мне этот замухрышка дистрофического вида, устанавливает телефон. Говорит, пользоваться — пользуйтесь, но помните, что телефон оформлен на чужую фамилию. И платить будете по расчетной книжке на эту чужую фамилию. Если позвонят с ГТС, спросят фамилию, имя, говорите, что ошиблись номером и второй раз трубку не берите. Я, конечно, засомневался, чтобы вот за это подпольное новшество отвалить пятьсот баксов, но электромонтер меня заверил, что это временно. Потом он этот номер оформит на меня официально. Я поверил. Дал пятьсот баксов. Телефон у меня проработал три дня и умолк. Я месяц разыскивал Локридского. Ни на работе не мог найти его, ни дома. Потом этот наглец явился и сказал, что этот номер, который он мне поставил, баба продавать раздумала и он мне, якобы, поставит другой. Тогда я сказал, знаешь, друг, а пошел бы ты... Возвращай мне мои деньги, и чтоб я тебя больше не видел. А он говорит: «А денег уже нет. Я их отдал бабе, которая продала номер». Я говорю: «Меня не

колышет! Забери, и чтоб завтра деньги были». Он ушел и с обидой хлопнул дверью. Проходит день, другой, третий — его нет. Думаю, пора разыскивать. Узнал я его адрес, пришел к нему домой: а он мне говорит: «Деньги баба не вернула. Она их потратила. Вот ее адрес — разбирайтесь с ней сами». Я: «Ах ты, козел!» А он: «Сами виноваты! Я вам предлагал номер, а вы отказались».

На этих словах художник остановился, чтобы успокоиться и отдышаться. От внимания следователя не ускользнуло, что проделанная с живописцем афера до сих пор вызывает в нем бешенство.

— Ну, а дальше, делать нечего, — продолжил Федор Ильич, — пошел я к этой бабе, которая продала ему номер. Как взглянул на нее, так сразу все понял: пьянь гидролизная. От такой ничего не добьешься. Я опять «наехал» на Локридского. Полный ноль. Нет денег и все! Тогда я пошел на ГТС, к его начальнику. Все рассказал, как есть. Его с работы выгнали, а мне что от этого? Все равно я остался без денег. Злость во мне так кипела, что не знаю, как я его не убил. Уже мне не столько деньги были важны, сколько хотелось наказать мерзавца. Пытался я подать на него в суд, — заявление не берут. Нет расписки. Пытался заявить в милицию, — тоже не берут заявления. Сам виноват. Вне закона подпольный телефон устанавливал. К тому же расплачивался валютой, что тоже незаконно. Пытался навести на него бандитов, — не взяли. Сумма маленькая. Какой-то идиотизм! Вот он, жулик! Все это знают, признают и ничего не могут сделать. Убивать, убивать и убивать! — сделал вывод художник, раскрасневшись от волнения.

Тарас улыбнулся и подумал, что такой эмоциональный тип мог в порыве гнева убить жулика ключом. Вслух же произнес:

— Я вижу, что в вас до сих пор кипит обида.

— Еще бы не кипела! — тряхнул головой художник. — Ведь деньги так и пропали. А после этого, мне всегда не хватало этих пятисот долларов. Мне и сейчас их не хватает.

— Ясненько, — повеселел Тарас. — Значит, вы приходили к нему домой,

но так ничего и не добились.

— Ничего, — развел руками художник.

— Грозил убить?

— И убить грозил, и дом поджечь, и окна побить, и рэкет навести. Когда я приходил, он прятался за бабью юбку. А потом они вообще перестали мне открывать. В конце концов, я плюнул.

Федор Ильич налил еще чаю и принялся кромсать кусочками сахар. Глядя на его ручищи, Карасев подумал, что этот одной левой раскрошит чугунный котелок, не то, что голову какого-то охранника.

— Вот как бы и все, что касается этой сволочи, — произнес художник, исподлобья взглянув на следователя. — Словом, человек он наипаскуднейший. Таких следует убивать за один вид. Исправить таких невозможно. А, кстати, почему им заинтересовалась прокуратура?

— Потому что его убили.

— Убили! — разинул рот художник, перестав щелкать щипцами. — Локридского убили? Неужели правда? — удивление и радость сверкнули в его глазах. — Ну, и... Царство ему небесное, — перекрестился Сафронов. — На земле одним паразитом будет меньше. А, кстати, за что?

— Наверное, за вид, — усмехнулся Карасев, глядя в изумленные глаза художника. — Шучу, Федор Ильич. Вот я как раз и пытаюсь установить, за что его убили.

— Понятно за что, — покачал головой художник. — Кого-то еще обжулил с телефоном. Не все же такие великодушные, как я.

Карасев поднялся с места и попрощался.

— Что ж, спасибо, Тарас Александрович, — тряхнул в ответ руку художник. — Вы мне принесли приятную весть. Я даже в растерянности. Словом, с меня причитается.

— Кстати, — остановился Карасев, взглянув на сигнализационный прибор в крохотной прихожей, — вы разбираетесь в сигнализации?

— Кому как не мне разбираться! — с гордостью ответил Сафронов. — Я пять лет проработал электромонтером во вневедомственной охране.

Тарас внимательно взглянул хозяину в глаза, и художник почему-то смутился.

— Хотя это было давно. Кое-что, конечно, уже забыл...

21

Ближе к полуночи позвонила Аленка.

— Катька я у тебя перекантуюсь. Можно?

— Приходи! А в чем дело?

— Прибегу, расскажу.

Аленка бросила трубку. Из спальни выплыла мама.

— Эта кто, опять она?

— Кто же еще? Сейчас придет к нам ночевать.

Мама всплеснула руками.

— До чего безалаберная девка! Все у нее не вовремя. А у тебя завтра экзамен.

— Не волнуйся, сдам...

Полчаса спустя в прихожей раздался звонок. Это явилась Аленка, запыхавшаяся, пунцовая, с ног до головы в снегу, будто ее валяли.

— Что у тебя стряслось? Рассказывай! — с порога бросила Катя, отыскивая подруге тапочки.

— Ну, его к черту, эти разборки! Они у меня вот где сидят! — провела Аленка по горлу. — Мишка воду баламутит! Все никак не успокоится, что я его бросила. Мишка со своим дружкой Алехой подстерег вчера Борьку у дома и замочил арматурой. Борька сегодня сбегал за своим брательником Генкой и пошли резня. Они только что мочились в моем дворе двое на двое. Алеха пырнул Генку ножом в живот. Ну, не псих ли?

— На смерть! — ужаснулась Катя.

— Не знаю. Его сейчас увезли на «скорой». Весь двор в крови...

Из спальни вышла мама, покачала головой и вздохнула:

— Как же ты такое допустила?

— А что я могу сделать? — выкатила глазища Аленка. — Сама что ли под нож полезу?

— Тебе нужно было поговорить с Мишей по-хорошему. Сказать: «Ты меня прости, но мое сердце принадлежит другому».

Катя отмахнулась от матери, взяла подружку за руку и потащила в свою комнату.

Там Аленка отдышалась и сказала:

— Видеть не могу обоих.

— И Бориса?

— А его в первую очередь. Он, конечно, красавец-мужчина, но такой зануда...

— Как же ты так? — укоризненно покачала головой Катя. — Он из-за тебя пострадал.

— Во-первых, страдать никто не просил, во-вторых, не он пострадал, а его брат, в-третьих, нечего впутывать в свои дела посторонних, в-четвертых, я в нем сильно разочаровалась.

— А есть такой парень, в котором ты еще не разочаровалась?

— Тсс! — поднесла ко рту палец Алена. Она хитро покосилась на дверь и прошептала: — Поклянись, что никому не скажешь!

— Чтоб я сдохла!

— Был у меня один мужчина. Когда он меня бессовестно бросил, я чуть не повесилась.

— Это когда? — удивилась Катя.

— В пионерлагере. После седьмого класса.

— Так мы же с тобой вместе были, только ты в старшем отряде, а я — в младшем.

— Были, да сплыли, — судорожно вздохнула Аленка, и на ее глаза навернулись слезы.

— Да, кто же он?

— Арсений Павлович. Военрук.

Брови Кати поползли вверх.

— Военрук? Он же взрослый. Ему лет пятьдесят было. И у тебя с ним был роман?

— У меня с ним было все.

Катя с минуту смотрела на подругу с открытым ртом, не в состоянии вымолвить слова. После чего сглотнула слюну и потянулась к семечкам на торшере. Алена проследила взглядом за ее рукой и вдруг воскликнула:

— Катька, а ведь ты уже совсем не заикаешься.

— Д-дура! З-зачем напомнила.

— Ой, прости, Катька! Совсем уже соображалка не работает. Слушай... Я что у тебя хочу спросить: а у тебя была когда-нибудь любовь, такая... чтобы до полного отрубона?

— До полного отрубона не было, — тяжело вздохнула Катя. — Но думаю, могла быть...

— Расскажи! — обняла подругу Аленка.

— Его звали Александром Федоровичем...

— Военный?

— Нет.

— Жаль, — поморщилась Аленка. — Ну, ничего. Рассказывай!

— А рассказывать нечего! — развела руками Катя. — Я отвергла его любовь, и он за это сделал меня заикой, а затем позволил убить моего брата...

Глаза Аленки стали круглыми.

— У тебя был брат?

Катя выдержала трагическую паузу и вдруг звонко рассмеялась.

— Да разыграла я тебя, Ленка! Ляпнула, что первое пришло в голову...

Но в тот же миг в глазах у нее потемнело, и девушка поняла, что это пришло ей в голову не просто так. Это всегда жило в ней, потому что у нее действительно был брат. И его действительно убили...

«Постой, Аленка? Это у меня сейчас пройдет!» — хотела воскликнуть Катя, но вслух получилось:

— По-по-лидор...

Что за чушь? Опять язык отказывается подчиняться. И кто просил Аленку говорить, что она перестала заикаться? «Постой, Аленка! Это у меня бывает...»

— По-по-лидор! — произнесла Катя, и лицо ее исказилось в мучительной гримасе.

— Что Полидор? — произнесла Аленка почему-то грубым мужским басом.

— По-по-лидора з-завтра п-поразит к-копье Ахилла.

— Иди спать, Кассандра! — приказал кто-то из темноты голосом брата Гектора. И в то же мгновение Аленка куда-то канула, как, впрочем, и теплая уютная комната с голубым светильником и кулечком семечек на торшере. Перед ней возвышалась атлетическая фигура Гектора? Он держал в руке огромный золотой кубок с вином и задумчиво смотрел со стены на стан греков.

Кассандра достала из-под туники осколок горного хрусталя и протянула брату.

— П-посмотри сам.

— Ничего не вижу, — отмахнулся Гектор и приложился к кубку. — Иди спать, сестра. Уже поздно, — произнес он, напившись.

— Я в-вижу, к-как По-по-лидора п-поражает к-копье Ахилла, а т-ты бросаешься ему на п-помощь и с-сталкиваешься с Ахиллом!

— С Ахиллом? — усмехнулся Гектор, сверкнув в темноте глазами. — Я давно хотел с ним столкнуться, чтобы отправить его в царства Аида. Пора, наконец, показать этому зарвавшемуся ахейцу его истинное место в этом мире.

— Нет! — воскликнула Кассандра. — Д-держись с-сзади. Ахилл т-тебя убьет!

— Меня? — громко захохотал Гектор. — До этого я разил его воинов. Я перерублю его пополам, если он посмеет встать на моем пути. Он трижды нападал на меня, и все три раза его копье пролетало мимо. А затем он трусливо убегал.

— Э-это Аполлон н-нагонял в-вокруг т-тебя м-мрак. Он ох-хранял тебя в бою. Н-но з-завтра Б-богам строго наказано не вмешиваются в битву.

— И это прекрасно! — воскликнул Гектор. — Значит, они не будут помогать этим презренным ахейцам. Значит завтра будет прекрасная возможность узнать, что стоят смертные без вмешательства бессмертных. А сейчас иди спать, сестра! Я устал.

— Б-будь п-позади своих воинов, — предупредила Кассандра и пошла прочь со стены.

Когда она вернулась в храм Зевса и снова взглянула в осколок горного хрусталя, то вдруг увидела, что Ахилл тащит по земле привязанное к колеснице мертвое тело Гектора. Кассандра простерла руки кверху и воскликнула:

— Есть справедливость в этом мире?

На этом возгласе в храм вошел Аполлон.

— Справедливость есть! — грустно ответил он. — Но у каждого она своя. Есть высшая справедливость, но ее не уразуметь низшим.

— Спаси моего брата Гектора! — взмолилась Кассандра. — Отведи от него копье Ахилла, когда Гектор бросится на помощь Полидору.

Аполлон улыбнулся.

— Ты же знаешь, что в завтрашнюю битву не будет вмешиваться даже Зевс. Он и нас попросил не мешать естественному течению событий. Пойми, что свои судьбы вершат сами люди. Боги, вмешиваясь в естественную жизнь смертных, могут только оттянуть конец, но не изменить развязки. Даже если завтра я отклоню копье Ахилла в ту минуту, когда Гектор бросится на помощь к своему брату, я не изменю его судьбы.

— Не меняй судьбы! Отклони только копье!

Аполлон улыбнулся и исчез. Он сдержал слово. Кассандра видела со стены, как упал во время битвы Полидор и Гектор, выскочивший из задних рядов, бросился к умирающему брату. Видела она и то, как к нему сразу рванул Ахилл, размахивая своим длинным копьем. Гектор бросил в Ахилла копье, но промахнулся. Ахилл напал на Гектора, но все его удары Гектор ловко отбил своим коротким мечом. Тут подоспели троянцы, и оттеснили Ахилла назад, но он прокричал Гектару что-то обидное, и тот потряс над головой мечом.

Кассандра закрыла глаза и мысленно поблагодарила Аполлона. Однако на сердце оставалась тяжесть. Битва подходила к концу. Устали и ахейцы, и троянцы. Ахейцы стали отходить к своим кораблям, а троянцы отступать за стены. «Боги могут только оттянуть конец, но не изменить развязки», — почему-то пришло в голову Кассандре.

И вдруг она увидела, что в опустевшем поле недалеко от Скейских ворот, Гектор остался совсем один. Он стоял, облокотившись на щит и, было не трудно догадаться, что он ждал Ахилла. Ахилл вскоре появился, сверкая золотыми доспехами. И вдруг грозный, храбрый, всеильный Гектор бросился от него наутек. Сердце Кассандры замерло.

— Аполлон! — закричала она, воздев руки к небу. — Не дай убить моего брата!

«Сколько не оттягивай конец, но чему быть, тому не миновать», — услышала она откуда-то изнутри, и вдруг увидела, как Гектор, не

развернувшись, метнул свое единственное копье в Ахилла. Ахилл ловко увернулся и поднял свое копье. Когда мгновением позже оно пронзило шею Гектора, Кассандра свалилась без чувств. «Почему я отвергла твою любовь, Аполлон?» — было последней ее мыслью.

22

С утра в кабинете у Карасева надрывался телефон. Следователь едва переступил порог и еще не успел снять плащ. Пришлось с порога кинуться к аппарату. Звонил Соколов из экспертной службы:

— Привет, старик! Звонил твой шеф и учинил нам разнос по поводу того, что мы, якобы, долго копаемся с экспертизой. Где справедливость, Тарас? Заключение давно готово. Ты сам ни черта не звонишь. Ты не интересуешься, а мы получаем втык.

— Ну, давай, что там по заключению? — устало вздохнул Тарас.

— Сразу предупреждаю, что мы сделали все, что в наших силах. Слушай: на магните никаких отпечатков. Его, судя по всему, очень тщательно обработали. Экспертиза медиков, если интересуется, тоже готова. Бурые пятна на руках Берии, на носке ботинка и на полу — кровь Локридского, как мы и предполагали.

— И все? — разочаровался Карасев.

— А что ты еще хотел? — удивился «Соколиный глаз». — Могу еще по магниту добавить. Исходя из состояния пластилина, можно предположить, что магнит налепили на датчик в день убийства. Но это сделал не Локридский. У него на пальцах — ни малейших следов пластилина. На дверной ручке, крючке и телефонной трубке отпечатки Михайловой. И это

весьма странно.

— Почему странно? Чьи же, как не ее, должны быть отпечатки? Она последняя бралась за ручку двери и за крючок.

— Странность в другом: на ручке и крючке отпечатки только ее, и больше никаких. Соображаешь? Убийца был очень скрупулезен. Перед уходом он стер пальчики не только с разводного ключа, но и с дверной ручки, и даже с крючка.

— Тогда как он открыл дверь перед уходом?

— Либо плечом, либо носком ботинка.

— А слабо найти на двери след носка ботинка?

— Уже вряд ли. Впрочем, если уборщица не протирала дверь, то найти можно.

— Что ж, вы сразу? Эх... Ну, ладно. Не густо, но спасибо и на этом, — со вздохом произнес следователь, затем, немного подумав, поинтересовался: — Сколько пластилин держится на пальцах?

— Я думаю, дней семь. Даже после ванной можно найти под ногтями частички пластилина. Эта такая мерзость.

— Я понял! Вот что ты должен сделать. Я завтра вызову по повестке художника Сафронова. Ты должен состричь с него ногти и исследовать его пальцы на наличие пластилина.

— Как скажешь, — ответил Соколов и повесил трубку.

Карасев плюхнулся в кресло и предался размышлениям. В принципе художник мог укокошить Локридского из мести. Десять лет таил на него обиду, вынашивал план, обдумывал мелочи и, наконец, подвернулся момент к осуществлению замысла. Такое бывает. В истории криминалистики есть примеры, когда мстители вынашивали планы и по пятьдесят лет. Несмотря на то, что художник довольно эмоционален,

прибить сторожа он мог довольно хладнокровно. Пришел днем. Незаметно налепил магнит и ушел. Затем пришел вечером, постучался. Локридский открыл...

Нет. Не сходится. Локридский открыть не мог. Чтобы открыть, нужно снять объект с пульта. Ведь сторож не мог знать, что дверь разблокирована. Скорее всего, Сафронов пришел незадолго до закрытия музея, налепил магнит и спрятался. Только где? Кабинеты закрываются, помещения проверяются, закутки обходит директриса. Единственное место, где мог спрятаться Сафронов — это в зале с восковыми фигурами. Либо за семьей Николая Второго, либо за креслом Елизаветы.

Карасев взволнованно поднялся с места и принялся метаться из угла в угол. В эту схему не вписывалась одна деталь: сторож был убит явно случайным орудием. Откуда художник знал, что в этот день в музей придут работники ЖЭУ и бросят свой инструмент в коридоре? Техники, наконец, могли оставить свой инструмент и в подвале. Они и хотели оставить его в подвале, но Зоя Павловна не позволила.

Карасев хмыкнул и снова повалился в кресло. Все это слишком сложно и надуманно. «Уж очень изощренно, как у Агаты Кристи. Нет! Здесь что-то попроще», — щелкнул пальцами следователь и сморщил лоб.

И вдруг новая сумасшедшая мысль осенила великого сыщика. А что если Зоя Павловна специально не позволила оставить инструменты в подвале, чтобы они, как говорят японцы, оказался в нужный час, и в нужном месте.

«Так-так, — забарабанил по столу Карасев. — Почему не предположить, что Зоя Павловна сообщница Сафронова?» Конечно это бред, но предположим. Ведь у убийцы в музее обязательно должен быть сообщник. Должен же кто-нибудь снять магнит с двери, а затем засунуть в карман Берии? Не сам же Берия положил его себе в карман? Только откуда Зоя Павловна могла знать, что в этот день явятся сантехники продувать батареи?

Карасев поднял телефонную трубку и, набрав справочное, попросил дать номер четырнадцатое ЖЭУ. После чего позвонил дежурному

эксплуатационного участка.

— Скажите, продувка батарей в художественном музее — это плановое мероприятие?

— В принципе, плановое. Но не совсем. Мы планировали провести продувку в выставочном зале в конце октября, но директор музея настояла на том, чтобы мы подготовили объект к отопительному сезону именно на этой неделе.

— Директор, или заместитель директора по хозяйственной части? — уточнил Карасев.

— Понятия не имею, — хмыкнул в трубку дежурный. — Кажется, звонила сама директриса. Могу посмотреть фамилию в журнале. Ага, вот: Петрова Алла Григорьевна...

— Спасибо! — оборвал следователь и водворил трубку на место.

«Так-так, — нервно забарабанил Карасев. — Кажется, уже начинает вырисовываться цепочка».

Он снова позвонил Соколову.

— Ты можешь как-нибудь деликатно посмотреть пальцы у директрисы музея?

— Могу! Только состричь ногти вряд ли удастся без скандала.

— Нет, скандал не нужен! Я же сказал: «деликатно». Чтобы она ни о чем не догадалась. Ты не состригай, а выскобли из-под ногтей... как-нибудь незаметно.

— Незаметно? Ну, ты скажешь, — засмеялся «Соколиный глаз». — Ладно, попробую. Когда?

— Сегодня! И еще взгляни на пальцы Михайловой. А заодно и на пальцы Смирнова. Хотя нет. Смирнова лучше не трогай.

Карасев положил трубку на место, немного подумал, после чего позвонил в музей, в отдел современного искусства Ольге Маркиной. Кратко представившись, следователь поинтересовался, всех ли местных художников она знает в лицо.

— Практически всех, — ответила она. — Мы их часто выставляем. В три года раз — обязательно.

— А кого больше всех?

— Пожалуй, Сафронова.

— Почему именно Сафронова?

— Он друг Аллы Григорьевны. Они вместе учились в институте культуры.

— Как интересно! Он частый гость вашего музея?

— Я бы не сказала. Бывает очень редко. Иногда даже отсутствует на собственных презентациях. Вот такой он человек. Работает. Дорожит каждой минутой...

«Вот теперь можно воспроизвести полную картину убийства», — подумал Карасев, положив трубку на аппарат.

Итак, придя как-то раз в музей на собственную презентацию, Сафронов случайно увидел Локридского. В нем разыгралась старая обида, и он решил отомстить. Живописец несколько лет вынашивал план убийства. Может быть, поэтому так редко и заходил в музей, чтобы не мозолить глаза. Посветил в свой план бывшую однокурсницу Петрову. Она вызвала слесарей, заранее зная, что за один день они не закончат. Также она знала, что Михайлова ни за что не позволит оставить слесарям свои грязные инструменты в хранилище. В этот же день директриса позвонила Сафронову. Сафронов пришел в музей незадолго до закрытия и спрятался в зале с восковыми фигурами. В одиннадцать часов он выманил из каморки Локридского и убил. Затем спокойно стер отпечатки пальцев с ключа, крючка и ручки двери. После чего, магнитом заблокировал входную дверь

и преспокойно вышел на улицу, оставив дверь незапертой. Наутро директриса явилась первой, сняла носовым платком магнит и засунула в карман Берии.

Получалось складно, но просматривались кое-какие нестыковки, — почесал затылок следователь.

Самое главное, Карасев не верил, что Сафронов может укокошить человека только за то, что тот когда-то не вернул ему долг. Если даже нечто подобное и было у него на уме: то очень сомнительно, что в свои намерения он мог втянуть директрису музея. В любом случае эту версию стоило проверить, поскольку другой не было.

Следователь снова позвонил в музей. На этот раз вахтерше Анне Федоровне.

— Вы знаете художника Сафронова, — спросил Карасев.

— Кто же его не знает? — ответила вахтерша.

— Он приходил в музей в день убийства?

— Кто? Сафронов? Он и на свои выставки-то не приходит, а в обычные дни его конфетой не заманишь.

— Ручаетесь? Кстати, в обеденный перерыв вы надолго отлучались?

— Во-первых, мне даже в обед не позволено отлучаться, а во-вторых, головой ручаюсь, что кто-кто, а Сафронова в тот день в музее не было. Когда он появляется, все женщины музея слетаются на него, как мухи на мед. Ну, еще бы, такой мужчина, здоровенный, да плечистый — аж, дух захватывает!

— И еще, Анна Федоровна, хочу у вас спросить: сталкивался ли когда-нибудь Сафронов со сторожем Локридским? Был ли между ними какой-нибудь скандал?

— Вы меня удивляете своим вопросом. Ничего такого я не слышала.

Сталкивался, или не сталкивался — понятия не имею. Но, если хотите знать мое личное мнение, то, по-моему, Сафронов не из тех деятелей, которые братаются со сторожами.

«Может, он прошел через черный ход» — неожиданно мелькнуло в голове.

— Скажите, а ключи от черного хода только у Зои Павловны?

— Только у нее.

— И больше ни у кого?

— Больше ни у кого.

Поблагодарив вахтершу, Карасев внезапно вспомнил, что у него так и не дошли руки до черного хода. Впрочем, черный ход ведет сразу на второй этаж. Чтобы попасть в тот коридорчик, в котором убили Локридского, нужно пройти через все залы второго этажа, потом спуститься по лестнице в вестибюль, и пройти через зал с восковыми фигурами. Для преступника это весьма непросто. Однако на всякий случай Карасев позвонил Михайловой. Исключительно для очистки совести.

— Скажите, Зоя Павловна, в последнее время у вас никто не просил ключ от черного хода?

— Нет. Никто. Но знаете, недели две назад у меня пропадала связка с ключами, на которой был ключ от черного хода.

— С этого момента поподробнее! — встрепнулся следователь.

— Это был вторник. В конце рабочего дня я обнаружила, что с моего стола исчезла связка ключей. Я перевернула весь кабинет, но ключей нигде не было. Хранилище было заперто. А кабинет пришлось оставить открытым. Нечем было запереть. Пришла я утром и снова обыскала кабинет. Ключи, как в воду канули. Тогда я отправилась к Алле Григорьевне, заявить об этом факте, но ее в то утро на месте не оказалось. Она была на совещании в Управлении культуры. Возвращаюсь я к себе —

ключи, как ни в чем не бывало, лежат на моем столе. Так бы я, может быть, и подумала, что не заметила их в горячке, или обронила где-нибудь, а потом кто-то из сотрудников нашел и положил мне на стол. Но самое интересное: все ключи блестели, как новенькие, и пахли растворителем. Их кто-то от чего-то отмывал. Кто их отмывал и от чего — я так и не выяснила. Хотела даже заявить в милицию. Но потом закрутилась и забыла.

В этот день Карасеву в третий раз пришлось звонить в экспертный отдел:

— Соколов, еще не выехал в музей? Прекрасно! Последняя просьба: сделай анализ связки ключей Михайловой. Возможно, с ключа от черного хода делали слепок...

23

В тот же час следователь отправился в музей. До прибытия экспертов он решил лично осмотреть черный ход. Карасев попросил у Михайловой ключи и пошел на второй этаж. Пройдя через зал скульптуры, он без особого труда вышел на служебную лестницу, которая сама повела его вниз через подвал к двойным дверям черного хода. Площадка перед дверьми была покрыта едва заметным слоем пыли. Однако у порога Карасев явно увидел следы женских туфель.

Стараясь не задевать следов, Карасев осторожно подошел к дверям, отпер замок и толкнул двери плечом. Пространство тамбура также было пыльным. Однако на полу от одной двери к другой вела целая дорожка следов. «Да здесь ходили табунами!» — удивился Тарас.

На цыпочках, чтобы не задеть дорожку, он подкрался к другой двери и хотел вставить в замочную скважину ключ, но к своему удивлению обнаружил, что наружная дверь не заперта. Тарас пнул ее ногой и вышел во

двор. От двери вилась и терялась в траве едва видимая тропинка. Она привела к железным воротам, с маленькой куполообразной калиткой. На калитке висел новенький накладной замок.

Не отходя от нее, Карасев позвонил с мобильного в экспертный отдел с просьбой поторопиться и отправился обратно, стараясь не наступать на следы. Войдя в музей, он оставил дверь черного хода открытой, а сам направился в каптерку сторожа. Включив сигнализацию, следователь обнаружил, что ячейка дверей черного хода, как ни в чем не бывало, горит, несмотря на то, что дверь в данный момент была открыта настежь. «Никак она тоже разблокирована», — поразился Карасев. Но разблокирована более хитро: без магнита, и без отвертки. А может, прибор барахлит?

Тарас хлопнул сверху по «Рубину», и его пальцы угодил во что-то вязкое. «Ба! Никак пластилин нашелся?»

Карасев снял с прибора полкуса коричневого пластилина и аккуратно завернул в платок. Он хотел пошарить еще, но раздумал. На «Рубине» могут остаться отпечатки пальцев. Тарас выдвинул ящик стола, открыл шкаф, заглянул под топчан. Везде лежало какое-то грязное барахло: клетчатые, ветхие рубахи, засаленные куртки, штаны, кирзовые ботинки и пустые коробки из-под чая.

Карасев присел на топчан и набрал сотовый Берестова.

— Леня, привет! Рад тебя слышать. У тебя как?

— У меня — как штык! А у тебя?

— И у меня.

— В Питер съездил?

— Съездил! Подробности при встрече. Вспомни, это очень важно, как в ту ночь вы с Галкой вышли из музея?

— Черт его знает? Сейчас спрошу у нее.

Через некоторое время отозвалась Галка.

— Привет Тарас! Рада тебя слышать. Как у тебя?

— У меня, как у Лени. Подробности при встрече. Галка, ты же была не пьяной: вспомни, как вы с Берестовым вышли из музея?

— Мы вышли через какой-то двор.

— Точно через двор? А не через вестибюль?

— Через вестибюль не шли. Точно помню. Шли, как белые люди, через кусты. Потом перелезли через какую-то железную калитку и, наконец, оказались на улице.

— Кто вам открыл дверь, сторож?

— Сторожа в упор не помню. Кажется, никто не открывал. Все было распахнуто настежь!

— И железная калитка?

— И она!

— Зачем же вы через нее перелезали?

— Леня настоял. У журналистов свои причуды.

«Черт возьми, — соображал Тарас. — Они вышли через черный ход, оставив кучу следов. А я поторопил экспертов».

Эксперты вскоре явились. Тарас показал фронт работы, и они пришли в восторг.

— Здесь следов на все случаи жизни! Наконец-то оторвемся!

Карасев передал Соколову пластилин и направился в кабинет директрисы. На этот раз она была встревоженной, и все допытывалась,

зачем экспертной группе понадобилось обследовать черный ход, если он даже близко не соприкасался с местом убийства?

— Алла Григорьевна, — напустил на себя серьезность Карасев, — я обнаружил, что входная дверь черного хода не заперта!

— Какое безобразие, — возмутилась директриса и даже вскочила со стула. — Это надо спрашивать с Михайловой. Сегодня же я с ней разберусь.

— Да, подождите, Алла Григорьевна! Объясните, наконец, у кого ключи от черного хода?

— У Михайловой!

— И больше ни у кого?

Директриса беспокойно заерзала на стуле.

— Но если она у нас официальная ключница, то у кого же они могут быть еще?

— Но должны быть дубликаты ключей.

— От черного хода дубликата нет.

— А ключ от калитки тоже у нее?

— А у кого же еще? — через силу улыбнулась директриса. — Ключами занимается только Михайлова.

— С ключами понятно, — кивнул Карасев. — Давайте уточним кое-что еще: вы мне сказали, что в день убийства Александрова пришла раньше вас?

— Я и сейчас это говорю. Когда я пришла, Александрова была уже здесь!

— Однако она утверждает, что вы пришли раньше.

— Как же я могла прийти раньше, когда дверь ее отдела была открыта, — возмутилась директриса. — Когда я шла по коридору к себе, то обратила внимания, что дверь ее кабинета распахнута настежь. Я заглянула в кабинет. В нем никого не было, но ее сумочка лежала на столе. Я переобулась у себя, пошла обратно и встретила Александрову на лестнице. Она поднималась из туалета.

— Но дело в том, Алла Григорьевна, что стоящий в вестибюле милиционер утверждает, что вы явились в музей первой. Александрова пришла после вас.

— Нет, это какая-то ошибка! — махнула рукой директриса. — Я своими глазами видела, что дверь отдела Гончарова была открытой. Ведь я не сумасшедшая, и галлюцинациями не страдаю. А милиционер перепутал. Он всех в лицо не знает.

— Но, может быть, отдел Гончарова просто не закрыли с вечера?

— Этого не может быть, — нахально улыбнулась директриса. — Вечером я уходила последней, не считая Михайлову конечно, и перед уходом проверила все кабинеты. У меня вообще так заведено, по пути проверять кабинеты. Даю палец на отсечение: вечером комната Гончарова была заперта на ключ.

Карасеву было понятно, почему директриса настаивает на том, что она пришла позже своей сотрудницы. Кто пришел первый, тот и снял с двери магнит.

— Спасибо, Алла Григорьевна, у меня больше нет к вам вопросов. Сейчас наш эксперт еще раз снимет с вас отпечатки пальцев. Не волнуйтесь, это ничего не значит. Они просто у нас не получились.

Тарас спустился вниз, отыскал Соколова и отправил его исследовать пальцы директрисы. А сам направился в отдел Гончарова.

Александрова грациозно восседала за старинным столом и что-то увлеченно строчила в общую тетрадь, опустив свои черные ресницы. Когда Тарас вошел, она подняла голову и обаятельно улыбнулась.

— Убийцу нашли? — спросила она вместо приветствия.

— Ищем, — неопределенно ответил Тарас. — Если позволите, несколько вопросов.

— Пожалуйста, — ответила она, — обволакивая сыщика своими красивыми глазами.

— Директор музея стоит на своем, утверждая, что вы пришли раньше ее.

— Но ведь милиционер видел, кто пришел раньше, — пожала плечами девушка.

— Я конечно больше верю милиционеру, — недвусмысленно признался Карасев. — Но прошу вас вспомнить, накануне вечером вы запирали свой кабинет?

— Конечно, заперла, — уверенно ответила Александрова и вдруг задумалась. Внезапно в глазах у нее мелькнула тревога. — А это так важно, заперла я, или нет? Если я забыла запереть, то это что-то смертельное? — спросила она.

— Пока ничего смертельного не вырисовывается, — напустил на себя важность Карасев, — но Алла Григорьевна утверждает, что вечером уходила позже всех и что специально проверила ваш кабинет. Он был заперт. А когда пришла утром, кабинет был открытым, хотя вас, как вы говорите, еще не было.

Уголки губ собеседницы уныло опустились.

— А она проверяла только мой кабинет?

— Нет, не только ваш. Она проверяла все кабинеты. Дело не в этом. Дело в том, что из вас двоих кто-то говорит неправду.

— А это так важно, оставляла я кабинет открытым, или не оставляла? — поморщила носик красавица.

— В этом деле важно все. Вспомните, Екатерина Алексеевна, когда вы пришли в то утро, ваш кабинет действительно был открытым?

Александрова погрузилась в задумчивость.

— Честно говоря, не помню.

— Нужно вспомнить!

— А если не вспомню, меня казнят? — стрельнула глазками девушка.

Карасев улыбнулся и вынул из кармана визитку.

— Вспомните, позвоните! И еще я хотел спросить: кто из сотрудников музея знал, что входную дверь можно заблокировать при помощи магнита?

— Практически все! — ответила Александрова. — Мы все по очереди сдаем музей на пульт, и знаем, что, после того, как объект примется, удобнее заблокировать магнитом дверь и спокойно выйти из музея, чем потом волноваться и перезванивать из дома. Весь персонал музея знал, что магнит лежит на шкафу, а пластилин на «Рубине»...

В это время в кабинет заглянул «Соколиный глаз» и молча поманил пальцем. По его виду было видно, что следов обнаружили много.

— Что? — спросил Карасев, после того, как они вышли в коридор.

— На внутренней ручке двери пальчиков навалом. Самые последние — отпечатки директрисы. Следы туфель на площадке перед дверью тоже ее. В предбанник она не выходила. Видимо, подходила к дверям, чтобы их запереть. Ее ладонь на ручке видна очень четко. Последние, кто были в предбаннике, — это мужчина в кроссовках сорок второго размера и женщина в туфлях тридцать шестого размера. Мужская рука со шрамом на ладони обнаружена и на ручке первой входной двери. Она, по всей видимости, того, кому принадлежат кроссовки сорок второго размера. Не исключено, что мужчина с женщиной выходили вместе. Но входили они, по всей видимости, через центральный вход, потому что снаружи их отпечатков не обнаружено. Зато снаружи на дверной ручке отпечатки

другого мужчины. У него кулачища с пивную кружку. В предбаннике найден и его частичный след ботинка сорок седьмого размера. Кроме того, есть еще часть следа женских кроссовок тридцать седьмого размера.

— Понял! — коротко произнес Карасев и немедленно набрал номер сотового Берестова.

— Леонид Александрович у аппарата, — раздалось в трубке.

— Леня, у тебя какой размер обуви? — спросил Тарас.

— Сорок второй, — с удивлением ответил Берестов.

— А у Галки?

— На вид тридцать пятый! Хотя нет! Говорит, тридцать седьмой, если маломерки.

— У тебя есть на ладони шрам?

— Шрам? Сейчас посмотрю. Слушай, е-мое! Вот это линия ума у меня! Где это я так порезался?

Карасев прервал связь и приказал старшему эксперту:

— Следы сорок второго и тридцать шестого размера сотрите и отпечаток мужской руки со шрамом — тоже. А лапу с пивную кружку и следы кроссовок тридцать седьмого размера можете оформлять. Ну, что еще интересного? На «Рубине» обнаружили какие-нибудь отпечатки?

— Только твои. Если хочешь — оформим. А вот насчет пластилина — у директрисы все чисто. А у Михайловой — да! Под ногтями имеются частички коричневого пластилина.

После этого Карасев немедленно поднялся к Михайловой. Однако у самых дверей его нагнал Соколов.

— Связку ключей мы осмотрели. Ничего подозрительного не обнаружено, кроме того, что их недавно промыли растворителем. Видимо, таким образом смывали отпечатки. И вот еще: после того, как связку промыли в растворителе, ключом от входной двери больше не пользовались. Усекаешь?

— Как же не пользовались, когда я сегодня лично отпирал дверь? — нахмурился Карасев.

— Я про это и толкую, что царапины на ключе только сегодняшние. После соприкосновения с растворителем металл покрывается тоненькой пленкой. На этой пленке кроме сегодняшних царапин больше нет никаких. Следовательно, от дня промывки и до сегодняшнего дня ключ ни разу не был в употреблении. Если хочешь, мы возьмем связку в лабораторию и исследуем более тщательно.

— Пожалуй, не стоит, — буркнул Карасев и толкнул дверь с надписью «Заместитель директора».

Когда Тарас без стука вошел в кабинет Михайловой, женщина вздрогнула. Это не могло ускользнуть от глаз сыщика.

Кабинет «ключницы» был весьма просторным. Везде по углам стояли диковинные экспонаты: от костей мамонта, до миниатюрных бронзовых статуэток. По столу были разбросаны ярлыки с какими-то музейными номерами. Под настольной лампой стоял пузырек с клеем, и лежала новенькая коробка с пластилином. Именно в нее и впился вошедший в кабинет следователь. Михайлова сидела над раскрытой тетрадкой и что-то писала.

— Добрый день, Зоя Павловна, — вежливо улыбнулся Карасев, не упуская из вида ее растерянность по поводу его визита. — Я зашел к вам узнать, закончили ли вы опись экспонатов музейного фонда?

— Да, опись я завершила, — сдержанно кивнула она. — Сейчас подвожу итоги: сравниваю новый список со старым. Так что точно о состоянии музейного фонда на этот год я могу вам сообщить только завтра. Но по предварительным данным, кажется, все на месте.

Карасев опустил в старинное кресло, стоящее рядом со столом, и жадно уставился на коробку с пластилином.

— Зоя Павловна, скажите, у кого еще могут быть ключи от черного хода, кроме, как у вас?

— Ни у кого, — ответила Зоя Павловна.

— Но должны быть дубликаты ключей хотя бы из соображений противопожарной безопасности.

— Понимаете... — замялась Михайлова. — Черным ходом мы практически не пользуемся. Даже, когда три года назад потерялась связка ключей от запасных дверей и от калитки, мы не ощутили большой утраты. От дверей у меня, правда, остались запасные ключи на связке. Но один ключ от внешней двери не подходит. Вы, наверное, уже убедились. От калитки ключа давно нет. Понимаю, что это безобразие, но что делать? Мы все собирались сменить замки на дверях, но никак не можем изыскать средства. Наш музей настолько беден, что у него нет денег даже на замки.

— Как же вы все эти три года ходили во двор? — вытаращил глаза Карасев.

— Через улицу. Калитка по счастью не заперта.

— А обе двери черного входа, значит, заперты?

— Разумеется.

— Вы уверены?

В глазах Зои Павловны появилось изумление.

— Ладно, пока этот вопрос опустим! — улыбнулся следователь. — Но почему от калитки и от внутренней входной двери у вас было по одному ключу, а от наружной входной двери — два?

— Вы знаете, — пожала плечами Зоя Павловна, — от наружной входной двери было даже не два, а целых три ключа. Почему так получилось, я не знаю. Ну, терялись постепенно ключи. Какие-то терялись, какие-то нет. Знаете, как это бывает...

— И у кого же был этот третий ключ? — хитро сощурился Карасев.

— Ну, наверное, у тех, у кого связка, — неуверенно ответила Зоя Павловна, — у сторожей.

— Значит, у вас во дворе три года не закрывалась калитка только из-за того, что не было денег на замок?

— В общем-то, да, — виновато сконфузилась Михайлова. — Безобразие, конечно. Но, знаете, здесь место тихое, не лазают, потому что в соседнем здании, в Сельскохозяйственной академии, круглосуточно дежурит милиция. Но сейчас, кстати, замок на калитке висит.

— Когда же его повесили?

— На второй день после убийства.

— То есть, деньги нашлись.

— Алла Григорьевна купила на свои.

— И ключ отдала вам?

— Нет еще.

— А мне сказала, что отдала.

Зоя Павловна достала из кармана связку ключей, потрянула ими и глупо развела руками.

— Если сказала, значит... собиралась отдать. Но, видимо, не дошли руки.

— А много еще у вас одинарных ключей.

— Почти все, — тяжело вздохнула Михайлова. — От кабинетов все одинарные. По правилу, ключи нужно оставлять у сторожа, но сотрудники берут их домой. У нас как-то не заведено сдавать ключи, да и некуда. Мне тоже приходится брать домой всю связку ключей, в том числе и ключи от фондов. Случись чего — и подвал не открыть.

Карасев потянулся к коробке с пластилином, открыл ее и увидел, что пластилином почти не пользовались. Все куски лежали на месте, и только отсутствовал коричневый.

— Где у вас недостающий кусок? — строго спросил следователь.

— Кончился, наверное, — удивилась Зоя Павловна.

— Полностью кончился?

— Ну, может быть, какой-то кусочек остался. Надо посмотреть в подвале. Моим пластилином пользуются все. Даже сторожа приходят и отламывают.

— Вы работаете с пластилином?

— А как же? Я на пластилин леплю бирки. Каждый Божий день. Только с ним и работала, пока производила опись.

Карасев задумчиво взгляделся в женщину и вдруг сказал:

— А вы знаете, Зоя Павловна, что наружная дверь запасного входа все три года была открытой? Только, пожалуйста, не говорите, что вы этого не знали?

Михайлова побледнела.

— А это не ко мне. Это к Алле Григорьевне.

— Алла Григорьевна сказала, что замки — ваша компетенция. Кажется, на вас возложено следить за дверями?

— Ну, знаете ли, — вспыхнула Михайлова. — Пусть она сама разбирается с этими дверями и со всеми остальными, кого она через них водит. Так ей и передайте, а я на эту тему больше говорить не желаю.

Зоя Павловна отвернулась к окну, а брови Карасева удивленно взметнулись вверх.

— Правильно ли я вас понял, Зоя Павловна? — произнес он как можно спокойнее. — Петрова пользовалась черным ходом и даже водила через него гостей?

— Ничего такого я не говорила, — отшатнулась Михайлова. — Я имел ввиду совсем другое: что финансовой частью заведует она, и не моя вина, что на замки не выделяют денег...

— Нет уж, Зоя Павловна, начали, так договаривайте, — нахмурился следователь. — Иначе я буду вас рассматривать, как соучастницу убийства.

— Да, неужели вы думаете, что Локридского убила Алла Григорьевна? Уж у кого, у кого, а у нее с ним были доверительные отношения.

— Пожалуйста, поподробнее, — насторожился Карасев.

Глаза Михайловой забегали. Она метнула взгляд на дверь и, снизив голос до полусшепота, произнесла:

— Только я вам ничего не говорила, а вы от меня ничего не слышали. Договорились?

— Заметано!

Михайлова снова испуганно покосилась на дверь:

— У Аллы Григорьевны есть ключ от одной из дверей запасного входа. Иногда вечером после работы она им пользуется.

— Зачем? — разинул рот Карасев.

— Для конспирации. Она сюда по ночам водит мужчин.

— Каких мужчин? — вытаращил глаза Тарас.

— Не знаю каких. Знаю только одно, что иногда водит, и что они частенько после ухода оставляют запасную дверь незапертой. Я неоднократно об этом говорила. А ей, как об стенку горох.

— Кто еще из персонала об этом знает?

— Думаю, сторожа знают все, хотя не уверена. Локридский точно знал. Она старалась приходить в его дежурство, за что он и получал еще полставки дворника. Вот и все, что я знаю. Еще раз прошу вас, на меня не ссылайтесь.

— Договорились! — щелкнул пальцами Тарас, выскакивая из кресла. — И последний вопрос: Локридский мог взбрыкнуть, наблюдая это дело? Ну, начать шантажировать Аллу Григорьевну...

— Яковлевич? — пожала плечами Михайлова. — Никогда в жизни. А зачем? Терять теплое место сторожа и халявные полставки дворника...

Карасев выскочил из кабинета и побежал разыскивать Соколова. Найдя его под лестницей, он сказал ему:

— Есть подозрения, что следы женских кроссовок и туфель — это одного и того же человека.

— Да, по размеру они совпадают.

— Прекрасно! А что с сигнализацией?

— Дверь разблокирована. В коробке стоит жучок. Причем уже лет пять, не меньше.

— Отлично! — сверкнул глазами Карасев и направился к директрисе.

Когда он без стука вошел в ее кабинет, она побледнела, все поняв по глазам. «Попалась?» — злорадно подумал Карасев и присел напротив:

— Алла Григорьевна, позвольте задать вам несколько неприятных для вас вопросов. Это не допрос, нет! Вы можете не отвечать, но тогда мне придется вызвать вас повесткой.

Директриса холодно хлопнула глазами.

— Скажите, Алла Григорьевна, у вас есть ключи от запасного выхода.

— Нет! — коротко ответила она. — Все ключи у Михайловой. Я уже вам об этом говорила.

— А когда вы в последний раз выходили через черный ход?

— Не помню, — буркнула директриса и отвела глаза.

— А чем вы объясните такой факт, что на ручке двери черного входа отпечаток вашей ладони.

В глазах директрисы появилось негодование:

— Не знаю, — произнесла она сквозь зубы. — Возможно это какой-то давнишний отпечаток.

— Алла Григорьевна, — отпечаток недельной давности. Вы были последняя, кто касался этой ручки. Также вы были последняя, кто подходил к запасным дверям, видимо для того, чтобы запереть их изнутри. Не отпирайтесь! На полу у дверей следы ваших туфель.

Директриса со стоном вздохнула и, поставив локти на стол, закрыла ладонями глаза.

— Действительно, — произнесла она после тягостной паузы, — три дня назад я запирала эту дверь.

— А говорите, у вас нет ключа.

Алла Григорьевна оторвала от лица руки и пронзила следователя ненавистным взглядом.

— Я говорила вам, что у меня на работе не было ключа. А дома ключ был. Я совершенно случайно обнаружила, что дверь черного входа открыта. Тогда я принесла из дома ключ и заперла дверь. Что здесь странного?

— А почему вы не взяли ключи у Михайловой? И почему, наконец, не сделали ей выговор за открытую дверь?

— Сначала Михайлову я не нашла, а потом забыла, — с раздражением пояснила директриса. — Про открытую дверь вспомнила только дома. Тогда я пошарила по тумбочкам и нашла запасной ключ от этой двери. На следующий день пришла на работу и заперла дверь.

— И не стали разбираться по поводу того, что двери запасного выхода были открытыми черт знает сколько времени?

— Я с этим разберусь. А тогда мне было не до этого.

— Почему же вы об открытой двери не заявили нам?

Глаза Михайловой стали совсем тоскливыми.

— У вас и без этого хватало забот.

— Но, может быть, преступник прошел через черный ход?

— Нет! Он прошел через вестибюль.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что он магнитом разблокировал входную дверь.

— Но, может быть, он магнит прилепил для того, чтобы запутать следствие? Алла Григорьевна, где логика? У вас в музее совершено убийство. В этот же день вы обнаруживаете, что двери черного входа открыты. Вместо того, чтобы поднять шум и сообщить об этом следователю, вы втихомолку ищите ключ и, тем самым, оставляете музей открытым еще на одну ночь...

— Но почему же еще? — взорвалась Михайлова. — На калитке висел замок.

— Нет, Алла Григорьевна, тогда он еще не висел! Вы его повесили на другой день после убийства и тоже втихомолку. До этого калитка не закрывалась три года. И вы это знали. Если бы не знали, то спросили бы за это безобразие с Михайловой. А вы все держите втайне! Где логика?

— Что вы этим хотите сказать? По-вашему, я убила Локридского? — воскликнула Михайлова.

— Конкретно, не вы. Но ваш друг вполне мог убить.

— Какой еще друг?

— Который носит обувь сорок седьмого размера и который имеет кулаки с пивную кружку, и который неплохо разбирается в сигнализации. Ведь дверь черного хода была разблокирована весьма квалифицировано. Не так ли?

Михайлова в ужасе поднялась со стула и закричала, срывающимся голосом:

— Как вы смеете обвинять меня в убийстве! Кто вам дал на это право. Я вам больше ничего не скажу! Я требую адвоката!

Она судорожным движением вытащила откуда-то платок и, приложив его к лицу, выскочила из кабинета.

Карасев остался в полном одиночестве. «Наконец докопался хоть до какой-то ясности», — подумал он не без гордости. Однако через пятнадцать минут его охватило беспокойство. Тарас спустился к вахтерше и спросил, не выходила ли из музея директриса?

— Выходила. И очень поспешно! — ответила вахтерша.

В это время сзади подошла смотрительница зала восковых фигур Вера Алексеевна. Она таинственно поманила Карасева пальцем, после чего, схватив за рукав, потащила в зал. Подозрительно оглянувшись и убедившись, что вокруг никого, она опустила руку в карман халата:

— Я вам говорила, что Берия не равнодушен к великой княжне Марии? Я это давно заметила. Вот доказательство! Взгляните, что я обнаружила в зале около этого паразита: штучка далеко не из туалета Лаврентьевича.

Смотрительница извлекла из кармана белые женские трусики и протянула Карасеву. Следом из того же кармана она достала узкие очки Бери.

— А это я нашла в рукаве у княжны. Стирала пыль с ее руки, вижу, что-то торчит. Пригляделась очки!

Карасев с изумлением принял и то, и другое. Трусики были Ленкины, поэтому он сразу спрятал их в карман. А очки пришлось передать Соколову на экспертизу.

В тот день директриса больше не появлялась. Не появилась она и на следующий день. Работники музея пожимали плечами и ничего

вразумительного по этому поводу сказать не могли. Домашний телефон Михайловой тоже не отвечал. Сотовый был отключен. Такое наглое исчезновение директрисы очень нервировало Карасева.

— Как только она объявится, тут же позвоните мне, — наказал он вахтерше.

Если еще и Сафронов не явится на допрос в прокуратуру, будет — полная труба. Но Сафронов явился. Причем, минуту в минуту, как и было написано в повестке: «к 12:00».

Когда он вошел и сел на стул, Карасев сразу вызвал эксперта. С художника сняли отпечатки пальцев и соскоблили грязь с его обуви. Кроме того, состригли ногти. Живописец ко всем этим процедурам отнесся с философским спокойствием.

Его ладони были, как лопаты, а ботинки сорок седьмого размера. Кроме того, Соколов, недвусмысленно подмигнув, положил перед следователем копию заключения экспертизы, где черным по белому было написано, что отпечатки пальцев на очках Берии идентичны с отпечатками пальцев на двери от черного хода.

Карасев протянул подозреваемому подписать бумажку об ответственности за дачу ложных показаний, но художник отрицательно покачала головой и сказал:

— Я правдиво отвечу на все ваши вопросы без всякого подписания. Но давайте сначала поговорим без протокола. Дело здесь деликатное, и я очень надеюсь, что в вашем заведении имеют представление о порядочности. Взамен обещаю быть предельно откровенным.

— Что ж, в таком случае ответьте мне на такой вопрос, — строго начал Карасев, — где вы были вечером третьего октября с десяти до половины двенадцатого.

— Провожал домой даму, — сдержанно улыбнулся художник.

— Она может это подтвердить?

— К сожалению, дама этого подтвердить не может, — шумно вздохнул художник, — поскольку она — замужняя женщина.

Карасев нахмурился. Ответ ему пришелся не по душе.

— В таком случае, кто может подтвердить, что вы в тот вечер не были в музее?

— А кто вам сказал, что я в тот вечер не был в музее? — странно усмехнулся художник. — Я был в тот вечер в музее. Но немного пораньше: где-то с девяти до десяти. А в десять мы как раз из него вышли.

— С той самой замужней женщиной?

— Совершенно верно.

Карасев растерялся. Он смотрел в спокойные глаза художника и не знал, как дальше вести допрос. Прежняя схема рассыпалась в пыль.

— Замужняя дама, насколько я догадываюсь, — это Алла Григорьевна?

— Вы правильно догадываетесь, — утвердительно кивнул художник. — Но не правильно делаете, что впутываете ее в убийство сторожа. Она здесь совершенно ни при чем. Я ее знаю давно. Аллочка на такое не способна. Как вы уже догадались, у нас с ней роман. Более того: он у нас длится уже восемнадцатый год. Мы не знаем, когда и чем закончится это безумие и во что, в конечном итоге, оно выльется.

Художник сел поудобнее и пригладил седеющий висок.

— Мы с ней учились вместе в университете. Хотели пожениться. Уже подали заявление в ЗАГС, но тут она поехала с подружками на юг и, как это обычно бывает, познакомилась с Алуште с красивым парнем. После этого они вернулись вместе, и она вышла за него замуж. Ну, я, естественно, тоже женился. Только наша страсть друг к другу вспылала с новой силой. После того, как у нас появились дети, у нее — двое, и у меня — трое, мы стали тайно встречаться. И вот с тех пор так и живем: где попало встречаемся, а через час расстаемся. Сначала она приходила ко мне в

мастерскую, но среди соседей поползли слухи. И тогда мы решили по вечерам встречаться у нее в музее.

— И чтобы не раздувать сплетни, вы перестали посещать музей днем? И даже появляться на собственных презентациях.

— Как вы проницательны, молодой человек! Ну, подумайте сами, зачем мне посещать выставочный зал днем, когда любую выставку я могу спокойно посмотреть вечером с бокалом шампанского в руках и с любимой женщиной в обнимку, — грустно улыбнулся художник.

— Вы заходили в музей через черный ход?

— Да, через двор и задние двери. Оттуда лестница ведет сразу на второй этаж, так что со сторожем мы не сталкивались. Двери черного хода я разблокировал, так что милиции мы тоже не опасались. Сигнализация железная, ночные сторожа понятливые, себя мы вели тихо, мусора не оставляли. Словом, все было чин-чинарем.

— Сколько же лет вы встречаетесь в музее?

— Три года.

— И за это время вас ни разу не засек ни один сторож?

— Ни разу. Сторожа в музее тихие. Буйных и любопытных Аллочка сразу увольняла. К тому же, я подозреваю, что с некоторыми из них у нее была договоренность, чтобы по таким-то и таким дням не совались на второй этаж.

— Локридскому она за это даже доплачивала, — проявил осведомленность Тарас.

— Какому Локридскому? Причем здесь Локридский? — нахмурился художник.

— Сторожа, которого убили. Я же вам говорил.

Глаза художника сделались стеклянными.

— Тот самый Локридский с ГТС? Вы хотите сказать, что он работал в музее сторожем?

— Работал. И довольно долго. Лет десять. Сразу после того, как его выгнали с ГТС. Вы разве не знали?

— Откуда я мог знать? — пожал плечами художник. — Какие, однако, фортеля выкидывает жизнь. Нет, я, конечно, в курсе, что в музее замочили сторожа. Но когда я от вас услышал, что убили Локридского, мне и в голову не пришло, что вы имеете в виду того самого сторожа из Аллочкиного музея.

Карасев недоверчиво всмотрелся в Сафронова и подумал, что если он и прикидывается неведующим, то весьма профессионально.

— Кто бы мог подумать, что так переплетутся наши судьбы? — покачал головой художник. — Локридский — это какой-то мой черный человек, который и после смерти продолжает откусывать куски моего покоя и даже некоторой степени благополучия. А ведь такое ничтожество. Варвар! Античеловек!

— Что значит, античеловек? — выгнул брови Карасев.

— Это тот, которому не дано понять устремлений человеческого духа. Которому, образно говоря, не дано наслаждаться пением соловья. Но именно такие никогда не пройдут мимо соловья, а обязательно его поймают, вырвут язык и съедят.

— Ну, вы хватили! — занервничал Карасев.

— Вы думаете это метафора? — покачал головой художник. — В Древнем Риме соловьиные языки считались изысканным деликатесом. Что это, как не варварское надругательство над человеческой душой, ибо во все века соловьиное пение считалось бальзамом для души.

— Но давайте, Федор Ильич, все-таки вернемся к тому дню. Итак,

третьего октября в девять вечера вы вошли на второй этаж и...

— Ну что «и»? Вы хотите знать эротические подробности?

— Нет! Я хочу знать, слышали ли вы что-нибудь подозрительное?

— Ничего я не слышал.

— Но, может быть, Алла Григорьевна что-нибудь слышала?

— И она ничего не слышала. Когда мы встречаемся, мы ничего не слышим и не видим.

— Но, может быть, она спускалась на первый этаж, в туалет или еще зачем-то: проверить сторожа, все ли у него нормально.

— Она никогда не проверяет сторожей. Она старается с ними не встречаться, чтобы было меньше разговоров. И в туалет она не спускалась. Около десяти мы тихо и мирно вышли из музея через двор и отправились домой.

— Двери за собой не заперли?

— Не помню. Кажется, не заперли. Когда входили, двери точно были не запертыми. Обычно перед свиданием Алла Григорьевна уходит из музея последней. Она проверяет кабинеты, все ли ушли, чтобы потом не получилось конфуза. Потом она спускается в подвал и отпирает запасные двери, чтобы не скрежетать на весь музей ключами. А дверь запирает обычно на следующее утро.

— Вспомните, когда вы выходили, не заметили ли поблизости что-нибудь подозрительное?

— Ничего не заметили.

Карасев вздохнул, и вдруг вспомнил:

— А зачем вы сняли с Берии очки?

Сафронов поморщился.

— С Берии? Это было месяц назад. Я их не снял, а нашел на полу в коридоре. Мы с Аллочкой спустились посмотреть выставку. Сторож в это время был в отрубе. Вернее, мы думали, что он в отрубе. На самом деле, не успели мы толком осмотреть фигуры, как услышали его шаги. Он спьяну начал шастать по музею и нам пришлось спрятаться за фигуры. Только после того, как он спустился в туалет, я сунул очки в рукав какой то фигуре, поскольку на Берии очки уже были, и мы убежали...

— Ах, вот он что, — понятиливо улыбнулся Карасев, соображая, что художник по поводу убийства не прояснил ничего.

— А где сейчас Алла Григорьевна?

— Она очень напугана. Вы ее не трогайте. Аллочка прячется у меня в мастерской. Как мужчина мужчине прошу вас не придавать общественной огласке нашу тайну.

Карасев немного подумал и пообещал, что эту историю он не станет рассказывать прессе. Тарас отпустил художника на все четыре стороны с подпиской о невыезде и впал в депрессию.

Все, что рассказывал художник, было похоже на правду. Вряд ли он мог убить Локридского из мести. Однако живописец мог пристукнуть сторожа за то, что он их шантажировал. Почему нет? Обычная житейская ситуация.

Тогда зачем понадобилась вся эта чехарда с магнитом? Ну, грохнули бы тихо сторожа, подтерли следы и культурно исчезли. Так нет! Мажут руки Берии кровью Локридского, затем в карман фигуры суют магнит. Зачем?

Карасев поразмыслил и решил, что возможно для того, чтобы сбить с панталыку следствие. Действительно, наутро Петрова приходит на работу первой, снимает магнит, стирает с него отпечатки и прячет его в карман Берии. Потом она нагло врет, что видела открытой дверь отдела Гончарова, и валит все на Александрову с вытекающими отсюда последствиями.

В этом случае, некая логика здесь присутствует. Однако, если все так, то

дальнейшие действия совершенно не логичны: влюбленная пара аккуратно стирает отпечатки с разводного ключа, с ручек дверей в вестибюле, с крючка, но оставляют кучу следов со стороны черного хода...

На этих размышлениях в кабинет вошел Соколов и сообщил новость: отпечатки пальцев Сафронова идентичны с отпечатками пальцев на ручке запасной двери. Также они идентичны с отпечатками на очках Берии. Следы ботинок тоже совпадали один к одному.

— Усекаешь? — подмигнул эксперт.

— Усекаю. Что еще?

— На входной двери центрального входа остался отпечаток носка кроссовок приблизительно сорок второго размера. Центральную дверь открывал кто-то ступней правой ноги.

Карасев подпрыгнул на стуле.

— Совпадает с теми следами кроссовок, которые вы обнаружили в предбаннике?

— Откуда я знаю? Ты же велел их уничтожить.

Карасев тут же набрал сотовый Берестова:

— Леня, вспомни, перед тем как выйти из музея, ты пинал центральную дверь?

— Ты с ума сошел! Я был с дамой! Джентльмены открывают дверь перед дамой исключительно тремя пальцами левой руки.

— Ах, да. Извини! Я забыл о твоём джентльменстве! У тебя же супруга в Лондоне.

— Хорошо, что напомнил. Ей нужно послать валюту. А ты все выводишь на чистую воду Берию? Кстати, знаешь, о чем я сейчас подумал? Мне кажется, душа Берии здесь ни при чем. Когда я заснул в музее, мне почему-

то не снился Берия.

— Ты еще и заснул?

— Так, немного, вздремнул! Иными словами, отрубился. Но отрубился с установкой увидеть во сне убийцу. Так вот, Берию я во сне не увидел. И знаешь, почему? Потому что он давно в аду. Но зато я увидел Древнюю Элладу. Вот к чему бы это?

26

— А что тебе еще говорил твой историк? — выкатывала глаза Аленка, валяясь на Катиной кровати и болтая в воздухе ногами.

— Ну, ты, подруга, раздобрела. Куда тебя так распирает? — качала головой Катя.

— Когда у тебя будет двое детей, и тебя разопрет! Ну его на фиг! Рассказывай дальше...

— Он говорил, что нынешнее слово — это завтрашняя реальность, — сделала романтическое лицо Катя. — У нашего времени нет внятного слова, а значит завтрашний день лишен внятной реальности. Нынешнее искусство лишает нас светлого будущего, потому что оно лишено светлого начала.

— Это точно! — вздохнула Аленка, переворачиваясь на спину. — Телек смотреть невозможно. Убивают на всех каналах. Откуда нашим детям черпать светлое? Кругом одна уголовка, Катька! Кстати, — Аленка снизила голос до полупшепота, — ой, что будет? Алеха возвращается с зоны. Квартиры нет. Как пить дать, первым делом явится к нам с Мишкой...

— Он что, попал под амнистию?

— Попал! Пять лет чистоганом оттарабанил. Да фиг с ним! Значит, нынешнее искусство лишает нас будущего? Что делать будем, Катя? Давай создадим с тобой что-нибудь светлое, чтобы спасти будущее! Или лучше давай съездим к твоему историку!

— Ты с ума сошла! — засмеялась Катя.

— Это ты с ума сошла. Столько лет прошло, а все о нем помнишь, — покачала головой Аленка. — Поверь моему опыту: он всю жизнь будет стоять перед тобой, как живой... Пока не отдашься. Лучше лишний раз отдаться, чем всю жизнь сожалеть о бездарно прожитых днях.

— Мне сейчас не до чего. На носу защита. Потом сразу поеду в Питер. Меня пригласили работать в Эрмитаж.

— Значит, будешь ученой крысой? — широко зевнула Алена. После чего взглянула на часы и начала лениво сползать с дивана.

— Мне пора Толика забирать из садика. Ой, какая тоска! Ты хоть в Питер уезжаешь, а мне здесь в этой беспросветной Твери гнить и гнить. Увез бы меня кто-нибудь из этой тоскливой страны... Кстати, ко мне клинья подбивает Мишкин брат, Агафон. Обещает увести в Германию. Говорит, у него там все схвачено. Жить будем, говорит, там, как новые немцы.

— Ну, а ты как?

— Никак! Менять шило на мыло? У меня эти Мемноновы поперек горла стоят...

Когда Аленка ушла, сделалось грустно. Катя закрыла глаза и увидела Астерина. Он смотрел на нее все теми же умными, но уже не веселыми глазами и тихо говорил:

— Нынешняя мысль — это материя завтрашней жизни. До тех пор, пока в искусстве не будут создаваться светлые образы, светлому будущему не бывать.

Неожиданно историк снова превратился в Аполлона, а Катя — в вещую Кассандру. Уже наступали сумерки. Вдали простиралась море. По стану греков расползались громадные клубы дыма.

— Художники ближе к Богам, нежели земные цари, — продолжал с грустной улыбкой Аполлон. — Им единственным на земле дано право обтесывать грубые души людей. Да, проклянут люди тех творцов, которые служат не возвышению человеческого духа, а их низменным страстям. — Аполлон взял ее за руку. — Пойдем со мной, Кассандра! Трюю уже не спасти. Если уже творцы взялись за ее разрушение, тут бессильны даже Боги.

— Кого ты имеешь, в виду, Аполлон? — встревожилась вещая дева.

— Художника Эпея. Его искусством восхищался весь Олимп, а теперь он сотворил то, что твой родной город превратит в руины. Но если бы только город. Он превратит в руины твою душу.

Кассандра взглянула в осколок горного хрусталя и увидела в опустевшем стане греков огромного деревянного коня. Вокруг него дымились жилые постройки и военные сооружения бывшего лагеря ахейцев. А по дымящимся головням бродили толпы изумленных троянцев. На их лицах сияла радость.

— Греки отплыли домой! — пожимали они плечами. — Осада с Трои снята.

Среди развалин и головешек, некогда неприступного укрепления греков, стоял огромный деревянный конь.

— Что это значит? — пожимали плечами горожане, глядя на это диво.

Мгновение спустя в осколке горного хрусталя Кассандра увидела пастухов, тащивших с поля напуганного грека Синона. Когда его подвели к коню, он упал перед троянцами на колени и принялся умолять, не убивать старика, поскольку его от смерти спасло только чудо. Он рассказал, что перед тем, как отбыть на родину, сородичи решили принести его в жертву. Но Синону удалось развязать веревки и убежать.

— Что это значит? — спросил Приам у пленника, указывая пальцем на коня.

Синон, не моргнув глазом, ответил, что конь сооружен для того, чтобы умиловить Богиню Афину, разгневанную на греков за похищение палладия. Если троянцы ввезут коня в город, то он станет всемогущей защитой Трои, поскольку греки восхищены мужеством горожан.

Кассандра вырвала свою руку из ладони Аполлона и воскликнула:

— Сделай так, чтобы троянцам не изменил рассудок. Я вижу, что в брюхе лошади затаились враги.

— Ничто так не затемняет рассудок, как радость после лишения. Люди, измученные десятилетней войной, при первых признаках ее окончания уже не в силах поверить в плохое. Такова их природа. Но обещаю тебе, Кассандра, что мой ученик, провидец Лаокоон швырнет в брюхо коня копье, и все услышат лязг железа. Но не захотеть услышать и просто не услышать, к сожалению не одно и то же. Свет надежды также ослепляет рассудок, как солнце ослепляет истинное небо. А теперь пойдем со мной, — протянул руку Аполлон.

— Нет! — покачала головой Кассандра. — Я останусь среди людей.

— Что ж, прощай! — грустно улыбнулся Аполлон. — Мы больше не увидимся на этом свете. На прощание, хочу напомнить, что не пророчества спасают города, а стремление людей к горным высотам.

Он исчез в то же мгновение, как только закончил говорить. Солнце закатилось за море. В стане греков продолжали гореть постройки. На душе Кассандры скребли кошки. «Ничего, все будет хорошо, — успокаивала она себя. — Аполлон держит слово». К прорицателю Лаокоону троянцы всегда прислушивались с большим вниманием.

На городскую стену высыпали люди. Они с изумлением смотрели на пожар в Ахейском лагере, и в их глазах разгоралась надежда. Еще ни один не произнес вслух, что греки спускают на воду корабли и отбывают на

Родину, однако это читалось во всех лицах.

Кассандра отвернулась от моря и пошла прочь. «Радость после лишения ослепляет рассудок так же, как солнце ослепляет истинное небо», — прошептала она слова Аполлона и направилась в храм Зевса. Там вещая дочь Приама снова взглянула в осколок и увидела, как Лаокоон громадным копьем метится в деревянное брюхо коня. От удара копья конь содрогнулся, и в нем глухо звякнули железные доспехи греков. Все услышали этот лязг, но ни один не высказал сомнений относительно подарка своих врагов. «Неужели после этого троянцы потащат коня в город», — с ужасом подумала предсказательница.

На следующий день Кассандра проснулась от радостных криков. Она побежала к городским воротам и с ужасом увидела, что коня волокут на площадь к дворцу Приама.

— Стойте! — закричала она истошно. — Вы тащите в брюхе коня гибель священному Илиону.

Конь остановился. Все, кто были на площади, повернули голову на нее. Стало тихо. «Только бы не запнуться», — подумала она, и крикнула:

— В этом коне находятся греки! Его нужно немедленно сжечь!

С минуту было тихо. Троянцы недоуменно переглядывались, не зная, как реагировать на слова царской дочери. Но внезапно к Кассандре подошла ее мать Гекуба, обняла за плечи и сказала:

— Уходи, Кассандра! Не омрачай горожанам праздник. Не пристало царской дочери портить радость, которую послали Боги.

И вдруг по задним рядам толпы прокатился несмелый смешок. Его подхватили средние ряды, и вскоре вся площадь разразилась грубым развязным хохотом. Горожане опять впряглись в коня и потащили его на главную площадь города.

Отец, встретившись глазами с дочерью, нахмурился и прошел мимо. «Теперь город спасти может только Елена» — мелькнуло в голове у жрицы,

и она поспешила во дворец Париса...

Неожиданный телефонный звонок согнал Катю с постели. Она вскочила и побежала в зал, на ходу проклиная того, кто отвлек ее от этого прекрасного сна. Разумеется, звонила она, неугомонная Аленка.

— Катька, ты что, заснула? Извини, если разбудила.

— Ближе к делу. Чего звонишь? — сердито пробормотала Катя, еще не возвратившись в реальность.

— Знаешь, Катя... — начала мямлить Аленка. — Ты, конечно, меня будешь ругать за то, что я суюсь не в свои дела...

— Ну-ну, не тяни резину...

— Послушай, я звонила в Ульяновский университет и выяснила, что Александр Астерин уже давно там не работает. По слухам, он уехал за границу, кажется, в Канаду. Давай и мы с тобой уедем, Катька! Вот только, где взять деньги?

Девушка долго осмысливала слова подруги и все никак не могла понять смысл. Наконец произнесла.

— Дура, тебя кто просил разыскивать?

— Ты что, расстроилась, Катька? Ты расстроилась, что он за границей? Мы найдем его, не переживай!

— Не найдем мы его уже никогда, Аленка! Потому что он ни в какой не в Канаде, а на небе!

— Типун тебя за язык, Катька!

— Это не то, что ты подумала. Он на небе потому, что он Бог, а не человек. Не зря же его фамилия Астерин, что означает, рожденный на острове Астерия. А на острове Астерии родился Аполлон.

С утра Карасева вызвал прокурор.

— Что у тебя с убийством в музее? Продвигается? Начальство уже нервничает. В чем дело? Почему тормозишь? Я тебя не узнаю, старик! Столько дней расследуешь, и нет даже версии.

— Версии есть, — вздохнул Карасев. — Только какие-то нетипичные для нашего региона.

Первую версию, что художник Сафронов грохнул Локридского за долг десятилетней давности, шеф отмел сразу.

— Соображай, Тарас. На такое способен только маньяк, но никак не художник. Кроме того, уж совсем невероятно, что в это убийство он мог втянуть любовницу. Нет! Все это чушь собачья!

На вторую версию, что художник разбил башку сторожу за то, что тот пытался шантажировать влюбленную пару, начальник почесал за ухом.

— История, конечно, романтическая, — мечтательно хмыкнул шеф. — Говоришь, восемнадцать лет встречаются, и никто ни ухом, ни рылом? Во дают! Это точно не типично для нашего региона... Вот раскопал, так раскопал. Ты действительно, Тарас, пока воздержись афишировать. Все равно в качестве версии это ни черта не годится. Ну, не может простой российский сторож шантажировать своего директора, от которого полностью зависит, который одним росчерком пера может выкинуть на улицу по любой статье. Нет, не то! Сторож своим шантажом больше бы потерял, чем приобрел.

— Но так уже было! — горячо возразил Карасев. — Ради того, чтобы зажить пятьсот долларов, он лишился блатной работы.

— Нет-нет, настоящие художники не служат мамоне. Гений и злодейство — вещи несовместимые. А Сафронов гений. Я видел его картины. Правда, в них ни черта не понял, но то, что они гениальны — этого не отнять.

— А директриса сбежала — это факт! — не сдавался Карасев. — Ее поведение с самого начала показалось мне странным. Во-первых, убийство она пыталась свалить на свою заместительницу, Михайлову. Во-вторых, доказывала мне, что в тот день пришла на работу позже Александровой, тем самым намекала, что магнит могла снять она. В-третьих, когда я прижал ее с отпечатками пальцев, Михайлова просто сбежала с работы. И кстати, уже третий день не появляется в музее!

— Неужели пустилась в бега? — удивился шеф. — Здорово, значит, ты ее прижал. Впредь с женщинами будь поосторожнее, тем более, с любовницами художников. Поскольку, это особые женщины. А Сафронов, кстати, не сбежал?

— Сафронов нет. Вчера он приходил в прокуратуру на допрос.

— Слава Богу! — скептически произнес шеф. — А кстати, как она пыталась доказать, что пришла на работу позже своей сотрудницы? Пришла, увидела, ткнула пальцем, что ли?

— В том-то и дело, что нет! Саму Александрову директриса не видела. Видела только открытую дверь ее кабинета.

— Александрова, говоришь, — поморщился шеф. — А как ее зовут?

— Екатерина Алексеевна.

— Екатерина Алексеевна, — пробормотал шеф. — Екатерина Александрова... Катя...

Шеф запнулся и впился Тарасу в глаза.

— Сколько ей лет?

— На вид двадцать два.

— Я тебя спрашиваю не на вид. Сколько ей лет фактически?

Карасев виновато пожал плечами, а шеф грозно сдвинул брови.

— Она приезжая?

— Да.

— Откуда?

Карасев опять пожал плечами, но шефа ответ уже не интересовал.

— Катя Александрова! — воскликнул он и вдруг хлопнул себя по лбу. — Немедленно отправляйся в архив и быстро изучи материалы дела «Маньяка-антихриста». Его первой жертвой была Катя Александрова.

Память шефа не подвела. Это была она. Карасев долго всматривался в фотографию семнадцатилетней девочки Кати, и сердце его сжималось. На него из казенной серой папки смотрело худое детское личико с потухшими глазами и пышной копной волос. В каком году это произошло? В октябре девяностого. Значит ей сейчас двадцать семь.

Карасев углубился в чтение материалов. Она приехала из Твери. Поступила в Государственный университет на факультет журналистики. Проучилась чуть более месяца... Третьего октября девяностого года с ней это произошло.

«Но в девяностом на тот же факультет поступил Женька Городецкий, — вспомнил Карасев. — Значит, он должен ее помнить...»

Маньяк настиг ее на крыльце Православного храма, на который забежала она, чтобы найти защиту от преследователя. Сторож в это время отсутствовал, и маньяк изнасиловал ее прямо на паперти. Потому он и получил прозвище «Маньяк-антихрист».

Далее Карасев ознакомился с показаниями жертвы. Она ничего не помнила, поскольку сразу потеряла сознание, едва насильник зажал ей рот. Ее подобрала патрульная машина и доставила в тринадцатое отделение милиции.

К материалу дела было подшито медицинское свидетельство пострадавшей. Перенесенный шок не прошел бесследно. К девушке вернулся ее врожденный дефект — заикание.

Карасев пролистал ее «Личное дело». Поскольку маньяк до сих пор не пойман, сведения о первой жертве продолжали поступать в отдел и подшиваться в ее папке. В девяносто первом она поступила на исторический факультет Московского педагогического университета. В девяносто шестом закончила с отличием, после чего была принята на должность научной сотрудницы в Эрмитаж, где работает по сегодняшний день.

«Как по сегодняшний день? Что-то путают архивисты». Карасев пожал плечами и снова взгляделся в фотографию. Может, не она? Да нет, точно она! Больше ни у кого нет таких пышных волос и роскошных ресниц. Только что эта девушка делает в этой средневожской дыре, тем более, после Санкт-Петербурга?

Карасев не стал возвращать материал в архив. Он отправился с ним в областной угрозыск к капитану Меркулову, который занимался «Антихристом». По счастью сыщик оказался на месте.

— «Антихристом» интересуешься? — удивился он, неохотно отрываясь от бумаг. — Дело темное и незаконченное. Уже четвертый год о нем ничего не слышно. Но это не значит, что маньяк прекратил охотиться на девушек. Просто затаился. Он очень хитер и осторожен. Бегает, кстати, очень хорошо! Это не шутка: шесть изнасилований и ни одна из жертв не может ничего толком рассказать.

— Просто невидимка! — поддержал разговор Карасев. — Меня, Алексей Борисович, больше всего интересует Катя Александрова, первая жертва.

— Так все есть в деле, — сказал капитан.

— С материалами я ознакомился. Мне бы хотелось, услышать от тебя что-нибудь эксклюзивное.

— В принципе, мне дополнить нечем, — пожал плечами капитан. — Что первая жертва, что вторая, что все остальные — все они юные девочки шестнадцати-семнадцати лет. Да вот что: все жертвы похожи друга на друга, как две капли воды.

— Внешне?

— Причем здесь внешне. Внешне они разные. Среди них и блондинки, и брюнетки, и шатенки... Хотя нет. Внешне они тоже похожи: все, как одна, тонкой кости.

— И голубой крови, — добавил Карасев.

— Пожалуй, что и голубой, — задумался капитан. — Но их сходство в другом: все жертвы «Антихриста» — девочки нетипичные. Они все отличницы, умницы и не от мира сего.

— С Божьей искрой что ли? — уточнил Карасев.

— Да, типа того.

— А какой из себя маньяк?

— Если бы я знал, какой из себя маньяк, я бы здесь не сидел, а отбывал наказание за то, что придушил его собственным руками. Судя по всему, тип он неприметный, возможно тихий, но терпеливый. Он выслеживает свои жертвы в тихих районах, пугает их и потом в течение получаса гонится за ними, не показывая себя. Психика жертвы не выдерживает. Когда он подходит сзади и зажимает ей рот, она уже готова: не может от страха ни пискнуть, ни пальцем пошевелить. Он перекрывает сонную артерию, и девочка сразу отключается. Шесть жертв. И ни одна не видела не только его лица, но даже рукава одежды. Одна, правда, описала его указательный палец: кривой, грязный, с черным ногтем, что говорит о том, что насильник

не из интеллигентной среды. Да еще Катя Александрова описала его раздолбанные кирзовые ботинки со сбитыми носками и ржавыми клепками. А вокруг клепок выцарапаны гвоздем лепестки ромашек...

— Стоп! — подпрыгнул на стуле Тарас. — Кажется, я где-то видел такие ботинки! Причем, совсем недавно. А, может, ошибаюсь! Извини! Продолжай!

— А продолжать больше нечего. Если ты действительно увидишь на ком-нибудь такие ботинки, сразу позвони мне.

— Хорошо. Я попробую вспомнить. Но у тебя наверняка есть подозреваемый?

— Есть один. Но у него всегда железное алиби.

Карасев пожал капитану руку и поспешил в прокуратуру. Нужно было немедленно установить, та ли это Катя Александрова, на которую десять лет назад напал «Маньяк-антихрист», и если та, то нужно срочно выяснить, что она делает в этом городишке?

Первым делом Карасев позвонил художнику Сафронову. Если он пустился в бега вслед за Петровой, то Тарас объявит его в розыск. Однако не в какие бега живописец не пустился.

— Ильич у аппарата, — услышал Тарас знакомый голос.

— Федор Ильич, это Карасев. Передайте, Алле Григорьевне, что она может выходить из подполья. Я вышел на след настоящего убийцы. Жду ее звонка.

«Если не позвонит, значит, убила эта пара», — подумал Карасев и набрал номер телефона местного телевидения.

— Нельзя ли услышать Городецкого?

— Городецкого можно услышать всегда! — ответил бодрый мужской голос.

— Женька, у меня к тебе просьба, — попросил Карасев, узнав Городецкого. — Напряги мозги и вспомни одну девушку, с которой ты поступал в университет. Ее звали Катей. На нее напал маньяк...

— Александрову что ли? — перебил Городецкий. — Прекрасно ее помню. Эффектная была девушка. От нее тащился историк по античке Астерин. К сожалению, история с ней приключилась невеселая.

— Понятно! Что это за историк по античке? Расскажи!

— Ну, был такой препод у нас в университете: молодой, симпатичный. После того как с Катькой это случилось, он запил и ушел из университета. А потом эмигрировал в Канаду.

— Слушай, ты можешь узнать ее в лицо?

— Кого? Катьку? Да, запросто!

— Но прошло десять лет.

— Да хоть двадцать!

— В таком случае, жду тебя через полчаса у входа в музей.

Карасев водворил трубку на место, но тут раздался нетерпеливый звонок. Звонила Петрова.

— Тарас Александрович, я не убивала Локридского, — пролепетала она с судорожным всхлипом.

— Я знаю, Алла Григорьевна, успокойтесь, — произнес Тарас, как можно мягче. — Я хочу вам задать вопрос относительно вашей сотрудницы Александровой. Вы сказали, что она нездешняя. Откуда она приехала?

— Катенька из Твери. Она приехала поступать в наш университет на исторический факультет. Полтора месяца назад попросилась к нам в музей на полставки младшей научной сотрудницы. Ну, я вижу, девушка серьезная, старательная, вот и взяла.

— Ее трудовая книжка лежит у вас?

— Ну, какая трудовая книжка, когда человек работает на полставки.

— Свой диплом она, конечно, тоже не показывала?

— Какой диплом? Она только что окончила школу. Сейчас мы берем на работу без дипломов. Почему бы нет, когда у человека способности к научным исследованиям. Тем более что на такую зарплату сейчас мало кто пойдет...

28

Приблизительно в половине шестого Карасев с Городецким встретились на крыльце музея. Обменявшись рукопожатиями, они вошли в помещение и сразу наткнулись на сторожа Коробкова. Он только что заступил на дежурство, переоделся и вышел в вестибюль полюбезничать с вахтершей. Увидев Карасева Коробков широко улыбнулся и пошел навстречу.

— Здравствуйте, Тарас Александрович! — произнес он, хитро подмигнув. — Вы сегодня без «экспертш»? Очень жаль. Хорошие у вас «экспертши».

Карасев тряхнул ему руку и уже открыл было рот, чтобы произнести достойный ответ, как вдруг его взгляд упал на ноги. От неожиданности Тарас вздрогнул. Сторож был обут в старые кирзовые ботинки со сбившимися носами и ржавыми клепками. Вокруг клепок были выцарапаны кривые волны в виде лепестков ромашек. Карасев выдернул свою ладонь и впился сторожу в глаза.

— Что-то не так? — попятился Коробков, уловив неладное.

— Все так, — ответил Карасев и, схватив Городецкого за рукав, потащил его за угол.

— Женька, не спускай со сторожа глаз! Стой здесь, за углом, а я сейчас вызову опергруппу.

Не теряя времени, Карасев набрал номер капитана Меркулова и, прикрыв ладонью рот, прошептал:

— Алексей Борисович! Нашел! Нашел те ботинки, которые вы разыскиваете! Они на стороже музея, Коробкове.

— Все понял! — ответил капитан. — Следите за сторожем. Через десять минут будем.

Ровно через десять минут к музею подъехал милицейский «УАЗик». Три орла в камуфляжной форме влетели в вестибюль, набросились на Коробкова, закрутили ему руки за спину и втолкнули в каптерку. Туда же, не спеша, вошел капитан Меркулов. Вахтерша на эту процедуруотреагировала довольно спокойно, а у Городецкого отпала челюсть.

— Что это было? — спросил он.

— Сам не знаю, — ответил Карасев и, взяв его за рукав, потащил через зал с восковыми фигурами в отдел Гончарова. Через минуту они ввалились в кабинет младшей научной сотрудницы: Городецкий с растерянной физиономией, а Карасев с решительно выпяченным подбородком. Но после того как Александрова подняла на них глаза, лицо Городецкого патриархально просветлело:

— Катька, привет! Ты здесь какими судьбами?

— Женька! Я тебя не узнала. Богатым будешь. Ты как? Университет закончил?

— Еще пять лет тому назад.

— А ты?

— А я снова поступила. На исторический. Заочно, — ответила Катя и покосилась на Карасева.

Карасев почувствовал себя несколько лишним.

— Без меня никуда не уходите, я сейчас вернусь, — сказал он и помчался по коридору, через вестибюль в каптерку.

Три архаровца в камуфляжной форме возвышались над красным от страха сторожем. Напротив него на стуле сидел капитан и сверлил его своим орлиным взором. Когда Карасев толкнул дверь сторожки, все взоры устремились на него. Тарас почувствовал, что его явление здесь было не совсем уместным, поэтому деликатно попятился назад. Но капитан остановил.

— Спасибо, Тарас Александрович, за ботинки. Теперь их нужно везти в Тверь на опознание.

— Никуда везти не надо! — ответил Карасев. — Александрова здесь, работает в отделе Гончарова. Когда закончите, подходите с ботинками. Я буду у нее.

Карасев вернулся в отдел Гончарова, где Женька с Катей оживленно вспоминали своих однокурсников. Теперь самое главное было выяснено. Катя — та самая, которая по документам окончила Московский педагогический университет и которая числилась научным сотрудником Эрмитажа.

— Ну, все, теперь оставь нас, — грубо вмешался Карасев, взглянув на Городецкого.

Оба недоуменно замолчали.

— Ты что, Карась, выпил?

— Спасибо, Женя, — ответил Карасев ледяным тоном и указал глазами на дверь.

Журналист пожал плечами, растерянно улыбнулся и, перед тем, как выйти, сказал Кате:

— Пока! Мы еще увидимся.

— Ну, что, — тяжело вздохнул Карасев, — усаживаясь напротив Александровой. — Извините, Екатерина Алексеевна, за глупый вопрос, но все-таки, какими судьбами вы в нашем городе?

— Если можете, сформулируйте ваш вопрос поточнее, — обаятельно улыбнулась она. — Я не понимаю, что вам от меня надо?

— Хорошо, спрошу прямо: что вы делаете в нашем городе? — сощурил глаза Карасев.

— Как видите, работаю, — спокойно ответила девушка.

— То есть, вы приехали к нам работать? — уточнил Тарас.

— А разве не имею права?

— Имеете. Но почему вы приехали работать именно к нам?

— Потому что мне интересна история этого края. Вас удовлетворяет мой ответ?

— Вполне. Но я слышал краем уха, что вы приехали к нам учиться. Не так ли?

— Да, — улыбнулась она. — Я всегда мечтала учиться в вашем университете.

— И вы уже учитесь?

— На заочном отделении исторического.

Карасев долго смотрел в ее глаза и не мог ничего прочитать. Это сильно злило. А еще следователь по особо важным делам!

— А зачем вам два исторических факультета? Один, насколько мне известно, вы уже окончили с отличием в Московском педагогическом университете.

Катины глаза потухли. С минуту она раздумывала и вдруг обаятельно улыбнулась.

— А хочу закончить еще этот университет. Разве законом запрещено?

«После гуманитарного снова в гуманитарный? Конечно, запрещено!» — хотел ответить Карасев, но в это время в кабинет вошел капитан Меркулов с ботинками в руках.

— Здравствуйте, Катя, — произнес он с улыбкой. — Очень рад вас видеть в полном здравии и в хорошем настроении.

— Добрый вечер, Алексей Борисович, — прошептал Александрова, испуганно впиваясь в ботинки.

— Узнаете! — спросил капитан, перехватывая ее взгляд. — Это они?

Девушка вскочила со стула и попятилась. Ее глаза наполнились ужасом. С минуту Александрова смотрела на них, не моргая, и вдруг затряслась:

— Э-э-это о-они! — выдавила она из себя, и по ее щекам покатались слезы. — И-и-звините!

Девушка закрыла ладонями глаза и выбежала из кабинета.

— Так это Коробков? — спросил Карасев.

— Нет, не Коробков. Это ботинки покойного Локридского, — ответил капитан.

— Локридского мы давно подозревали, и давно за ним следили, — хмуро пояснил Меркулов. — Но он каждый раз ускользал, и каждый раз у него оказывалось алиби. Очень скользкий тип.

— У вас были какие-то улики?

— В том-то и дело, что прямых улик не было. Были только догадки. Сторож в церкви оказался двоюродным братом Локридского. Когда третьего октября девяностого года маньяк напал на Александрову, сторожа в сторожке не было. Он болел. Только Локридский об этом знал, потому так бесстрашно и шагнул под фонарь. Но это было единственный раз. Обычно «Антихрист» очень осторожен. Всегда держится в тени. А просекли мы его вот как: вы знаете, преступники имеют привычку приходить на место преступления. Вот мы и обратили внимание на человека, которого никто никогда не видел среди прихожан.

— Почему вы его не задержали и не сделали анализ?

— Во-первых, не было веских причин, во-вторых, мать пострадавшей категорически запретила контактировать нам с дочерью, чтобы не травмировать девочку. Она полгода молчала, не могла произнести ни слова. Мы стали следить за сторожем музея, собирать о нем материал. Пришли к выводу, что у него все основания быть маньяком.

— Почему?

— Видели его жену? Ничего женственного! Доска доской. А Локридский, между тем, подогревал себя всякого рода эротической продукцией. Да, Тарас Александрович, мы обошли все городские фильмотеки. Во всех Локридского знали как любителя эротики. Литературу соответствующую тоже почитывал. Товарищи по телефонной станции звали его страдальцем, потому что он не мог спокойно смотреть на девушек.

— Какие же у него оказывались алиби?

— Его дежурства в музее. После того, как сигнализация сдавалась на пульт, из музея теоретически выйти было невозможно.

— А практически, еще как! — заволновался Тарас. — Существует сотня способов выйти с объекта, не потревожив сигнализацию.

— Все мы прекрасно знали! Но начальство требовало найти более существенные доказательства. Вот его ботинки были бы отличной уликой. Кстати, где Катя?

Действительно, Катино отсутствие уже стало беспокоить. Карасев вышел из комнаты и прошелся по музею. Кати нигде не было.

— Она ушла домой! — сказала вахтер.

— Как домой? — удивился Тарас. — А где она живет?

— Понятия не имею. Спросите у Аллы Григорьевны.

Но Аллы Григорьевны на работе не было. Остальные сотрудники музея уже успели разойтись по домам.

«Второй побег за неделю? Круто! Это даже для голливудского фильма перебор».

Тарас набрал домашний Аллы Григорьевны, но тщетно. К телефону никто не подошел. Тогда он позвонил Сафронову, но и его не оказалось дома. Пришлось звонить в деканат университета.

— Уже никого нет, — ответили в деканате. — Звоните завтра после девяти.

Карасев вышел на воздух и присел на ступени крыльца. Поразмыслить было о чем. Прежде всего, о том, зачем Кате понадобилось после Московского педагогического поступать в Ульяновский университет, причем на тот же факультет? Зачем после должности научного сотрудника

«Эрмитажа» ей взбрело в голову устроиться сюда на крохотные полставки младшего научного сотрудника? Каким-то образом совпало, что с Катей под одной крышей оказался и маньяк, напавший на нее десять лет назад. На все эти вопросы напрашивался только один ответ: она приехала отомстить.

Чем смелее Карасев развивал мысль в этом направлении, тем больше убеждался, что Локридского убила именно Александрова. Не сама конечно. С сообщником. Одна бы она не справилась.

Вот тут Карасев и вспомнил про открытую дверь ее кабинета в то утро и даже подпрыгнул от блестящей догадки. Ну да, конечно! Все правильно! Как же он не догадался раньше?

Александрова вечером заперлась в своем кабинете. Вот почему перед уходом директриса видела отдел Гончарова закрытым. В половине двенадцатого девушка отперла кабинет, прошла сквозь зал с восковыми фигурами в вестибюль, прокралась мимо каптерки сторожа, прилепила на датчик магнит и впустила сообщника. Тот в свою очередь заманил сторожа в темный коридорчик и пробил ему голову ключом. Затем эта парочка вместе стерла отпечатки пальцев, намазала кровью пальцы Берии и улизнула через центральный вход, забыв запереть отдел Гончарова. Наутро директриса явилась первой, увидела, что дверь отдела Гончарова открыта, и подумала, что Александрова уже на работе. На самом деле она еще не пришла. Катя пришла после директрисы, поговорила с милиционером на входе, запудрила ему мозги и незаметно сняла с двери магнит. После чего направилась не в свой кабинет, а в туалет. Спрашивается, зачем? Затем, чтобы стереть отпечатки пальцев с магнита. После чего она поднялась наверх, прошла через зал с восковыми фигурами и засунула магнит в карман Берии.

Карасев даже поднялся от волнения. Блестяще! Все логично! И полная картина.

Правда, эта версия не объясняла пропажу ключей у Зои Павловны. И потом, зачем убийцам нужно было заманивать сторожа в коридор через зал с восковыми фигурами? Не проще ли было замочить его прямо в каптерке? Наконец, сторожа убили ключом, предметом явно случайным? Это факт! И

самое главное, Карасев, хоть умри, но не верил, что эта нежная обаятельная девушка могла убить маньяка из мести.

На этой мысли у Тараса зашевелились волосы. Но ведь это уже третья версия убийства Локридского из мести.

Капитан Меркулов тронул следователя за плечо. Карасев вздрогнул.

— Где она?

— Думаю, что сбежала.

— Почему сразу сбежала? — удивился капитан. — Просто ушла домой. Сейчас ей нужно пережить новый шок.

— Нет, Алексей Борисович, — покачал головой Тарас. — Не ушла, а именно сбежала. У меня есть подозрения, что это она убила Локридского.

— За что? — вытаращил глаза капитан.

— Как за что? За поруганную честь!

— Нет-нет! Откуда ей было знать, что Локридский маньяк, если даже мы об этом не знали? Хотя и догадывались.

— Вы полагаете, что она не могла догадаться?

— Откуда? Если бы догадывалась, то ее бы так не потрясли ботинки. Так что давайте сегодня, Тарас Александрович, не будем ее доставать. Пусть отойдет.

— Тем более что адреса мы ее не знаем, — усмехнулся Тарас.

— Завтра все узнаем, — сказал капитан.

Однако на следующий день, как и предполагал Карасев, Александрова на работу не вышла. Зато объявилась Алла Григорьевна. Увидев Карасева на крыльце музея, она насторожилась.

— Мне нужен адрес Александровой, — сказал следователь.

— Сейчас найдем в карточке, — засуетилась она.

Но в карточке оказался только ее Тверской адрес, как впрочем, и на заявлении о принятии на работу.

— Когда мы принимаем на полставки, фактический адрес не вносим в картотеку, — виновато закусила губу директриса. — Только тот, который в паспорте.

— Какие-нибудь копии ее документов остались?

— Никаких, — развела руками Петрова.

Пришлось звонить в деканат университета. В деканате, хоть и со скрипом, но все-таки дали телефон квартиры, которую она снимала. Карасев немедленно позвонил по этому номеру, но, как и предполагалось, он оказался липовым. Ни о каких Катях по этому номеру не слышали, и квартир никогда не сдавали.

Карасев поехал в университет, разыскал Катину группу, опросил всех, и только одна студентка продиктовала номер телефона тетки, у которой она собиралась снимать комнату. Карасев немедленно позвонил ей.

— Да, я слушаю! — отозвался прокуренной женский бас.

— Мне нужна Катя, квартирантка ваша, — сказал Карасев.

— У меня нет квартирантки Кати, — ответила тетенька. — У меня квартирантка Таня. Ее тоже позвать не могу. Она в институте. А Кати у меня никогда не было.

— Как же не было? — с отчаяньем воскликнул Тарас. — Такая черная, стройная, с пышными волосами. Она хотела снять у вас квартиру.

— Ах, вот вы кого имеете в виду! — невозмутимо ответила хозяйка. — Да, помню, приходила такая. Но я не сдаю семейным.

— Она семейная? — удивился Карасев.

— Ну, если с мужем, то значит семейная.

— А вы не знаете, где они сняли жилье?

— Мне не докладывали. Я их послала к бабке Матрене в Киндяковку. Не знаю, сдала она им квартиру, или нет? Скорее всего, нет. Бабка Матрена тоже не пускает семейных.

— У вас есть телефон бабки Матрены?

— У нее нет телефона. Могу продиктовать адрес.

Записав адрес, Карасев сию минуту рванул в Киндяковку. Через двадцать минут он уже звонил в квартиру бабки Матрены. Открыла маленькая щупленькая старушонка со слезящимися глазами.

— Катя дома? — спросил Тарас.

— Нет! Кати нет! — улыбнулась старушонка. — Вчера она съехала. Муж ейный съехал еще неделю назад, а она вчера пришла с работы, собрала чемодан и подалась.

— Куда?

— Откуда я знаю? А вы кто?

Тарас показал бабке служебное удостоверение.

— Вы сказали, она жила с мужем?

— Да не муж он ей вовсе, — в сердцах махнула бабка, затем покосилась по сторонам и поманила пальцем. — Какой же он, муж? То исчезает на три недели, то появляется на один день. Правда за квартиру они платили исправно, за двоих, как полагается. Но в основном, она жила одна. Муж только иногда навевывался. А когда навевывался, — бабка снова зыркнула по сторонам и снизила голос до шепота, — тогда она ему стелила на полу,

хотя диван в ихней комнате двуспальный. Дай-ка, думаю, посмотрю в ее паспорте, что это у нее за муж. Открываю паспорт — а он чист. Она вообще не замужем. А когда приехал он, я заглянула и в его паспорт. Он оказывается женат. Но на другой. Вот тебе и муж с женой! Фамилия-то разные: она, значит, Екатерина Александрова, а он Агафон Мемнонов. А его настоящую жену зовут Клавдией. Детей нет. Прописка Тверская. У обоих.

— А какой он из себя, Агафон Мемнонов, — спросил Тарас.

— Очень здоровый, — закатила глаза бабка.

30

Возвратившись в отдел, Карасев первым делом позвонил в Тверь по месту прописки Кати.

— Она уже четыре года работает в Эрмитаже, в Санкт-Петербурге, — удивленно ответила Катина мама. — А здесь появляется только в отпуск, и то бывает не больше недели.

— Если появится, сообщите! — попросил Карасев и позвонил в Эрмитаж.

— Да, — подтвердили там. — Екатерина Александрова у нас действительно числится на должности научного сотрудника. Но в данный момент находится в творческом отпуске. Скоро должна выйти. У нее отпуск до пятнадцатого октября. Она пишет книгу о жизни писателя Гончарова в Петербурге.

«Все бы так писали», — проворчал про себя Тарас и запросил в Тверской

«справке» адрес Агафона Мемнонова, если таковой окажется. Таковой оказался. Карасеву продиктовали не только адрес, но и его домашний телефон.

Следователь тут же набрал продиктованный номер. Ответила женщина с тяжелым медленным говором, которая представилась женой Агафона Мемнонова.

— В данный момент муж в зарубежной командировке, — ответила она. — В Германии.

Это единственное, что более-менее внятно сказала женщина. А что за командировка, от какой фирмы и когда она заканчивается? — от женщины добиться не удалось.

— В его дела я не вмешиваюсь и знать их не хочу, — отрезала жена Мемнонова и положила трубку.

Карасев запросил Тверское ГУВД и попросил навести справке о Мемнонове. Через час информационная служба главного управления внутренних дел ответила, что такая фамилия у них фигурировала в одном деле, связанном с убийством. Только замешан в нем был не Агафон, а его младший брат Михаил, который из ревности к своей гражданской жене спровоцировал уличную драку с братьями Леоновыми, Борисом и Геннадием. Также в драку со стороны Мемнонова был втянут некий Алексей Колесов, который ножом нанес Геннадию Леонову смертельное ранение в живот.

Карасев попросил информационную службу дать все адреса серьезных тверских предприятий, которые сотрудничали с зарубежными фирмами. Таковых оказалось восемнадцать. Однако не в одном из них Агафон Мемнонов не значился.

— Скорее всего, он — челнок, — предположили в Твери. — И официально нигде не числится.

Ближе к вечеру позвонила Михайлова. Ее голос был взволнован. Но незначительно.

— Тарас Александрович, — сказала она. — Я завершила опись фондов музея. В принципе все на месте, за исключением одного мелкого экспоната. Это совсем незначительная вещица. Честно говоря, мы сами не знаем, что это такое. В музейном фонде экспонат числится как подарок некой Екатерины Лыжиной писателю Гончарову. Хотя, знаете, я не уверена, что предмет исчез. Возможно, мы его еще найдем. Тут у нас были некоторые перемещения. Не исключено, что он просто куда-то закатился. Но если даже не найдем, потеря не велика.

— Извините, — потерял терпение Карасев. — Что за экспонат?

— Знаете, какой-то мутный осколок стекла, небольшой, с пол-ладони, треугольной формы, похож на плексиглас. Право, затрудняюсь сказать, в чем его ценность и откуда он родом? Может, кусок от какого-то витража, может застывшая смола? Мы никогда его не выставляли, потому что не знали, что представляет собой этот предмет? Он всегда лежал у нас в хранилище под биркой «Подарок Екатерины Лыжиной».

— А кто такая Екатерина Лыжина, — вяло поинтересовался Карасев.

— Мы предполагаем, это особа — какая-нибудь петербургская подруга писателя. Чем она знаменита, нам не известно. Скорее всего, ничем. Нам известен только год передачи этого предмета Гончарову. Это произошло в октябре 1872 года.

Карасев позвонил в Архивный отдел Эрмитажа и попросил навести справку о Екатерине Лыжиной, петербургской подруге Гончаровой, если они, конечно, таковую знают. Из Эрмитажа ответили, что поднимут архивы и позвонят, если что-то выяснится про эту особу. Но вряд ли. Мали ли у писателей подруг?

— Позвоните мне на сотовый, — попросил Тарас и отправился проветриться на улицу.

«Будь я проклят, если что-нибудь понимаю», — подумал он.

Катя сидела в кресле перед горящим камином, держа на коленях деревянную икону, и с ненавистью терпела, как Агафон гладил ее ногу. Чем выше поднималась его рука, задирая полы халата, тем омерзительней становилось дыхание парня. Наконец она не выдержала и сбросила с себя его мерзкую руку.

— М-мемнонов п-прекрати, м-меня тошнит!

— От меня? — обиженно спросил Мемнонов, заглядывая ей в глаза.

— Д-да, не от тебя. А от в-всего этого... Н-не могу я, понимаешь? — всхлипнула Катя. — Я и р-раньше не могла. Всегда сзади стоял тот м-мужик в кирзовых ботинках. А теперь, к-как мне п-показали его б-ботинки, — тем более не могу. В-видишь, опять з-заикаться начала.

— Хорошо, я не буду, — тяжело вздохнул Мемнонов, опуская руки. — Я буду воздерживаться, как Челентано. Только умоляю, не заикайся!

Агафон пошел на кухню, а Катя сняла телефонную трубку. Она набрала Аленкин номер и, услышав ее голос, заплакала:

— Катька? Боже мой! Ты где? — прошептала подруга.

— Я здесь, в Твери! Отсиживаюсь на вашей с Мишкой даче. С Агафоном. Меня, кажется, раскрыли. Я еле сбежала!

— Ничего! Немного отсидитесь. Потом смоетесь в Германию, как задумали. Главное, что дело сделано.

— Зачем я ввязалась в эту авантюру? — простонала Катя. — А главное, я поняла, что он мне очень отвратителен, этот твой Мемнонов.

— Как отвратителен? Раньше не был отвратителен, а сейчас отвратителен? Хотя мне тоже. Весь их род мне опостылел. Черт с ними! Как переедите границу, поделите деньги, и сразу сделаешь ему ручкой. С деньгами ты независимая. А там найдешь своего Астерина...

— Слушай, Аленка! Вчера, когда я сматывалась из Ульяновска, я пробегала с чемоданом мимо какой-то помойки и вдруг увидела, что из мусорного контейнера смотрят родные глаза. Подошла, — мама родная! — в мусоре лежит иконка с лицом того самого человека, который приходил к нам ночью помочь вылечить Стрелку. Помнишь? Который сказал, что мы с ним еще встретимся.

— Ой, какой ужас! Катька, это знак! Только как его понимать?

— Сама не знаю. Иконку я подобрала, и теперь с ней не расстанусь...

Неожиданно огромная лапа Агафона легла на телефон. Катя испуганно подняла глаза.

— Т-ты меня напугал.

— С ума сошла? — вытаращил глаза Агафон. — Мы же договорились, отсюда не звонить? Никто не должен знать, что мы здесь. Даже Аленка. Она расскажет Мишке. Мишка — моей Клавке. И тогда нам труба!

— Ты же сам только что звонил своей Клавдии.

Мемнонов снова облапил девушку.

— П-пожалуйста, отстань! — простонала она и закрыла лицо руками.

И вдруг увидела кровавое солнце, тонущее в море. Это было дурным знаменем. Троянцы были красными от лучей заката, будто их вымазали в крови. На площади у дворца Приама возвышался деревянный конь.

Глядя на него, горожане ликовали, пили вино и жарили на вертелах мясо. Они праздновали победу, веселились, хохотали, и только одна Кассандра была мрачнее тучи.

— Выпей вина, дочь моя! — улыбнулась мать Гекуба. — Не пристало царской дочери в такой счастливый день быть угрюмой.

— Это не счастливый день, это последний день священного Илиона, — истерично воскликнула Кассандра, поднимая к небу осколок горного хрусталя.

Ей было страшно заглянуть в него. Вокруг толпа весело отплясывала под флейту, и никто не обращал внимания на явно спятившую жрицу. Покачав головой, мать пошла прочь и вскоре растворилась в толпе.

— Теперь, когда от нас отвернулись Боги, город может спасти только Елена, — прошептала Кассандра. — Из-за нее началась война, и она же сможет ее завершить.

Вот, наконец, на площади появилась и она, прекрасная и златокудрая, сияющая как утренняя звезда и румяная от выпитого вина. Все восхищенные взоры, как мужчин, так и женщин устремились на спартанскую красавицу. По толпе прокатился одобрителный гул, означающий, что самое прекрасное сокровище на земле осталось в Трое.

Кассандра подошла к ней и сказала:

— Настало время, Елена, исполнить свой долг перед жителями Трои и отплатить за любовь горожан, так преданно защищавших тебя.

— Чем же мне отплатить за любовь? — рассмеялась Елена.

— Говорят, ты очень искусно подражаешь женам греческих царей и героев. Представь себе, что в брюхе этой лошади сидит Одиссей, а ты Пенелопа, которая тосковала о нем десять лет.

Лицо Елены сделалось нежным, глаза затуманились:

— Как долго я ждала тебя, мой милый Одиссей! Как много тосковала о тебе, звала и молила Богов, чтобы они поскорее приблизили этот день! — пропела Елена голосом Пенелопы. — Но женское сердце не столь терпеливо, как мужское. Я снарядила корабль и пустилась в путь. И вот я здесь, рядом с тобой, в священной Трое, жду, когда ты спустишься и обнимешь меня своими сильными, могучими руками! И я здесь, — воскликнула Елена, но уже голосом жены Эпея, — приплыла вместе с Пенелопой, чтобы обнять тебя, мой дорогой муж!..

Елена вошла в раж. Ее глаза то сияли, то скорбно затухали. В них то появлялись слезы, то вспыхивали искры восторга. Она на разные голоса выкликивала имена греческих воинов, но в брюхе деревянного коня было по-прежнему тихо. Тихо было и в толпе. Все заморожено слушали Елену. Глаза мужчин были мутными, а у женщин блестели слезы.

— Я бы не удержался, если бы меня так нежно позвала моя Гекуба, — улыбнулся Приам и посмотрел на жену.

Толпа вокруг ожила. Снова послышался смех. Со всех сторон обрушились похвалы актерскому дарованию Прекрасной Елены. Народ опять принялся ликовать, танцевать, пить вино, крутить на вертелах мясо. И никто не услышал, как в брюхе коня раздался железный лязг. Его услышала только Кассандра.

Она выхватила из рук раба горящий факел и поднесла его к хвосту деревянного чучела. Подошла мать, отобрала факел и приказала дочери покинуть площадь, чтобы не отравлять горожанам праздник. Кассандра зашла в храм и кинулась на алтарь Зевса.

Она без движения пролежала до глубокой ночи. А ближе к утру вышла наружу и пошла по утихшему городу. Троя спала глубоким сном. Улицы пахли пролившимся вином. Везде были следы вечернего пиршества: под ногами валялись раздавленные кувшины и кубки, вертела и ножи. Многие троянцы, утомленные дневной жарой и сладким вином, спали на воздухе: кто, лежа на собственной ладони, кто, привалившись к стенам домов и храмов.

И вдруг в проеме стены, через который втащили коня, Кассандра увидела костер. Он разгорался все сильнее и жарче, и какой-то грек бегал вокруг него и подкидывал в огонь дрова. Кассандра узнала его. Это был пленник Синон.

Жрица поднялась на стену, чтобы увидеть, что происходит; для чего этот греческий плут развел такой огромный костер? И ужас охватил ее: к этому проему в стене ползли вооруженные орды греков.

— Проснитесь, троянцы! — что, было силы, закричала она.

Но сзади кто-то грубо зажал рот. Она вырвалась из железных объятий и увидела, что перед ней Аякс, снискавший славу самого жестокого воина.

Кассандра вырвалась и бросилась прочь. Она понеслась в сторону дворца Приама, с ужасом замечая, как по улицам пауками расползаются вооруженные до зубов ахейцы. Это те самые, которые сидели в брюхе коня.

Воины Одиссея быстро и бесшумно разили мечами спящих на земле троянцев. Многие умирали без стонов, так и не проснувшись, но некоторые, уже отлепляли головы от стен и собственных ладоней. Они приходили в себя, но тут же получали смертельные удары в живот.

Кассандра летела по городу и чувствовала, что Аякс не отстает ни на шаг. Дева трижды спотыкалась о кубки и кувшины, трижды падала на землю, но снова вскакивала и бежала, куда несли ноги. А по сторонам начиналась великая бойня.

Уже слышался визг детей и женщин. Троянцы защищались, чем могли. Они бросали в греков горящие головни, утварь, столы, за которыми только что пировали; они бились вертелами, которые еще хранили тепло мяса. А ахейцы кромсали всех подряд, не щадя даже младенцев. Кассандра услышала, как дворец ее отца наполнился женскими воплями, а потом краем глаза увидела, как он занимается огнем.

У храма Зевса была резня, и дева, нырнув в темный проулок, побежала к храму Богини Афины. За ней последовал Аякс, не приняв участие в поножовщине.

Кассандра вбежала в святилище Афины, припала к статуе, одной рукой вцепилась в ее мраморную ногу, вторую, — в которой был осколок хрусталя, воздела к небу.

— Спаси меня, великая Богиня Афина, — воскликнула вещая дева, и в тот же миг услышала сзади тяжелые шаги Аякса.

— Не смей дотрагиваться до жрицы Зевса и дочери царя, — воскликнула Кассандра, холодея от ужаса.

Аякс расхохотался и бросил меч на пол. Он медленно подошел к жрице, схватил ее руку и посмотрел в глаза. Его взгляд был холодным и мутным.

— Не смей, в святилище! — прошептала она, вжимаясь в статую Афины.

Аякс с такой силой рванул ее к себе, что статуя Афины качнулась и полетела за ней. Богиня тяжело упала на пол, не задев Кассандры, и разбилась на мелкие куски. В ту же секунду вещая дева почувствовала, что выпустила из рук осколок горного хрусталя.

Аякс прижал ее к груди, затем, свирепо оттолкнув, пригнул огромной ладонью голову жрицы и задрал ее тунику. Последнее, что увидела вещая дева, его измочаленные сандалии и каменный пол с разбитыми кусками Афины...

Катя очнулась. Мемнонов снова гладил ее ногу, подбираясь все выше. Его пальцы уже касались трусиков, и его глаза уже были мутными, как у рыбы.

— Да, отстань ты, я сказала! — не выдержала Катя, вскакивая с кресла. — Совсем окосел?

Но Мемнонов не отстал. Он прижал ее к стенке и как пьяный навалился всей своей плотью.

— Катька, — прошептал он. — Ты мне всю душу вымотала.

Агафон расстегнул ей халат и вцепился в трусики.

— Черт с тобой, — прохрипела сквозь зубы девушка. — Раздевайся и ложись в постель.

— Правда? — дурашливо воскликнул он. — Ты не шутишь, Катька?

Девушка с ненавистью оттолкнула его и молча сбросила с плеч халат. Она осталась только в лифчике и тоненьких трусиках.

Агафон восхищенно разинул рот.

— Ну, у тебя и фигура. Как у Богини!

Мемнонов торопливо скинул с себя рубашку и с разомлевшим видом полез к Кате. Но она цыкнула:

— Тише! По-моему, дверь отпирают.

Мемнонов замер.

— Точно отпирают, — прохрипел он, тяжело дыша. — Не вздумай одеться! Я сейчас вернусь.

Он направился в прихожую, а Катя взяла с кресла икону с лицом Астерина и прижала к груди.

Карасев с унылым видом зашел кафе и увидел Берестова с Галкой. Галка пила шампанское, а Берестов по обыкновению что-то плел. Их веселый и беспечный вид немного поднял настроение.

— Ведем праздную жизнь в рабочее время! — произнес Карасев, вместо

приветствия.

— Тарас, привет! — засмеялся Берестов. — Давай, присоединяйся! Сегодня пьем и веселимся!

Он потребовал от официантки еще один бокал и с краями налил шампанского. Затем хитро подмигнул:

— Берию уже арестовали?

Галка покатила со смеху, а Карасев нахмурился.

— Тут дела почище...

Берестов сразу сделался серьезным. Он придвинулся к Карасеву и спросил полусшепотом:

— Взял след убийцы? Мне сказать можешь. Я — могила.

— Я тоже одной ногой в могиле, — выкатила глаза Галка.

Карасев, не спеша, приложился к бокалу, отломил дольку шоколада и только после этого удостоил друзей великодушным взглядом. Их глаза готовы были лопнуть от любопытства.

— Знаете, кем был музейный сторож, которого прибили? «Маньяком-антихристом!»

Галка ахнула и закрыла ладонью рот. Берестов недоуменно поднял брови.

— Потом я тебе расскажу, — шепнула она Леониду. — Дальше, дальше, Тарас! Так кто грохнул сторожа?

— Подозреваю, что его первая жертва — Катя Александрова.

Взяв с друзей клятву о неразглашении, Тарас рассказал им все: и о том, как маньяк надругался над приехавшей из Твери девушкой на крыльце Православного храма, и о том, как насильника не могли поймать с

поличным, потому что он оказался хитрее лисы и быстрее собаки, и о том, что через десять лет его первая жертва Катя Александрова снова возвратилась в город, чтобы поступить в университет, в котором ей не довелось учиться, и о том, что она устроилась на работу в тот же самый музей, в котором работал сторожем неуловимый маньяк. А в музее, тем временем, проходила выставка восковых фигур, и на пальцах Берии оказалась кровь убитого сторожа...

— Какой ужас! — затряслась Галка. — Просто мистика...

Берестов был на редкость серьезен и молчалив. Он смотрел в пространство и, казалось, о чем-то вспоминал.

— Восковые фигуры здесь ни при чем, — неожиданно произнес он. — Это случайность.

Глаза его блеснули. Он придвинулся к Тарасу и снизил голос до полупшепота.

— Помнишь, я тебе говорил, что когда заснул в музее, Берия мне не снился, а мне снилось что-то античное. Море, закат. На фоне заката вытщенные на берег корабли, и около них ахейцы в шлемах и красных плащах.

— Боже мой! — перекрестилась Галка и судорожно отпила из бокала.

— Ну и что? — пожал плечами Тарас.

— Как что? — взгляд Берестова сделался мутным. — Это не случайно. Случайностей на свете нет... Ты знаешь, никак не отделаюсь от мысли, что нечто подобное уже происходило. Кто-то уже искал защиту от насильника в храме... Но это не помогло... — Лицо Берестова неожиданно просветлело. — Вспомнил! Вещая Кассандра искала спасения в святилище богини Афины, когда ахейцы ворвались в Троию. А над ней надругался Аякс, прямо перед алтарем. Ахейцы пришли в ужас от такого кощунства. Боги тоже были в ужасе. Греки хотели казнить Аякса, но по какой-то причине не казнили. Но Боги наказали Аякса по-своему. Когда греки возвращались на родину, им была ниспослана буря. Корабль Аякса разбило о скалы. Все

погибли, а он успел вцепиться в скалу. Аякса обрадовался, что обвел вокруг пальца и смертных, и бессмертных, но Зевс метнул в скалу молнию. Она оторвалась и погребла его в море.

Карасев побледнел.

— Что с тобой? — удивился Берестов.

— Да... ведь его жена рассказывала, что ему накануне приснился этот сон, который ты только что рассказал, — пробормотал растерянно Тарас.

— Кому приснился? — не сразу понял Берестов.

— Локридскому...

Пришла очередь побледнеть Берестову.

— Локридскому? — повторил он. — Я не ослышался? Фамилия сторожа Локридский? Вот это совпадение! Ты знаешь, кем был Аякс? Именно царем племени локридов!

Друзья онемели и с открытыми ртами уставились друг на друга. Не онемела только Галка. Она обоих взяла за грудки и начала трясти.

— Дальше, мальчики! Дальше!

— Дальше? — очнулся Берестов и перевел взор на Галку. — А дальше, Галчонок, могу сказать только одно, что в истории все повторяется.

— Я это уже слышала! — перебила Галка. — Скажи мне, Тарас, неужели правда Катя Александрова замочила Локридского?

— Катя Александрова, — пробормотал, как помешанный, Берестов и вдруг поднялся со стула. — А знаете ли вы, господа, что время у имен съедает окончание, а у фамилий начало. Произнесите «Катя Александрова» одним словом.

— Ка...сандра... — пробормотала Галка и вдруг хлопнула себя по губам.

— Мистика какая-то... Так значит, она отомстила? Да сядь ты, Леня! Чего ты встал как памятник?

— Нет! — покачал головой Тарас. — Весь фокус в том, что она не могла убить из мести. Понимаете, она не знала, что Локридский и есть тот самый насильник.

— Тогда за что она его убила? — вытаращила глазища Галка.

— А кто тебе сказал, что убила она? — поморщился Тарас. — Убил, скорее всего, ее сообщник. Я только ума не приложу, за что?

Все трое замолчали и угрюмо потупили взоры. После трехминутной тишины Берестов произнес:

— Галка, у тебя Гомер есть? Умри, не помню, что было дальше, после разгрома Трои.

— Ты что, недопил? Откуда у меня Гомер?

— А Вергилий есть?

— Вергилий? Слушай, у тебя горячка.

— Как ты живешь, Галка, без Вергилия, в этой дыре?

Берестов опустошил бокал шампанского и уперся лбом в собственные ладони.

— Действительно, бред какой-то. Если никто не знал, что Локридский маньяк, за что его было убивать?

В этих раздумьях компания провела еще полчаса. При этом была выпита вторая бутылка шампанского, затем бутылка Хереса, и Берестов уже собирался добавить коньяку, но у Карасева зазвонил сотовый. Звонили из Эрмитажа.

— Вы следовательно по особо важным делам? — уточнили на том конце.

— Да, я! Говорите!

— Из Архивного отдела вас беспокоят. Мы выяснили, кто такая Екатерина Лыжина. Это дочь почетного гражданина Санкт Петербурга Петра Александровича Лыжина. Ее полное имя Екатерина Петровна Лыжина. В 1852 году в двадцатилетнем возрасте она вышла замуж за купца из Амстердама, имевшего Российское гражданство, Генриха Шлимана, о чем свидетельствует запись Исаакиевского собора. В 1855 году у них родился сын Сергей. В 1859 году — дочь Наталья. В 1868 году Екатерина Петровна развелась со своим мужем и замуж больше не выходила. Вот, собственно, и все что мы нашли по Екатерине Лыжиной. Всего доброго. До свидания.

Карасев сунул телефон в карман и улыбнулся Леониду с Галкой, не сводящих с него любопытных глаз.

— Господа, — произнес он полушепотом. — Я, кажется, понял, за что убили Локридского.

— За что? — воскликнула окосевшая парочка.

— Потом!

Карасев выскочил из-за стола и рванул на выход.

— Ты куда? — крикнул Берестов.

— Объявлять в розыск...

Карасев мчался по улице, и все фрагменты этой путанной истории на ходу выстраивались в одну логическую линию. Эрмитаж. Екатерина. Гончаров. Появление Кати. Исчезновение связки ключей. Убийство Локридского. Наконец, исчезновение подарка Екатерины Лыжиной — этого желтого невзрачного осколка.

Прибыв в отдел, Карасев направился к компьютерщикам.

— Ребята, мне нужно срочно скачать из интернета список сокровищ

Генриха Шлимана, которые он выкопал в Трое?

— Попробуем! — ответил компьютерщик.

Через две минуты на мониторе появились цветные репродукции археологических раскопок Илиона: золотые кубки, чаши, цепочки, украшения, золотые маски, сохранившие лица умерших, набалдашники от мечей из горного хрусталя.

— Что есть еще из горного хрусталя? — спросил Карасев.

— Вот еще есть чаши, бусы, серьги. Осколки от витражей...

— От витражей? Сделай их покрупнее! Так-так... Вот оно! Вау! Теперь мне все ясно.

33

Теперь действительно все встало на свои места. В фондах Ульяновского музея хранился уникальный экспонат, найденный Шлиманом при раскопках Трои, древностью более трех с половиной тысячи лет. Это осколок от витража. Его подарил своей супруге Екатерине сам Генрих Шлиман в 1871 году, уже после развода, поскольку продолжал материально содержать семью. Но русская жена Шлимана не оценила подарок и подарила осколок из горного хрусталя писателю Гончарову. Вот каким образом экспонат оказался в Ульяновском музей.

Об этом подарке Екатерины Лыжиной Александрова узнала из архивных бумаг Эрмитажа. Девушка сообразила, что похитить из провинциального музея экспонат, стоимостью более миллиона долларов, не представляет большого труда, тем более что профанирующий персонал музея никогда не

понимал ценность этого предмета.

Она устроилась в отдел Гончарова младшей научной сотрудницей. Разумеется, ее взяли не раздумывая. Кто еще согласится работать в провинциальном музее почти на голом энтузиазме? Параллельно Александрова поступает в Университет. Но это для конспирации. Чтобы в случае чего не вызвать лишних подозрений. В распоряжении новой работницы музея оказались все архивы. Узнать, где и под каким номером хранится в подвале этот бесценный экспонат, не составило большого труда.

Она выкрала у Михайловой связку с ключами, заказала копию ключа от подвала, затем тщательно промыла ключи растворителем, чтобы в случае чего не выявились отпечатки, и возвратила связку на место. Дальше уже, видимо, без сообщника не обошлось. Наверняка сообщник заказывал копию и промывал ключи растворителем. Наверняка он и разработал план этой операции. Уже, вероятно, найден и покупатель за рубежом. Да-да, скорее всего, за рубежом, поскольку в России за эту реликвию никто не даст настоящую цену.

Итак, третьего октября Александрова заперлась у себя в кабинете. Ближе к одиннадцати, прошмыгнув мимо каптерки сторожа в вестибюль, она заблокировала магнитом дверь и впустила сообщника...

Карасев от волнения поднялся со стула и принялся метаться в своем кабинете из угла в угол. Почему операция была назначена на третье? Да потому что третьего по НТВ транслировался футбол между командами «Спартак» и «Динамо». Локридский любитель футбола. Трансляция начиналась в половине одиннадцатого, а в одиннадцать его убили. Это гениально — впустить сообщника во время футбольного матча. Кстати, наконец, объяснялось и то, почему Локридского грохнули в коридорчике, а не в каптерке.

Тарас напряг все извилины и вдруг понял, что Локридский — случайная жертва. Его вообще не планировали убивать! Поэтому охранника и пристукнули случайным орудием. Хотя, кто знает? В мире нет ничего случайного...

Карасев набрал номер Михайловой:

— Зоя Павловна, сосредоточьтесь и вспомните, это очень важно. Вечером перед убийством вы сдавали сигнализацию на пульт. Рядом с «рубином» висел дополнительный прибор, который охраняет подвал. Это, так называемая, местная сигнализация. Она не выведена на пульт. Вы его включали?

— Ну, что вы! Мы местную сигнализацию уже сто лет не включаем, — ответила Михайлова. — Какой от нее смысл, когда она срабатывает только у сторожа в каптерке. Хотя нет! Стойте! Тарас Александрович! А ведь точно, я включила сигнализацию в подвале. Точно-точно! Когда я выпроводила слесарей, у меня было чувство, что у них в подвале осталась третья бутылка, и они полны решимости вернуться. Вот я и включила. Инстинктивно.

— А когда пришли наутро, прибор был выключен?

— Да. Кажется, выключен.

— Почему вы об этом не сказали раньше?

— Я не думала, что это так важно. И потом, подвальную сигнализацию в течение дежурства отключают сами сторожа. Она ветхая. Дает ложные сработки.

— А как она срабатывает? Звенит?

— Нет. Звонок давно отключен. Просто щелкает прибор и мигает лампочка.

— Спасибо, Зоя Павловна, вы мне очень помогли, — скороговоркой проговорил Карасев. — Только просьба, никому ни слова!

Теперь картина прояснилась окончательно. Александрова с сообщником отперли дверь подвала и прибор в каптерке сторожа сработал. Локридский его немедленно отключил и пошел на всякий случай посмотреть, что случилось? В коридоре он увидел Катю, которая, судя по всему, стояла на

шухере, а сообщник был уже в подвале. Что у них произошло — непонятно. Может, Катя завизжала, может, что-то еще? Но сообщник выскочил наверх и подвернувшись под руку ключом нанес Локридскому два удара по голове.

Тарас тряхнул головой, и ему вдруг ясно представилась картина, как они вдвоем ошеломленно стоят над трупом Локридского и смотрят друг на друга. «Вот это ни черта себе. Вот это похитили незаметно»? Немного поразмыслив, они решили замести следы: стерли отпечатки и следы обуви. Затем им пришлось в голову намазать кровью пальцы Берии, чтобы запутать следствие.

Размышления Карасева прервал телефонный звонок. Звонил Берестов. Его голос был взволнован.

— Тарас! Только что прочел Вергилия. Скажу честно, ошеломлен. Все-таки по жизни нас водит судьба, причем, по одним и тем же тропам. Если бы еще знать фамилию ее сообщника... Я бы тебе предсказал будущее.

— Могу сказать фамилию, — угрюмо ответил Тарас. — Мемнонов его фамилия.

— Как-как? Мемнонов? Гениально! Может, его еще и зовут типа Агафона?

— Да, его зовут Агафоном без всякого «типа»! — удивился Карасев. — Откуда ты знаешь?

— Исключительно от Вергилия! Отбрось от имени окончание и соедини с фамилией — получится Агамемнон. Это греческий царь, который возглавлял осаду Трои. С ним Кассандра отбыла в Грецию! Сечешь? Тарас, срочно разыскивай Александрову. Ей грозит опасность.

— А я что, по-твоему, делаю? — возмутился Карасев. — Уже объявил ее в розыск.

— И где же, по-твоему, она скрываются?

— В Твери, конечно. Да расслабься Леня. Тверской угрозыск уже на ногах.

— Тарас, Тверской угрозыск ее не найдет. Будь я проклят! Ты ее тоже не найдешь. Александрову найду только я.

— Все ясно. Вы с Галкой еще добавили, — нервно засмеялся Карасев.

— Причем здесь, Галка, Тарас? Если ехать в Тверь, то едем сейчас. На вечерний московский еще успеем...

«Это, конечно, безумье, не оформив командировку, не получив одобрение начальство, сорваться в Тверь, — думал Карасев, летя в такси на железнодорожный вокзал. — Но Берестову всегда удавалось провоцировать на безумные поступки...»

На следующий день в десять утра они уже были в кабинете у начальника Тверского ГУВД. Он молча выслушал Карасева, после чего без лишних слов поднял трубку и сурово произнес:

— Полковник Григорьев у аппарата. Срочно выделить машину ульяновским товарищам. — Начальник положил трубку и обаятельно улыбнулся. — Чем сможем, тем поможем. Группа захвата в вашем распоряжении.

Гости поблагодарили Григорьева и направились в дежурку.

— Сначала к ее матери, затем к жене Мемнонова, — бросил на ходу Карасев.

Мать Александровой, Надежда Федоровна, оказалось моложавой, высокой, женщиной, несколько грациозной и строгой. Ее черные внимательные глаза гармонично сочетались с легкой сединой в волосах. Узнав, что господа из милиции разыскивают ее дочь, она встревожилась.

— Где сейчас может быть Катя? — спросил Карасев.

— Наверное, в Москве. Она пишет книгу. Думаю, сидит в архивах

Ленинской библиотеки. А в чем дело?

— Дело десятилетней давности. Она нужна нам в качестве свидетельницы для опознания ботинок маньяка, — соврал Карасев. — Как давно вы с ней виделись?

— Месяца два, — переменялась в лице Надежда Федоровна. — Как только она взяла академический, сразу приехала сюда. Пожила неделю и уехала в Москву.

— С кем она здесь встречалась?

— Практически ни с кем, — пожала плечами родительница. — Закадычных друзей у нее нет. Только подруга, Аленка.

— А Мемнонов? — вмешался Берестов.

— Мемнонов? — удивилась Надежда Федоровна. — При чем здесь Мемнонов? Это муж ее подруги, Алены.

— Агафон?

— При чем здесь Агафон? — еще больше удивилась женщина. — Агафон — старший брат мужа подруги.

— А мужа подруги как зовут? — отодвинул Карасева Берестов. — Случайно, не Менелай?

— Нет, не Менелай, — улыбнулась женщина. — Его зовут Михаилом. Но война из-за Елены здесь была.

— Ее похищали?

— Такую похитишь. Она сама кого хочет похитит. По доброй воле уехала в Крым с одним товарищем.

— Как звать? Парисом?

— Нет, конечно, не Парисом, но очень близко — Борисом. Фамилия Леонов, если вас интересует.

— От слова Илион, — подмигнул другу Берестов.

Карасев незаметно показал Леониду кулак и продолжил расспрос:

— В каких отношениях ваша дочь с Агафоном Мемноновым?

— Дался вам этот Агафон! — вытаращила глаза Надежда Федоровна. — Ни в каких! Во всяком случае, замуж за него не собиралась. Да и не могла собраться, поскольку он женат.

— Чем занимается Мемнонов?

— А я откуда знаю? Кажется, антиквариатом. Боюсь соврать, но слышала, что в Москве у него антикварный магазин. Нельзя сказать, что Фоня очень крутой. Но бедным его тоже не назовешь.

— И последний вопрос, Надежда Федоровна, — опять вмешался Берестов. — Когда ваша дочь возвращается в Тверь, к кому она идет в первую очередь?

— К маме, естественно, — пожала плечами Надежда Федоровна.

— А во вторую?

— Ну, пожалуй, к Аленке...

Когда друзья вышли на улицу, то их мнения кардинально разделились. Карасев намылился к жене Мемнонова с целью взятия ее за жабры, а Берестов настаивал на том, чтобы поехать к подруге Аленке. В конце концов, бросили монету, и выпало ехать к подруге.

Дверь открыла белокурая голубоглазая красавица с пухлыми губами и роскошными бедрами. «С такой бы и я рванул в Крым!» — подумал Карасев. «Да что в Крым? В Париж!» — подумал Берестов.

— Вы Елена Мемнонова? — вежливо осведомился Карасев. — Мы из милиции. Позвольте задать вам несколько вопросов относительно вашей подруги Екатерины Александровой.

Глаза Алены стали круглыми.

— С ней что-нибудь случилось?

— Почему вы так решили?

— У меня плохие предчувствия? — схватилась за сердце Алена.

Берестов отодвинул Карасева и строго посмотрел красавице в глаза.

— По нашим сведениям, Кате грозит смертельная опасность. Еще не поздно спасти вашу подругу, но мы не знаем, где ее искать? Помогите!

Алена метнулась в комнату, но перед дверью внезапно остановилась. Она подозрительно впиалась в Берестова, после чего уныло потупила взор:

— Я не знаю.

Карасев достал из кармана визитку и сунул Алене:

— Если узнаете, позвоните мне на мобильный.

Друзья развернулись и пошли прочь.

— Она что-то знает, — шепнул Карасев Берестову.

— Само собой, — ответил Берестов.

Выйдя из подъезда, Карасев набрал номер супруги Агафона Клавдии. К телефону никто не подошел.

— Тем не менее, надо ехать к Мемноновым. Брать за жабры соседей, — пробормотал Тарас.

— Тебе бы только за жабры брать, — отмахнулся Берестов. — Давай подождем. У меня предчувствие, что Елена сейчас позвонит.

Друзья вернулись в машину и попросили водителя отогнать ее за кусты. Не прошло и десяти минут, как из подъезда выпорхнула Алена. Она почти галопом понеслась к автобусной остановке. Ее вид был встревоженным. Берестов с Карасевым переглянулись.

— Шеф! Давай незаметно вон за той блондинкой.

Красавица не дошла до остановки. Вышла на дорогу и принялась голосовать. Вскоре остановилось такси. Алена села в автомобиль, и он покатиł на окраину города.

— Судя по всему, едут на дачи, — сказал водитель.

И он не ошибся. Через полчаса такси пересекло городскую черту и въехало в зеленый коттеджный городок.

— Гадюшник местных буржуев, — пояснил шофер.

Через некоторое время машина остановилась у металлических ворот какого-то двухэтажного краснокирпичного дома. Пассажирка резво выскочила из такси, расплатилась через окошечко с таксистом и принялась ковыряться с гаражным замком в железных воротах. Такси укатило, а милицейские «жигули» незаметно подъехали к соседнему дому и пристроились у гаража.

— Пойдем, или подождем? — спросил Карасев.

— Подождем! — ответил Берестов.

И журналист снова оказался прав. Не прошла и двух минут после того, как хозяйка нырнула в калитку, пустую улицу огласил отчаянный вопль. Елена с шальными глазами выскочила из дома и сразу кинулась к единственной машине, стоящей на улице.

— Там! — тряслась она, указывая пальцем на дом. — Там...

Карасев с Берестовым выскочили наружу и помчались к дому. В прихожей ничего ужасного не наблюдалось, кроме груды обуви разных размеров. Не заметили ничего друзья и на веранде, через которую промчались, как сумасшедшие. Далее шла гостиная с диваном, тремя лавками и огромным столом посередине. Когда же они переступили порог каминного зала, то остолбенели.

На полу лежали двое. Красивая длинноногая девушка с пышной копной волос и здоровый парень атлетического сложения. У обоих на груди в области сердца зияло по маленькой кровавой дырочке. Черная кровь из ран расплзлась по полу и уже успела запечься.

Друзья подошли поближе. Девушка была почти голой, в тонких полупрозрачных трусиках и в таком же тонком бюстгальтере. Ее лицо было спокойным и одухотворенным. Тонкие руки сжимали деревянную иконку с каким-то белокурым святым. Парень был без рубахи, но в джинсах. Глаза его были открыты, и в них — застывшее удивление.

— Опоздали, — выдохнул Берестов. — Вызывай опергруппу.

Карасев грустно покачал головой и достал из кармана сотовый. Вызвав оперативников, он с растерянным видом направился к машине. За ним с поникшей головой поплелся Берестов.

В «жигулях» они вдвоем надавили на Алену. Та была не в себе, но сквозь слезы и всхлипывания все-таки рассказала, что от нее требовали.

— Это Агафон ее сбил с панталыку! — давилась слезами Алена. — Это он, гад, уговорил Катюку умыкнуть из Ульяновского музея троянский

хрусталь...

— В первую очередь давайте успокоимся, — хмурился Тарас. — И давайте по порядку.

И Елена рассказала, как год назад Катюша приехала из Санкт-Петербурга в отпуск. Ее приезд совпал с днем рождения ее мужа, Мишки. Катя пришла к ним в гости, где кроме их четы, были еще Мишкин брат Агафон и его жена Клавка. Там, на дне рождения Катя со смехом и рассказала, что в архивах Эрмитажа имеется свидетельство о том, что русская жена Шлимана, Екатерина Лыжина, подарила писателю Гончарову осколок горного хрусталя, найденный при раскопках Трои. Подарок супруга не только не обрадовал петербургскую матрону, но и оскорбил ее лучшие чувства. Она сочла бывшего мужа сумасшедшим. Ей нужны были деньги, простые русские рубли, на худой конец — фунты стерлинги, а не античный хлам. Словом, подарок, ценой в пятьдесят тысяч фунтов по тем временам, супруга Шлимана не оценила и без всякого сожаления подарила писателю Гончарову.

— Этот осколок более ста лет лежит в фондах Ульяновского музея, — весело смеялась Катя, — И персонал до сегодняшнего дня не знает, что это такое?

Девушка рассказала об этом только ради того, чтобы развеселить чопорную компанию, но юмор поняла только она, Аленка. Практичные Мемноновы сразу же нахмурились и стали допытываться, на какую сумму этот троянский экспонат потянет сегодня?

Про этот случай забыли все, кроме Агафона. Он всю жизнь занимался антиквариатом и шесть раз в году бывал за границей. Меньше, чем за месяц Агафон нашел покупателя на этот троянский осколок из горного хрусталя. Какой-то коллекционер из Германии готов был выложить за него миллион долларов. После этого Клавкин муж начал активно обрабатывать Катю. «Один взмах руки и ты миллионерша! Весь мир будет у твоих ног! Ты навсегда распрощаешься с этой гнусной российской нищетой...» Катюшка долго колебалась, но, в конце концов, согласилась.

— Я не знаю, что у них там произошло, — стучала зубами Елена, — но вчера она мне звонила и плакала. Потом на полуслове разговор оборвала, и я больше не могла до нее дозвониться.

В это время к дому с железными воротами подъехали три машины с милиционерами и криминалистами. Карасев вышел из «жигулей», обрисовал ситуацию, и они толпой направились в дом. Однако менее чем через пять минут Тарас вышел из дома и снова сел в машину. Он впился глазами в Алену и строго спросил:

— Кто мог их убить?

— Понятие не имею, — ответила красавица и снова заплакала.

Карасев кинул взгляд на Берестова. Берестов развел руками и демонстративно набрал телефон Клавдии Мемноновой.

— Ты думаешь, она что-то прояснит? — шепнул Карасев.

— Только она и прояснит, — ответил Берестов.

35

С домашнего Мемноновых никто не ответил. Тарас позвонил начальнику Тверского ГУВД и попросил содействия по задержанию Клавдии Мемноновой.

— Сегодня же задержим, — пообещал полковник Григорьев.

Эксперты высыпали на улицу перекурить. Карасев вышел из машины.

— Следы есть? — спросил он.

— Следов до черта!

— Стреляли из револьвера?

— Почему решили, что из револьвера?

— Потому что я не видел гильз.

— Нет-нет! Гильзы есть. Стреляли из девятимиллиметрового «Вальтера». Оба попадания в сердце. Смерть у обоих наступила мгновенно. Произошло это вчера примерно в девять вечера.

Больше торчать не имело смысла. Карасев приказал водителю возвращаться в город. По пути он спросил у рыдающей Алены:

— У Агафона был пистолет?

— У него было три пистолета!

— Каких марок?

— Я не разбираюсь в марках. Два пистолета, по-моему, были немецкие. Третий — с барабаном...

— А, кстати, чья это дача, на которой они скрывались?

— По документам, дача принадлежит моему мужу. А фактически, она Агафона. У него несколько дач.

Алену завезли домой, и поехали перекусить в кафе. Однако до кафе доехать не удалось. Позвонили дежурный ГУВД.

— Клавдия Мемнонова только что задержана в аэропорту. Сейчас ее везут в Управление для допроса.

— В контору! — приказал Карасев водителю.

Когда милицейские «жигули» подъехали к Управлению внутренних дел, с крыльца спустился улыбающийся капитан и радостно сообщил:

— Мемнонова во всем призналась. Это она убила мужа и любовницу. Уверяет, что в состоянии аффекта. Сказала, что убивать не хотела. Но муж с порога заявил, что они расстанутся, поскольку он женится на Катьке. Она прошла в дом и, увидев любовницу мужа, выхватила из кармана пистолет и выстрелила ей в сердце. Затем выстрелила в мужа...

— Можно задать ей пару вопросов?

— Можно, — ответил милиционер и повел друзей на второй этаж, где допрашивали убийцу.

Они втроем вошли в кабинет, и гостям стало не по себе от тяжелого взгляда задержанной. На стуле перед старшим лейтенантом восседала женщина лет тридцати пяти, плотная, с крашеными волосами, тонкими губами и бледным бескровным лицом. В ее глазах не отражалось ничего: ни страха, ни скорби, ни радости, ни раскаянья.

Капитан что-то шепнул лейтенанту, и тот обратился к допрашиваемой:

— Вам хотят задать несколько вопросов наши коллеги из Ульяновска.

Женщина равнодушно кивнула.

— Скажите, Клавдия... — запнулся Карасев.

— Николаевна, — подсказал лейтенант.

— Спасибо! Скажите, Клавдия Николаевна, известно ли вам что-нибудь об убийстве сторожа в Ульяновском музее?

— Все известно, — ответила задержанная без тени эмоции на лице.

— Кто его убил?

— Мой муж.

— За что?

— За то, что тот пытался изнасиловать его любовницу.

— Вы имеете в виду, Катю Александрову?

— Да. Именно эту сучку я и имею в виду.

— Вам рассказывал муж, как он его убил?

— Во всех подробностях. На самом деле этого сторожа никто не хотел убивать. Сам нарвался.

— Поподробнее, пожалуйста?

— Они с Катькой хотели только стибрить из подвала античный экспонат. Прокрались в музей. Эта сучка осталась наверху, а мой муж спустился вниз, в подвал. Ключ у них был. Агафон отпер подвал, вошел и вдруг услышал наверху визг. Он выскочил в коридор и увидел, как этот сторож лежит на Катьке и рвет на ней платье. Агафон, как он рассказывал, попытался стащить его за волосы. Но тот — ни в какую. Тогда он поднял с пола разводной ключ и пару раз ударил его по башке. Чтобы образумить. Ну, сторож и скопытился. У Агафона силища-то о-го-го! Пальцем пошевелит — и труп.

Женщина посмотрела Карасеву в глаза и вдруг усмехнулась.

— Только все это вранье, что он рассказывал, — покачала головой женщина. — Агафон не стаскивал с Катьки сторожа, а сразу размозжил ему башку, как только тот появился в коридоре.

— А кому пришло в голову намазать кровью пальцы Берии?

— Катьке, конечно! Она же хитрая. Даже Агафон удивился, как она бесстрашно сунула платок прямо в пробитую башку сторожа и преспокойно отправилась мазать пальцы фигуре. А на другой день она той же фигуре сунула в карман магнит. Вот тебе и девушка Тургеневского типа!

Теперь на все вопросы ответы были получены. Карасев устало вздохнул, как-то очень невесело подмигнул Берестову. После чего они оба покинули кабинет.

Друзья молча поплелись по коридору в сторону лестницы, но у самых дверей их догнал капитан. Он протянул Карасеву какой-то мутный, желтый, весь в пузырьках и порах осколок треугольной формы, который очень хорошо укладывался в ладонь.

— Это ваше, — улыбнулся он. — Изъято у Мемноновой при задержании.

Карасев пожал капитану руку и сунул троянский хрусталь во внутренний карман пиджака. Они вышли с Берестовым на улицу, сели в машину и попросили водителя довести их до вокзала.

— Леня, — подал голос Карасев. — Скажи, по мифу Кассандра тоже пала от рук ревнивой жены царя Агамемнона?

— Совершенно, верно. Пала, — ответил Берестов. — И пала вместе с Агамемноном.

Карасев тяжело вздохнул и сунул руку в карман. Внезапно к горлу подкатил комок. «Что это со мной, со следователем по особо важным делам?» — удивился он. На заднем сиденье беспокойно заерзал Берестов.

— Не знаю, как тебе, а мне девушку жалко, — произнес он.

Карасев извлек из кармана осколок троянского хрусталя и внимательно всмотрелся в желтизну. «Вещица не очень изящная, и не очень привлекательная, а стоит таких деньжищ», — подумал он. И вдруг внезапно желтая муть прояснилась, и Тарас ясно увидел Катю, веселую, смеющуюся, в какой-то божественно легкой тунике и ослепительным венком на голове, а рядом с ней — белокурого красавца, с лицом того самого святого, который был на ее иконе. Взявшись за руки, они шли среди облаков по каким-то невообразимо прекрасным просторам, и вокруг было небо совершенно неземной голубизны.

Карасев закрыл глаза и затряс головой. «Переутомился, — подумал он. —

Еще одно такое дело и можно смело отправляться в психушку».

— Ну, что теперь домой! — как можно бодрее, спросил Карасев. — В глушь, в провинцию, в Поволжье?

— Ты как хочешь, а я возвращаюсь в Москву, — уныло ответил Берестов. — Слетать что ли к жене в Лондон? Что-то мне, старик, в России тоскливо...